

Александр Зарницын

Проданный ветер

«Автор»

2013

Зарницын А. Ю.

Проданный ветер / А. Ю. Зарницын — «Автор», 2013

Остросюжетный роман об освоении русскими поселенцами далекой Аляски. О противостоянии секретных служб России и Англии на землях Северной Америки. В книге рассказывается о мужестве солдат, казаков, поселенцев, а также о роли и месте казачества, которое принимало активное участие в защите и освоении удаленных колоний империи. Противостоя племенам индейцев, шпионам, золотоискателям и браконьерам. В романе на основе реальных событий вскрываются причины, побудившие Российскую империю продать столь значительную территорию. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Зарницын А. Ю., 2013

© Автор, 2013

– Все, Константин Петрович! Дальше пойдете без нас по кромке океана, а мы повернем на Славянку, – устало проговорил полковник, смахивая испарину с лица. – Запомни самое главное, что я бумаге доверять не могу... Если с нами, что-то случится, то доложишь, что инженеры дел мастера подтвердили наличие на Клондайке коренного золота.

Скажешь, что местами золотоносные жилы выходят на поверхность, где их можно разрабатывать в промышленных масштабах. За точку отсчета пусть возьмут лесопилку этого проходимца Саттера, именно она стоит на хребте одной из крупнейших жил. На карте она привязана к местности, ее легко найти. Добейся аудиенции и доложи в картографическом кабинете, об изысканиях нашей экспедиции. Пускай твои убедительные аргументы прозвучат в сих стенах вместе с доводами инженера. Береги его кстати – он свой хлеб честно отработал, да и один он остался в живых, из всех мастеров горных. На теле у него в ремне кожаном описания всех наших изысканий, в цефире к местности привязаны и пробы золота. Думаю, они произведут впечатление на берегах Невы, заставят наконец, задуматься и в Сенате, где почему-то упорно не хотят, на кромке империи рудное дело ставить. Добейся, чтобы об итогах нашей секретной экспедиции узнали и в Академии наук, да и в стенах Русского географического общества.

Пора уже ударить во все колокола и объяснить наконец, что такие как мы, которые муки принимают в изысканиях, стараются не только для рождения таких трудов как «Атлас Южных морей», но и для того, чтобы империя богатела.

– Все сделаем, – пробормотал, кивнув Орлов. С прищуром глядя на проходивших мимо навьюченных лошадей, ведомых уставшими казаками. – Империи конечно нужны достоверные землеописание земель и различных произведений природы. А нужно ли все это нашим чиновникам?

– Не суди обо всех скверно, Константин Петрович, – со вздохом отозвался полковник. Будущее за людьми умными, коих в империи много, к ним присмотреться получше надобно. Озадачься своим переходом крепко, от него сейчас многое зависит.

– А может все-таки попробуем провести обоз по этому маршруту? – тихо проговорил Орлов. – Идти осталось не много, а по берегам Славянки верст сто будет с гаком, да еще по землям, которые заселяют не аулеты, а кенайцы.

– Нет, поручик, – с горькой усмешкой отозвался тот. С навьюченными лошадьми, да по каменным осыпям нам не пройти. Бывал я в этих краях, потому и знаю, что не пройдем. Это если муку в лабазе оставить, да потом с подмогой вернуться, тогда лошадей по кромке провести можно. Но кенайцы сам знаешь, злодейство быстро учинят, так что выбора у нас нет, а муку в фортах поселенцы ждут.

– Как же вы пойдете по Славянке? Индейцы вооружены получше наших казачков, – покачав головой, проговорил Орлов, поднимая воротник полушубка.

– Согласен, что винтовки Винчестера с подствольным магазином, да продольно-скользящим затвором, оружие серьезное, – отозвался полковник. – Недооценка противника всегда ведет к поражению, потому и отправляю тебя за подмогой к Черемисову, ну а там уж как Господь решит. Доберешься до форта есаула, расскажешь ему, где и как идем. Пусть вышлет навстречу казачков для подмоги, толмача своего пусть тоже отрядит, а уж с толмачом мы всегда договоримся.

– Мне обоз у есаула в форте ждать?

– Ждать нас не надо, ежели у есаула все спокойно, то возьмешь лодку с двумя казачками и двигайте на веслах к Ново – Архангельску. Бумаги, что Неплюев везет уж больно серьезные, цены им нет для империи. Ну, а если, что не так пойдет, бумаги эти уничтожить надобно непременно – это приказ, поручик. В бумагах этих ключ ко всей Аляске, к ее процветанию и развитию. Задачу свою мы выполнили, теперь главное до Максутова добраться, а уж он смекнет как вас быстрее до Петербурга отправить.

– Кого мне с обоза взять? – спросил Орлов, играя желваками.

– Заберешь всех гражданских, что бы у нас были руки развязаны, у нас помимо кенайцев, впереди есть трудные участки пути.

– Что вы имеете в виду?

– Славянка в этих краях разбивается на несколько рукавов, – поморщившись, проговорил полковник, доставая кисет с трубкой. – В некоторых местах придется переправляться, пока даже не знаю как, холодно уже. Спокойнее мне будет без них, сам понимаешь.

– Каторжанина беглого по прибытию в форт, в острог определить?

– Конечно! У вас с Неплюевым другая задача! Заберешь с обоза и кузнеца, думаю, с подковами мы сами управимся, смотрю, занемог он совсем как похолодало.

– Радикулит?

– Да, заедает его поганец, – раскуривая трубку, буркнул полковник, – боюсь как бы ему хуже не стало. Хворь эта сам понимаешь не для таких прогулок.

– Миссионеров значит, мне тоже забирать?

– Конечно! Уж больно идут тихо.

– Ваше превосходительство! – крикнул один из казаков, вытирая лицо лохматой шапкой. – Зорька на заднюю ногу хромит!

– Ударилась, что ли? – уточнил полковник нахмурившись.

– Как по лету на змею наступила, так с тех пор долго идти не может.

– Хорошо делаем привал! Ну, вот и вы заодно соберетесь, – произнес полковник, оглаживая коротко стриженную, седую бороду. – В помощь тебе даю урядника Степанова, он сейчас на вас харчи получит, да рукавички потеплее подберет. Управишься с одним помощником?

– С одним каторжанином я и сам управлюсь.

* * *

Полковник, сунув руки в карманы потертого оленьего полушубка, прищурившись, посмотрел на небо, которое имело у горизонта светло – оранжевый оттенок, переходящий в голубой и тихо проговорил:

– Какая же здесь все-таки дивная природа... Сколько мы здесь странствуем, а все одно глаз не нарадуется. У меня на родине таких сочных красок и не найти, а ковры из цветов какие тут по лету, эти сине-зеленые леса, эти фиолетовые и синие горы. Смотришь на эту красоту, дышишь этим чистейшим, аж до звона воздухом и жить хочется.

– У нас все так плохо? – тихо проговорил Орлов, закуривая папиросу.

– Почему?

– Я уже второй год служу под вашим началом и научился читать между слов. Вы меня хотите о чем-то предупредить?

Полковник поправил фуражку, устало посмотрел на подчиненного и тихо проговорил:

– Озаботься в первую очередь, Константин Петрович, не беглым разбойником, а миссионерами, которые с тобой пойдут.

– Сулимой и Ламбертом? – искренне удивился тот. – Но почему?

– Есть у меня на их счет скверные подозрения.

– Зачем мы их вообще с собой брали? – тихо проговорил Орлов, ища среди мелькающих шинелей спешивающихся казаков с алыми лампасами, темно – коричневые одеяния миссионеров. – Пускай сидели бы, у этого проходимца Сеттеля, да миссионерством своим бы занимались.

– Не могу пока всего рассказать, Константин Петрович, извини. Одно могу сказать – так надобно было сделать.

– Что даже намекнуть нельзя, чего мне от этих попов ждать? Сами же говорите, что с бумагами важными пойдём.

– Сомнения у меня имеются, что ляхи они, да и насчет миссионерства их тоже вопросы имеются, – вздохнув, отозвался полковник. Ну, сам посуди, тот который молчит все время. Ну, какой с него миссионер?

– Ламберт?

– Он родимый! Помнишь в Россе, в драке с мексиканцами погиб один из наших горных инженеров?

– Помню, конечно, и что?

– Перед гибелью своей, за пару дней как раз, сказывал он мне, что этот самый безграмотный монах, писал палкой на земле цифирь, какую – то. И, что характерно, напишет, глаза закатыт и шепчет себе под нос, словно запоминает.

– И спросить не спросишь, – покачав головой, проговорил Орлов.

– Вот, вот! Что с глухонемого возьмешь, – проговорил полковник, выбивая остатки пепла из трубки о приклад винтовки. – Я тогда у Сулимы, спросил, что все это значит.

– И, что же тот ответил? – уточнил Орлов, глядя на сидевших поодаль миссионеров в накинутых на голову капюшонах.

– А Илья Сулима заявил мне, что брат Ламберт молится так усердно, а инженеру нашему, мол, все показалось. И надо же такому случиться – зарезали нашего инженера! Заметь, что и трезвы мексиканцы были, и повод для ссоры плевый был, а не убоялись злодейство учинить.

– Хорошо я учту это, – кивнув, отозвался поручик, озадаченный этим известием. – А что про Сулиму можете сказать?

– Да ничего практически, – развел руками полковник, – они же за неделю до нашей погрузки на парусник появились. Слышал только, как они с нашим Неплюевым постоянно спорили. Иван Иванович сам знаешь, как к служителям культа относится – любит он их, а Сулима от этого аж с ума сходит. Как-то раз в запале спора, Сулема выкрикнул, что монахи из Пруле всегда будут верны папскому престолу.

– Погоди, Павел Яковлевич, – насторожился Орлов. – Уж не значит ли это, что Сулема из этого самого Пруле?

– Очень даже может быть, – кивнув, буркнул полковник.

– Но ведь это тот самый монастырь, где доминиканцам дали привилегию принимать исповедь за пределами их диоцеза.

– Именно так, Константин Петрович. – А самое главное, что монахи эти всегда яростно отстаивали интересы своего папы, всегда верой и правдой служили его престолу. Имей это в виду.

– Из их школ я знаю, вышло много инквизиторов.

– Все верно, их низший и средний персонал инквизиционных судилищ, всегда гордился своей работой, всегда отличался собачей преданностью папскому престолу.

– Зачем же они здесь объявились? Их орден все знают как нищенствующий и в столь далекое путешествие навряд ли они пустились бы.

– Вот и я говорю про тоже, странно, что они объявились в наших краях. А насчет их бедственного положения ты заблуждаешься, Константин Петрович, уверяю тебя. В действительности они обладают огромными богатствами, да и влиянием во всем мире. На миссионерскую деятельность нужны деньги, поэтому папы всегда щедро подкармливали их, имея, разумеется, через них влияние на самые отдаленные части мира.

– Погодите, это, что же получается? – пробормотал Орлов, потирая ладонью лоб. – Они же не только всегда дерзко отстаивают свои учения, но их частенько используют в шпионстве. Вы хотите сказать...

– Я хочу, Константин Петрович, чтобы ты помнил про это когда к Черемисову пойдете. Дойдешь до форта, оставь их там! В дороге присмотришь к ним, попробуй Сулиму на разговор вывести доверительный. А там глядишь и какой клятвой принудишь его послужить на благо

империи. Хотя конечно с такими разговоры вести надобно по-другому, через офицера ведающего сыскными делами.

– Или через пыточных дел мастера, – кивнул Орлов, – у которого и немые говорить начинают. – Хорошо я все понял.

– Ну и ладненько, возьмите с урядником по винтовке да по револьверу, патрон по десять на каждый ствол. Больше выдать не могу, да и не придется вам, я так думаю никаких боев вести. Места здесь пустынные, а уже к вечеру следующему глядишь и на разъезд казачков выйдите. Ну, все собирайся, поручик, а я пойду людей твоих потороплю.

Оставшись наедине Орлов, выбросил окурочек и, затоптав его сапогом, стал с остервенением грызть спичку. Его как человека военного всегда выводило из себя, когда он видел превосходство противника в вооружении, а тем более в лице каких-то аборигенов. Которые имели на вооружении не только луки и стрелы, но и добротные винчестеры, револьверы Смита – Вессена и при этом не имели нужды в припасах к ним. Им же приходилось считать в обозе каждый патрон, чуть ли не молиться на десяток современных нарезных винтовок, прикупленных у американцев по случаю. Он с тоскою думал про то, что все это уже было и было совсем недавно в Крыму. Где империя познала горечь поражения, которое душило все русское общество. На всю жизнь он запомнил, как в боях приходило понимание того насколько отстала технически Россия от своих противников. Когда русская пехота была, как и сто лет назад вооружена кремниевыми гладкоствольными ружьями, которые стреляли на три сто шагов. Как французские пули Минье, после нескольких выстрелов не входили в дуло ружей, а ему с солдатами приходилось забивать их шомполами, проклиная весь белый свет, под яростными обстрелами врагов. Которого удавалось сдерживать лишь яростными контратаками, огромными потерями и отчаянными рейдами в неприятельские тылы. Тогда как и сейчас враги не испытывали нужды в припасах и могли спокойно вести прицельный огонь до тысячи двухсот шагов, не испытывая задержек при стрельбе. Что давало им возможность уверенно поражать не только передовые порядки, но и наносить серьезный урон бомбардирам с обозами, находясь при этом в безопасности от гладкоствольных ружей с их ограниченными возможностями. Шло время, но ничего не менялось, хотя всеми признавалось, что круглая пуля получив вращение, проходя по нарезам ствола обладает лучшей меткостью и дальностью.

И вот теперь им противостоят племена окраинных народов, вооруженные винчестерами и скорострельными револьверами Кольта, не знающими нужды в патронах. В то время как в российские войска нарезные винтовки идут с огромными потугами, словно военное ведомство не желает содействовать победе русского солдата.

Откровенно глупые приказы с берегов Невы не давали возможности углубляться далеко от океана, что не давало русским поселенцам ближе соприкоснуться с культурой и укладом жизни других народов. Которые отличались от дружелюбных аулетов и с которыми были натянутые отношения, то и дело грозящие перерасти в вооруженные конфликты. Вместо общения у костра, дымя трубкой пущенной по кругу, колонистам частенько приходилось старательно целиться в их головы украшенные перьями, видеть их перекошенные в боевой раскраске лица. Орлову была понятна эта агрессивность, ее корни и причины. Больше ста лет назад, на их землю пришли не только миролюбивые открыватели новых земель, но и алчные перекупщики. На их земли ступили царские чиновники различных рангов, имея в основной своей массе единственное желание, как и у американских и английских китобоев – обогатиться любой ценой. Вся эта разношерстная публика, жаждущая наживы, обирала и оттесняла аборигенов с обжитых их предками мест, нарушая многовековой уклад их жизни. Болезни, завезенные в эти места, довершали трагедию коренных племен, которые как могли, пытались противостоять этому нашествию. Орлова, как и многих поселенцев, досаждала какая – то безысходность и захирение в делах колонии, которое могло привести только к одному – разорению. Пушной промысел еще и оставался основой хозяйства колонии, но самых ценных каланов за все эти

годы практически извели. За менее ценными лисами, бобрами и котиками приходилось уходить все дальше от океана вглубь материка, вторгаясь все дальше во владения индейских племен. Он простой русский офицер, не имеющей ни горного образования, ни купеческой жилки понимал, что только добыча угля и золота может привести колонию к процветанию. Но, как и в истории с нарезным оружием, чиновники были глухи к доводам не только рядовых колонистов, но и к аргументам самого правителя Русской Америки – Максутова.

– Да, только тогда заживет здесь русский люд, – проговорил поручик с горечью, когда горное дело на этой земле твердо встанет. – Тогда не придется таскать муку на лошадях по фортам, тогда сам люд торговый значительных и не очень держав повезет ее сюда. Да и для казны войной разоренной, продажа золота с углем будет ко времени. Ничего осталось потерпеть совсем не много, несколько переходов до Ново – Архангельска, а там дорога до Петербурга. Может, насей раз услышат наши доводы и примут наконец правильное решение в начальствующих кабинетах. Ведь зачем – то два года назад отрядили нашу секретную экспедицию.

– Ваше благородие, – проговорил старый казак, подходя, – собрались мы вроде. Можно и в Родину путь держать.

– Все взяли, что для перехода надобно? – рассеяно, уточнил Орлов, глядя на седую прядь волос, которая выбивалась из-под лохматой шапки казака.

– Все как есть, – кивнув, отозвался тот, – котелки, крупы, чая с сахаром, палатку с нашими рукавичками. Даже два куска мыла у сотника умыкнул, с шурупами винтовыми.

– Шурупы то нам зачем? – улыбнувшись, уточнил поручик.

– Так ведь в Ново – Архангельске их у него не допросишься. Попам только нет вещей теплых, в табеле – то они нашем не значатся.

– Ну, о них есть, кому позаботиться, – отмахнулся Орлов, осматривая стоявших поодаль людей.

– И зачем только мы их с собой потащили, – шепотом проговорил урядник, крестясь при этом.

– Приведем в форт к есаулу, а там пускай сами шагают куда вздумают. А чем они тебе не нравятся?

– Да, скользкие они какие – то, латиняне опять – же, а за нами увязались за православными. Что у Ламберта, что у Сулимы глазки, все время бегают. Прямо как у котов шаловливых. Черные у них душонки, ох черные!

– Хорошо, Степанов, я учту твои соображения, – кивнув, проговорил Орлов. Попрошались с полчанами? Ну и, слава Богу, забирай людей и в путь! Я вас догоню сейчас.

– Есть выступать!

Козырнув двумя пальцами, старый казак перекрестился и, подойдя к стоявшим по одаль произнес:

– Не забывайте, что как и прежде живем по военным артиклям, идем тихо и не приметно. Вопросы есть? Ну, тогда все за мной марш!

Проводив взглядом свой не большой отряд, Орлов медленно подошел к Калязину и тихо сказал:

– Ну, вроде бы все, Павел Яковлевич, тронулись мы.

– Дай я тебя обниму напоследок! – проговорил тот, обнимая поручика. – Дойди обязательно до есаула.

– Все сделаем господин, полковник, – отозвался тот в ответ. – Можете не сомневаться.

– Я и не сомневаюсь, что Господь тебе поможет. Старайся вести людей тихо и скрытно, обходи любые стычки, у тебя с Неплюевым другие задачи стоят. Про ранец, что с минералами урядник несет, не забывай – это тоже важно, как и золото для империи. Доложи правителю нашему, что Саттер платить за участок отказался, а я предупредил его об этом.

– Но оно ведь и к лучшему! Значит, участок этот все еще под нашим флагом находится!

– Правильно смекаешь, Орлов, – кивнув, проговорил полковник, – теперь донести это до правителя надобно быстрее.

– Все сделаем, Павел Яковлевич, сколько раз за турецкие линии хаживать приходилось, а это ведь у себя дома.

– Тогда война была и каждый из вас, пластунов знал, что если схватят, то янычары отведают душу, сдирая с еще живого кожу, в липких от крови халатах. А здесь мы хоть и на кромке империи, но у себя дома. Вот я и боюсь, чтобы это обстоятельство ни сыграло с тобой злую шутку, ну все догоняй своих людей и храни вас Бог.

Со вздохом Орлов окинул взглядом спешившийся отряд казаков, на фоне желто-оранжевого великолепия и с грустью произнес:

– Прощайте, братцы, Бог даст еще послужим вместе царю и отечеству.

* * *

Простившись с теми с кем, долгие месяцы терпел все тяготы и лишения, давая возможность горным инженерам проводить свои изыскания. Веря, что все принятые муки будут не напрасны и сослужат добрую службу на благо и для развития «земли царевой», Орлов поспешил за своим не большим отрядом. Который уходил все дальше и дальше к побережью океана Великого.

Чем ближе они подходили к прибойной линии, тем сильнее менялся облик растительности вокруг. В результате осенних штормов, устья не больших речушек местами оказались завалены морскими наносами и теперь они отчаянно пробивали себе новые направления к океану, образуя новые устья. Огромную силу штормов, можно было разглядеть уже невооруженным взглядом по большим завалам в черте прибоя, из песка, камней и прибитых к берегу деревьев. Все эти завалы были покрыты большими кучами темно-зеленых водорослей, которые двигались в прибойной волне, словно живые чудовища.

Спускаться по склону к океану, между огромных сосен оказалось задачей не из легких. Из-за бурелома отряду Орлова пришлось потратить на это гораздо больше времени, чем он планировал. Кругом чувствовалось влияние на растительность северных ветров, накладывавших отпечаток, на весь здешний ландшафт, делая его суровым и неприветливым.

Спустившись, наконец, к подножью, люди тяжело дыша, повалились на каменистую землю, покрытую желтовато-зеленым мхом.

– Все! Не могу более, – хрипя, выпалил конокрад, – сердце из груди выскакивает! Господин, офицер! Ну, снимите с меня железо! Куда я от вас убегу? Нет просто никакой мочи уже, вступитесь хоть за меня! Христом, Богом прошу, пощадите!

Орлов, сидевший на стволе поваленной лиственнице, медленно достал портсигар и, закурив папиросу, проговорил:

– На жизнь свою беспутную жалуешься? Американцы таких конокрадов как ты просто вешают, в назидание другим. На тебе вон и малахай, шикарный какой. И сапоги с телячий кожи вытянуты, и косоворотка дорогая с шапкой. Чего замолчал? В Родине ходил бы в драном зипуне, да в лаптях! Потерпишь, немного осталось идти.

– А я так думаю, – тяжело дыша, проговорил инженер, лежа на спине. – Еже ли мы, Константин Петрович, лучшею частью общества считаемся, то с нас и спрос – почему наш мужик так плохо живет. Вы согласны со мной?

– Опять ты, Иван Иванович, свои речи крамольные заводишь? – поморщившись, проговорил поручик. – Тебе ведь еще и тридцати нет, а столько желчи в тебе!

– Нет, ну в самом – то деле, – не унимался Неплюев, – лучшие представители должны заботиться о своем народе.

– Ты, инженер, за речи свои крамольные, – буркнул казак, поглаживая седую бороду, – когда-нибудь в острог попадешь.

– Вот, вот, – поддержал Орлов, играя желваками. – Ты, думаешь, что после Крымской компании для меня не ясно, что нужны преобразования в империи? Что только силою реформ можно догнать непременно первостепенные страны?

– Отчего же тогда в начальствующих кабинетах Петербурга, думают иначе? – выпалил инженер.

– Зря ты так, Иван Иваны, – со вздохом отозвался поручик. – Разве манифест Александра, не шаг в этом направлении?

– «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных Сельских обывателей»? – скривившись, проговорил инженер. – О нем речь ведете?

– Именно о нем, – кивнув, подтвердил офицер, – это только первые шаги, но они сделаны!

– Бог с вами, – сокрушенно вздохнув, проговорил Неплюев вставая. – Сколько еще пройдет время, прежде чем наш крестьянин станет свободным, вольным хлебопашцем? Они ведь так и не получили землю в собственность.

– Ну, раз сам государь самолично начертал, то так тому и быть, – угрюмо прогудел, огромного телосложения кузнец, стриженный под горшок. – Вначале научатся жить по «Уставным грамотам», а там и выкупят свои наделы.

– А до этого? Будут платить оброк? – усмехнувшись, буркнул Неплюев. Глядя на неспешно бегущие волны.

– Верно, – подхватил урядник, – а не хочешь платить или не можешь – так отбивай барщину.

– Ты, Иван Иванович, никак главного не ухватишь, – проговорил Орлов вставая.

– И чего же это я никак не ухвачу? – выпалил тот разозлившись.

– Наш русский крестьянин стал другим – он стал свободным.

– А ты чего, Сулима, улыбаешься? – разозлился Неплюев. – Чего это тебе так весело стало?

Круглое лицо миссионера с дряблой серой кожей, мгновенно стало серьезным и он, покачивая головой, проговорил:

– Просто я не перестаю удивляться вами..., впрочем, как и американцами. Те радуются как дети, что победили рабство. Вы тем, что освободили своих крестьян и считаете их почти свободными.

– Но ты – то святой отец, имеешь на этот счет другое мнение конечно, – с усмешкой процедил инженер.

– Американцы не хотят видеть, что их общество погрязло в грехе, – проговорил Сулима. Грозя кому – то указательным пальцем. – У них все покупается, все продается, а жизнь человека не стоит и цента, впрочем, как и у вас в империи. В этих окраинных землях, ни ваш император со своим окружением, ни ваш Синод не хотят видеть очевидного.

– Ну-ка, ну-ка, – буркнул Орлов. – Чего это мы здесь разглядеть не можем?

– Вы столько уже потеряли в этих краях своих подданных! И замете не только из-за коварства местных индейцев, но и из-за того, что вам трудно прокормить ваших колонистов. Скажите еще спасибо Господу, что он наградил эти земли рыбой, зверьем, ягодами да грибами, лишь это и позволяет вашим поселенцам выжить. Вы не можете устроить достойную жизнь своим поселенцам здесь в фортах, а рассуждаете о лучшей доле всех крестьян в империи.

– Ну, что же, Сулима, – проговорил офицер, – есть правда в твоих словах. Наши люди, заброшенные за океан, истосковались по наваристым щам – это правда, мы тоскуем здесь по нашей картошечке-кормилице, да мы терпим нужду в хлебе. Но уверяю, что скоро здесь все изменится!

– Дай то Бог, – усмехнувшись, отозвался тот.

– Степанов! – проговорил Орлов, поднимая ворот полушубка.

– Я, ваше благородие, – отозвался тот подходя.

– Пока все отдыхают, – давай – ка осмотримся вокруг. – Осмотрись, что твориться по ходу движения, вон с той террасы, а я вон с того холма осмотрюсь.

Дав Неплюеву в руки, револьвер и приказав следить за каторжанином, Орлов отправился к соседнему холму, с которого можно было хорошо осмотреть не только прилегающие окрестности, но и водную гладь бухты, которая щетинилась вспенивающимися гребнями темно-зеленых волн. Не обнаружив в бинокль ничего подозрительного вокруг, поручик принялся изучать прибрежную полосу, на поверхности которой громоздились многочисленные кучи из старых деревьев, песка и валунов.

– Видимо в прошлом, на месте вон той равнины был залив, – проговорил тихо, подошедший Сулима.

Орлов медленно опустил бинокль и, повернув голову, подозрительно посмотрел, на стоящего поодаль миссионера с посохом проговорил:

– Откуда такие познания? В монастыре естественные науки стали преподавать?

– Ну, зачем вы так, офицер? – отозвался тот, опираясь на свой посох. – Я просто предположил это, глядя на эти береговые валы, из-за которых океан видимо и отступил местами.

– Может быть, – буркнул поручик. Изучая дряблое, изъеденное оспинами лицо миссионера. – У нас в Симбирской губернии таких явлений нет...

Внезапно Орлов увидел бегущего урядника, который то и дело оглядывался и по возбужденному виду которого, было понятно, что-то случилось.

– Спрячься, святой отец! – выпалил Орлов, хватаясь за винтовку. – Никак казак кого – то обнаружил.

Подбежавший урядник сообщил, что обнаружил всадников. Которые, спешившись, стояли на одной из террас, изучая, по всей видимости, местность.

– Какие еще всадники? – с тревогой пробормотал поручик.

– Не могу знать, ваше благородие, – тяжело дыша, прошептал тот. – Иду себе, глядь, а они в седлах сидят, все вооружены вроде.

– Индейцы?

– Кто же их знает, – пожал плечами казак, – далече было.

Подойдя насколько это было возможно, Орлов быстро поднял бинокль и стал внимательно изучать склоны террас. На одной из которых, на высоте нескольких верст действительно стояло несколько всадников. Расстояние не позволяло рассмотреть детали, одно было очевидно – это были не индейцы.

– Ну, что там, ваше благородие? – нетерпеливо уточнил Степанов шепотом. – Не чугучи случаем?

– Да нет, на американцев они похожи, или на англичан, – отозвался Орлов, опуская бинокль.

– Что вы собираетесь делать? – озабоченно пробормотал Сулима.

– Ничего особенного, – отозвался поручик, – обойдем террасу, да пойдем дальше.

– А если они нападут на нас? – прошептал монах.

– Пока на нас никто не нападает, да и в союзниках у нас янки, все возвращаемся.

– А если это англичане или испанцы? – предположил урядник.

– Идемте, нам скрытно двигаться надобно! – отрезал поручик.

* * *

Орлов понимал, что этот маневр хотя и увеличивал путь верст на десять, но в тоже время позволял избежать встречи с вооруженными людьми, которые могли оказаться как союзниками в лице американцев, так и браконьерами в лице англичан или испанцев.

Постепенно они все дальше удалялись от берега вглубь материка, обходя стороной террасу, на которой были обнаружены всадники. Лишь к концу дня им удалось выйти к узкой полоске березняка, отделяющей их от океана.

– Ну вот, – проговорил поручик удовлетворенно, – теперь можно и к океану выходить.

– Ваше благородие! – взмолился конокрад, обливаясь потом. – Ну, сбейте железо! Ведь мочи никакой нет, в нем по бурелому шагать. Я никуда не сбегу, клянусь всеми святыми! Да и куда бежать, когда кругом аборигены шастают? Они же если и не зарежут сразу – так скальп сдерут! Уж лучше я с вами до форта дойду.

– Это верно, – буркнул поручик, – на чугучах креста нет, могут и зарезать. А могут и скальп снять. И достанутся тогда твои сапоги дорожные какому-нибудь нехристю, а железо до форта нести будешь – это твой крест. Степанов! Дойди до берега, да осмотришь кругом и если все спокойно знак нам подашь.

– Это я мигом, – кивнув, отозвался тот.

– Всем отдыхать пока урядник в поиск ходит. А ты, Иван, расскажи мне пока, где сапоги такие справил, – прислонившись к сосне, проговорил Орлов.

– Знамо дело где, – прогудел кузнец. Скручивая мозолистыми ручищами самокрутку. – Украл у кого-нибудь!

– Я, кроме лошадей в жизни ничего не брал чужого! – взорвался конокрад. С остервенением вытирая рукавом пот с лица. – У одного янки на виски поменял! У тебя вон у самого – то и сапоги справные и зипун из оленины пошитый!

– А виски где взял? – засмеявшись, уточнил Неплюев.

– Замолчали все, – пробормотал с тревогой поручик, глядя на замершую фигуру урядника. – Что там еще за напасть?

Из укрытия было видно, как остановился Степанов, а постояв несколько минут, стал медленно возвращаться, держа винтовку наготове. По всему было видно, что он увидел какую – то опасность.

– Впереди трое индейцев, – проговорил он тихо, – это чугучи. Идут от океана, наверняка разведчики.

– Их только трое? – уточнил Орлов, лихорадочно думая, что следует предпринять.

– Не знаю, ваше благородие, темнеет уже.

– Что же нам делать? – подавлено выдал Неплюев, озираясь по сторонам.

– Главное по ничтожным поводам не поддаваться панике! – оборвал его поручик. Чувствуя как застучало в груди сердце. – Их всего трое, подождем, может мимо пройдут.

Но вскоре стало понятно, что индейцы идут прямо на них и тогда Орлов дал команду занять оборону.

– Ишь рожи – то раскрасили, – со злостью прошептал кузнец. Сжимая руками увесистую дубину.

– Самое главное, урядник, не стрелять первыми, – тихо проговорил поручик. Может еще получится уклониться от стрельбы.

– Разрешите мне попробовать договориться с ними? – вдруг тихо и смиренно проговорил, Сулима. Со вздохом, перебирая четки.

– Что это вы еще удумали? – насторожился Орлов. Глядя на бегающие глазки миссионера.

– Хочу отвести от нас беду, – проговорил монах, шелкая четками. – Мои проповеди хоть и коротки, но всегда находят дорогу к сердцу.

– У них, между прочим, штуцера нарезные, – с раздражением прошептал поручик. – И им наверняка не ведомо слово Божье.

– Вот я и обласкаю их этим самым словом, – проговорил монах, снимая капюшон. – Я ведь миссионер, да и потом других предложений я так понимаю, нет.

– Ну а, что, Константин Петрович, – оживился инженер с бледным лицом, – пусть латинянин лихость свою покажет. Вразумит нас, как надобно смертные муки принимать за слово Божье.

– Хорошо, попробуй, святой отец, – кивнув, проговорил Орлов. – Только давай договоримся, если почувствуешь, что разговор не заладился – то падай на землю. – Для нас это знаком будет.

– Помилуйте, господин офицер, – пробормотал улыбнувшись монах. Показав при этом редкие желтые зубы, – они же не разумны и наивны как дети.

– Ну, ну, – мрачно буркнул поручик. – Этих невинных и не разумных с детства учат, как надобно убивать своих врагов и поверте, что они гордятся этим.

Сулима медленно поднял руки с крестом и отчаянно шепча молитвы, двинулся на встречу незванным гостям.

Все с напряжением стали ждать кровавой развязки, видя как Сулима все ближе подходил к остановившимся индейцам.

– Ну, поп и дает! – чертыхнулся инженер. Глядя, как тот стал, что – то горячо говорить, жестикулируя при этом руками. – Глядишь так и договориться, чтобы нас пропустили.

– Тебя, Иван Иванович, это забавляет? – буркнул кузнец крестьясь. – Он ведь может на смерть пошел, нас спасая, а ты юродствуешь. Не хорошо это.

– Запомни, Василь, что попы никогда и ничего без выгоды не делают. Поэтому они и учат любить и своих врагов, и своих угнетателей, для этого они проводят грань в своих проповедях между клиром и мирянином. Поэтому и требуют от нас покорности, да послушания, угрожая всякими страшилками за ересь.

– От речей твоих, инженер, у меня всегда дух перехватывало, – пробормотал каторжник. Выглядывая из-за дерева. – Ты бы хоть сейчас не богохульствовал.

– Побойся Бога, – буркнул кузнец с укором, – человек к нехристям может за смертью пошел. – Ну, какая здесь корысть может быть?

– Не верю я этим прохвостам, – не унимался Неплюев, шепча с жаром. – Все ими делается с умыслом. Для того, чтобы проще было управляться с христовым стадом. Для большего так сказать закрепощения и угнетения народа. Верно, я говорю, Ламберт? Молчишь, латинянин?

– Ну, что ты к человеку пристаешь? – возмущенно зашептал урядник, крестьясь при этом.

– Темный ты, Степанов! Через невежество свое и не понимаешь, что через поступки свои всевозможные, они и пытаются внушить нам, что им нужно подчиняться. Причем подчиняться не только господам нашим по плоти но и самому Богу должны, не только господам добрым, но и суровым.

– Ибо это угодно Богу? – тихо уточнил конокрад.

– Вот именно! – кивнул инженер.

– Послушай, Иван Иванович, – оборвал его Орлов. С напряжением всматриваясь в фигуру монаха, которого молча, слушали индейцы. – Заканчивай уже свою лекцию. Ведь по возвращению тебя в железо забьют, за крамолу твою несусветную.

– Есть прекратить, – отозвался тот, – только вы ведь все понимаете, что я прав.

– Это, ваше благородие, в нем страх смерти говорит, – со вздохом проговорил урядник. – Душа его университетская, никак под ветрами с Арктике не зачерствеет.

– Никто помирать не хочет, – буркнул Неплюев. – И я не хочу! Мне тридцати годков еще нет! А, что я в своей жизни повидать успел? Родился в семье мелкого чиновника, родители умерли рано, так что детство и юность у меня прошли в страшной нужде и бедности. Это хорошо дядька помог окончить Московский университет. И что? Думал, поработаю на кромке империи, денюжат заработаю, хоть будет на что по миру поездить, а тут такое твориться.

– Хватит причитать, – скрипнув зубами, проговорил поручик, опуская винтовку. – Вернешься в Родину с почетом и богатым, чугучи ружья опустили..., вот тебе и поп! – Не убоился и нехристей умиротворил, отчаянный у тебя, Ламберт брат.

* * *

Из-за укрытия было хорошо видно, что индейцы действительно опустили винтовки и молча, смотрели в след уходящему от них миссионеру.

– Все, мы уходим с миром, – обессилено пробормотал Сулима подходя. – Они к нам претензий не имеют. Они ищут испанцев с торгового парусника, которые подсунули им при обмене на пушнину, вместо соли несколько бочек мела.

– Ай, человек божий! – воскликнул со вздохом облегчения конокрад. Вытирая мокрое от пота лицо. – А я уже грешным делом думал, что отрежут нам нехристи головы.

– Спасибо тебе, Сулима, – проговорил Орлов, – выручил крепко, что и говорить. Что же ты им сказал?

– Я им, офицер, пообещал оставить своего брата Ламберта, который подскажет им, как найти дорогу к Богу.

– А твой брат не против? – уточнил поручик. Глядя на бледное с редкой бородкой, лицо второго монаха.

– Это наши дела, миссионерские, – перекрестившись, отозвался Сулима. – Мой брат знает, что на все воля божья. Идите смело, а я вас догоню.

– А ваши епископы или митрополиты не будут против? – усмехнувшись, уточнил инженер.

– Опять ты за старое? – рыкнул Орлов. – Ну чего ты лезешь в их дела церковные? А тебе, Ламберт, желаю весьма успешно нести огонь крестовый.

* * *

Вскоре не большой отряд Орлова, благополучно миновав березняк, вышел к океану.

– Интересно чего это Сулима, наговорил этим аборигенам? – пробормотал Неплюев, шагая рядом с поручиком.

– Утомонись, Иван Иванович! – буркнул тот. – Зачем ты в их дела нос суешь? И за что ты так не любишь священнослужителей?

– За что же мне любить этих прохвостов? Сколько земли нахапали церковники по всему миру и в нашей империи тоже! А труд церковных крестьян в монастырях? Это же рабы настоящие! И твориться все это в наше время.

– Но ведь многие крестьяне и столуются в монастырях, а многие и живут там же, зная, что находятся под защитой церковных стен, – возразил Орлов, поправляя фуражку.

– Вы смеетесь, Константин Петрович? – буркнул инженер. – Разве доходы церковников можно сравнивать с пропитанием этих несчастных? Эти понятия просто несопоставимы!

– Представляю, что за дух царит в университетах империи, – поморщившись, отозвался поручик.

– А сколько можно смотреть на этих рабовладельцев в рясах? Они и земледелием занимаются, и вино делают, и соль варят, я уж про торговлю разными ремеслами вообще молчу.

– Беда с тобой инженер. Ну, разводят скот, выращивают хлеб, что же в этом плохого?

– Так ведь пусть честно признаются, что давно уже стали купцами или промышленниками, а то ведь все подводят под предлог усовершенствования «христианского стада» – это значит и нас с вами касается.

– Ну и, что? Стремятся снять гнев божий с ныне живущих, чтобы получить в будущем блага всяческие непременно, – проговорил Орлов, осматриваясь по сторонам.

– Ну, разве не смешно слушать всю эту чушь?

– Ну, допустим ты прав, инженер. Только я, что – то не слышал, чтобы крестьяне наши из-за этого роптали.

– Это вы, господин поручик, просто не хотите видеть, как крестьяне ненавидят разжиревших попов, как многие относятся к ним с озлоблением и видят в них бездельников живущих при этом в достатке и роскоши.

– Тогда позволь полюбопытствовать, – проговорил Орлов, поправляя лямки ранца. Тебя не устраивают латиняне или наши православные тоже?

– У меня много вопросов и к нашим церковникам, – пробурчал инженер, отдуваясь. – А латиняне для меня лично вообще жулики, не лучше разбойников с большой дороги, те даже честнее в своих помыслах.

– Понятно с тобой все, Иван Иванович, – кивнув, проговорил Орлов останавливаясь. – Только ты сильно-то не старайся меня со своими думками озадачить. Я русский офицер, присягнувший на верность императору, для меня Русская православная церковь, вся ее деятельность и ее отношение с империей, определяется законами, принятыми еще при Петре Великом. Именно поэтому для меня кто бы там чего не говорил, православная вера с греховными по твоему разумению попами – это и есть хребет Российской империи, на котором все и держится. Причем заметь основанный императорской властью, а это значит, что именно император, которому я присягал и является главой нашей церкви. Поэтому в отличие от тебя, все заглавные решения Синода, для меня закон, который исполнять должно прилежно. И для меня, не важно сам ли этот закон подписывал император или его представитель обер-прокурор. И давай закончим на этом.

Орлов все дальше уводил людей от места встречи с индейцами, понимая, что их честное слово нечего не стоит. Но переход по пересеченной местности сильно измотал людей. Поэтому, когда в очередной раз взмолился каторжанин, требуя милосердия, поручик остановился, облизнул сухие обветренные губы и тихо проговорил:

– Кто еще считает, что нужно сделать привал?

– Одежда нательная хоть выжимай, – пробормотал кузнец, отдуваясь, – обсохнуть у костра не помешает. Да и ветер с Арктике тянет злой, не заболеть бы.

– Мы и впрямь все устали, – проговорил хрипло Сулима, – не мешало бы обогреться, да провиант какой принять. Это ведь только в жизни новой, где не будет ни зимы, ни лета, ни дня и ни ночи, человеку не нужна будет пища и питье. Только там он будет жить без печали и скорби.

– Ну, затынул свою хреновину, – разозлился Неплюев. – Конечно, заночевать надо! Вон сколько верст отмахали! Да и темно ведь уже.

– Хорошо, – кивнув, прошептал Орлов, – всем привал. Найдите место, где не будет видно огня, а мы с тобой инженер вон на ту горку поднимемся и осмотримся. Если задержимся, то нас не ждите, без нас трапезничайте, ну если у нас с инженером что-то не заладится – выстрелом знать дадим. Огонь сразу тушите и уходите.

– Куда же нам идти? – пробормотал кузнец.

– У нас одна дорога, – проговорил урядник, – в форт Черемисова. – Не сумлевайтесь, ваше благородие, все исполним. Мы с пониманием, что и помощь для основного отряда отпра-

вить надобно и образцы в Петербурге ждут. Дай нам Господи сил пережить все утомления и испытания.

* * *

Уже через сотню шагов Орлов с Неплюевым вновь оказались среди огромных сосен, которые монотонно завывали при каждом порыве ветра.

– Кто тут может быть? – бормотал инженер, то и дело, спотыкаясь о валежник.

– А вот мы сейчас и глянем, есть тут, кто или нет, – отозвался поручик. – Не забывай инженер, что по военным артиклям живем, хотя и по своей земле идем. Враг то у нас уж больно хитер и коварен! Ты мне лучше скажи, зачем к монаху цепляешься как репей? Ты не в университете своем, а на кромке империи и выполняешь здесь секретное предписание, да и приказ полковника Калязина никто не отменял. Выжить нам надобно, до Петербурга добраться с материалами наиважнейшими, а ты все собачишься.

– Да не верю я этой божьей овечке в рясе! – взорвался инженер.

– Эта овечка как ты говоришь, от нас туземцев отвел, брата своего им оставил. Зачем над стариком издеваться?

– Уж больно парода их подлая! – выпалил инженер. – Они же ради папы своего, чего хочешь, удумать могут. Вон сколько в их застенках людей томиться мужественных, истинных борцов за свободу своего народа. А сколько такие как Сулима извели людей на кострах? Да за одного Компанеллу, нет им прощения от людей просвещенных!

– Его что же сожгли?

– Вот именно!

– За что?

– По обвинению в ереси! За его вольно-думские рассуждения об утопическом коммунизме, а проще если сказать – так за то, что он предлагал другую модель жития. Что естественно пугает таких как Сулима, тем более он как и Джордано Бруно считал, всех этих церковников торжествующей стаей зверья, а про их последователей говорил, что они смотрят на мир «чужими глазами».

– Ничего не знаю про господина Компанелло, – признался Орлов, – а вот господину Бруно, можно было и поскромнее разделять взгляды Коперника. Ведь было же понятно всем, что только за учение о множественности миров, которое так сильно ударило по церкви, его никогда не простят.

– Но это..., – начал, инженер и тут, же осекся, налетев на остановившегося вдруг Орлова. – Что – то случилось?

– Посмотри вон туда, – проговорил Орлов. Подозрительно озираясь по сторонам.

– Никак костер кто – то развел? – с ужасом, проговорил Неплюев. – Ну и нюх у тебя, Константин Петрович! Кто же это может быть? А может это разъезд казачков наших заночевал?

– Не должно их здесь еще быть, – это чужие.

– Аборигены?

– Кто же их разберет, – пожав плечами, отозвался тот. Пытаясь рассмотреть в бинокль неизвестных соседей. – В поиск идти надобно.

– Прямо сейчас? – выпалил инженер. – Может, переночуем тихонько? Они же версты за две от нас, в жизни не догадаются, что мы рядом заночевали.

– А ежили они, как и мы оглядеться решат ночью? Или мы с неприятелем утром столкнемся? Не-е-ет, нам рисковать нельзя, надо идти сейчас.

– Может, хоть вернемся к костру, да от пота обсохнем? Почаевничаем малость, а то от голода уже кишки подвело к горлу!

– Хватит причитать, Иван Иванович, нам сейчас всяческих конфузов избежать надобно, – со вздохом отозвался Орлов. – Помощь к отряду отправить, да самим путь держать далее, а почаявничать мы всегда успеем. Одно меня в смущение вводит..., если это опять разведка чугучей... Чего это они так в прибойной полосе засуетились? Уж не случилось ли чего. Идем инженер на огонек, да глянем, кто это по соседству костер палит.

– Только ты, Константин Петрович, не забывай – воин из меня, да еще ночью никакой.

– Помню я, что мексиканцы твои очки разбили, идем, будешь при мне привратником. Думаю, с ролью связника справишься?

Соблюдая осторожность, им удалось спуститься с холма и скрытно выдвинуться по песчаной отмели к костру, на расстояние с которого можно было понять, кто разбил бивак по соседству. Как оказалось у костра сидело лишь двое неизвестных, по обрывкам разговоров стало понятно, что это испанцы, что они пьют вино, едят вяленое мясо с сухофруктами и ждут когда за ними придет лодка с парусника.

Орлов помнил, что Испания много лет назад, очень болезненно восприняла открытие русскими этих земель. Долго и с большими усилиями стремилась за столбить за собой хоть какой-то кусок этих земель, что приводило к серьезным конфликтам как с британскими китобоями, так и русскими поселенцами. Выяснения отношений, как правило, заканчивались кровопролитными абордажами на воде и отчаянными перестрелками на берегу. Понимая, что все их усилия в конечном итоге заканчиваются либо гибелью моряков, либо их бегством толкало испанцев на различные авантюры. Которые сводили на нет любые переговоры и договоренности – это касалось и китобойного промысла на воде и браконьерства на суше.

– Что будем делать? – тихо прошептал Неплюев. – Может, просто уйдем? Пусть сидят, их забрать должны скоро с парусника.

– Это не просто гости непрошеные, – отозвался Орлов, скрипнув зубами, – это испанцы. – До каких пор мы их выходки терпеть должны? Да и двое их всего! Не дрейфь, инженер, они же сами лезут на нашу землю. Здесь оставайся, а я схожу с этими господами поздороваюсь, вопрос задам, чего это они здесь делают, а там видно будет. Возможно это те самые испанцы, что туземцам мел вместо соли подсунули.

– А если они палить начнут?

Орлов внимательно посмотрел на бледное, осунувшееся лицо инженера с темными разводами под глазами и твердо сказал:

– Из-за этих испанцев гибнут наши люди, вспомни потопленный ими бот с командой капитана Нестерова! Сколько еще может погибнуть наших поселенцев из-за их злодейств? Не робей, инженер.

Когда до костра осталось шагов двадцать, Орлов нарочито громко крикнул:

– Мир вашему шалашу, господа!

Испанцы как по команде вскочили, выхватив свои длинноствольные револьверы. И шурясь от дыма костра стали пристально всматриваться в темноту, пытаясь понять, кто к ним пожаловал. В отличие от незваных гостей, поручик хорошо видел их и в случае необходимости мог уверенно применить оружие. В то время как плотного телосложения незнакомцы, не могли рассмотреть его из-за огня.

– Кто здесь? – истерично выкрикнул один из них. Нервно поправляя широкополую шляпу.

– Я, поручик Российской империи, а вот вы, чьих будите?

– А я помощник капитана, с парусника «Филипа Диаса».

– А кто второй?

– Это наш шкипер! Сошли на ваш берег немного размять ноги.

– Может, опустите оружие? – с безразличным видом, проговорил Орлов. Не торопливо подходя к костру. – Я как понимаете здесь не один, а с казаками, которые держат вас на прицеле.

– И что нужно здесь в столь поздний час русскому офицеру? – процедил шкипер, опуская револьвер.

– Да вот такая незадача у нас тут приключилась..., кто-то одному из племен местных туземцев, вместо соли мел всучил, – проговорил поручик. Подвигая сапогом в костер одну из горящих головешек.

– А вам то, что за печаль? – взорвался с негодованием помощник капитана. Брызгая при этом слюной. – Как будто ваши поселенцы не обманывают аборигенов!

– Вот, вот, – поддержал его шкипер. Поднимая ворот своего черного бушлата. – Наша мена, а значит и наша печаль! Вам-то чего до нее? Зачем к нам, да еще ночью, с расспросными речами приставать.

– От того и пристаю, любезный, что озлобили вы племя этого народа окраинного. Лица они боевой раскраской покрыли, мечутся по лесу вас ищут, народ наш беспокоят. Вернули бы вы соль, да отдали швартовые, а мы бы пожелали вам попутного ветра вашим парусам, когда ляжете на обратный курс.

– Это ультиматум, что ли? – медленно процедил шкипер. Буквально испепеляя взглядом офицера. – А господин, поручик, не боится, что сейчас на берег сойдут наши матросы с парусника? Перестреляют ваших казачков, а офицера в полон возьмут?

– Значит просто и с миром, отбыть на свой борт не желаете? – процедил со злостью Орлов, поправляя фуражку. – Тогда дозвольте узнать, по какой грамоте здесь находитесь?

– Вы что, офицер, – скривив давно не бритое лицо, процедил помощник капитана, – недавно в здешних краях объявились? – По какому праву мы должны грамоту показывать? Вы, что воевода пограничный?

– Я на своей земле с казаками, неприметным образом дозоры приумножаю! Потому и прошу предъявить бумагу, или отбыть на свою посудину, пока я казакам знак не подал.

– Ну чего господин, офицер, упорствует? – проговорил шкипер подходя.

Орлов равнодушно посмотрел в лицо бородатого испанца в черном бушлате, из-под которого выбивалась тельняшка, потом на длинный ствол револьвера, направленный прямо в живот. И, пожал плечами проговорив:

– Ну, как знаете.

В следующее мгновение, поручик мощным ударом кулака, выбил оружие из рук подошедшего и уже в падении выстрелил несколько раз в нарушителей.

* * *

Утробно рыкнув, шкипер схватился за прострелянное горло и рухнул как подкошенный, дергаясь при этом в агонии. Пуля же выпущенная в помощника капитана угодила тому в плечо, что не помешало ему довольно проворно налететь на офицера, буквально пригвоздив его к холодной земле. В завязавшейся борьбе, Орлову с большим трудом удалось повернуть ствол своего револьвера в сторону напавшего и сделать смертельный выстрел в бок. Охнув тот мгновенно обмяк и стал медленно заваливаться на бок. Тяжело дыша и отплеываясь, поручик с трудом оттолкнул от себя грузное тело и, отдышавшись, крикнул:

– Иван Иванович! Ты там живой? Иди уже сюда!

– Живой, Константин Петрович? А я уже думал, застрелили тебя, – бормотал, подбегающий инженер.

– Пули для меня еще не отлили, – буркнул тот вставая. – Где шапку – то потерял?

– Так я это... – шептал тот, с ужасом глядя на трупы испанцев, – смотрю, а ты лежишь после стрельбы! Ну, думаю, убили тебя лиходеи...

– Шапку говорю, где потерял? – повторил вопрос Орлов. Деловито обыскивая тело испанца.

– Так я это..., когда побежал сюда на помощь..., видать веткой сбило...

– Скверно это! Пойдешь сейчас к нашему лагерю, найди обязательно. Видишь, как пар валит, ветер крепчает? Это холод идет с Арктики, а потому, без шапки теперь никак не обойтись. А ежели простынешь, да захвораешь? Лекаря даже в форте у Черемисова нет, так что найди непременно.

Забрав оружие и ремни с патронами у убитых, Орлов замер у костра, с не поддельным интересом рассматривая трофейное оружие в мерцающем свете пламени.

– Вроде по патенту сделаны Роллана Уайта, под такой же металлический патрон, что и Смит – Вессен делает, а ствол какой длинный, чудной.

– Что же нам теперь делать? – прошептал инженер, озираясь по сторонам.

– Что делать? Ты сейчас найдешь свою шапку и быстро вернешься, по кромке океана. Наши, услышав выстрелы, в аккурат пойдут к тебе на встречу, вместе с ними скоренько вернешься сюда. Объясни, что идти надобно ходко, потому как выстрелы и на паруснике испанском услышать могут. Ты все понял?

– Да, да, я все понял, – кивнув, забормотал инженер.

– Держи револьвер испанца, тут полный барабан, Да смотри аккуратно с ним обращайся. В ногу с перепуга себе не пальни.

– А если меня схватят индейцы? – озираясь по сторонам, проговорил тот. – На мне же пояс с золотыми образцами!

Орлов внимательно посмотрел на тщедушную фигуру инженера, его перепуганное лицо, включенные волосы на голове и тихо произнес:

– Хорошо, снимай свое богатство, теперь я за сейф поработаю. И прошу тебя, поспедай, пока испанцы на веслах подмогу не отрядили.

* * *

Отправив инженера, Орлов закинул за спину винтовку и медленно побрел к берегу, где в темноте угадывались контуры лодки. Убедившись, что в ней всем хватит места, он так же медленно вернулся к костру и, оттащив в сторону убитых, в изнеможении сел на кусок парусины, любуясь трофейным револьвером.

– Боже мой, – пробормотал он, с любовью глядя вороненую сталь. – У нас с таким трудом идет в войска шести – линейное винтовальное ружье, с таким трудом приживается официальное название винтовка. Название, которое было бы понятно для каждого солдата и объясняющая ему главное начало и принцип действия нарезного оружия. А американцы с европейцами уже имеют в своем арсенале модернизированные варианты и винтовок и револьверов. Когда же шедевры наших оружейников будут в войсках? Да такие, чтобы иноземцы завидовали! Где же вы наши умельцы, Давыдовы и Харитоновы, что мешает вашей передовой мысли? Когда же мы увидим новые образцы из «пушкарской избы», Оружейной слободы в Туле? Вразуми, Господи, вельмож наших в военном министерстве!

* * *

Положив ценный трофей рядом, поручик заглянул в корзину из ивовой лозы, где обнаружил кроме вяленого мяса и сухофруктов целую головку душистого сыра. Но самое ценное лежало на дне – это были пшеничные сухари. Открыв зубами пробку одной из бутылок вина,

стоящих рядом с корзиной, он стал, с аппетитом есть найденные припасы, запивая прямо из бутылки слабо – кислым вином.

Он уже принял решение, он уже знал как ускорить их продвижение к форту есаула, исключив лишние отклонения от маршрута ради соблюдения скрытности. Решение было принято, как только увидел лодку испанцев, которые повели себя так дерзко и не осмотрительно. Полагая, что у русских колонистов, нет сил, контролировать побережье, да еще ночью. Орлов чувствовал – успех перехода рядом. Теперь они, меняя друг – друга на веслах, быстро дойдут до форта, не дразня при этом недругов на берегу. Единственное, что его сейчас беспокоило – это четверо странных всадников, которых они видели на одной из террас. Не испанцы, которые навряд ли отважатся высадиться на чужой берег ночью, не чугучи которым он бы предъявил трупы обманувших их испанцев, а именно всадники беспокоили его больше всего. Их было четверо, было не понятно, куда они держат путь, а самое главное, было не понятно враги ли они.

Вскоре ход его мыслей прервал появившийся у костра урядник, который доложил, что привел людей и о том, что он арестовал в отсутствие поручика Сулиму.

– За что? – насторожившись, спросил Орлов.

– Арестовал негодяя за саботаж! – тяжело дыша, выпалил казак. Вытерая шапкой потное лицо. – Как только он выстрелы услышал, так значит и объявил, что вы с инженером погибли и идти, мол в форт смысла нету! Сказывал, что мы его теперь должны слушать – так как сила, за ним стоит.

– И что же это за сила? – усмехнувшись, уточнил офицер. Глядя на редкие, взъерошенные пряди седых волос казака.

– Говорит, что за ним сила ордена иезуитского!

– Вот оно, что, – не добро улыбнувшись, проговорил Орлов, – значит, прав был полковник Калязин. Значит, правильно усомнился, разглядев под рясой, да за словами правильными, натуру подлую! Вот значит кто они с Ламбертом! Молодец, братец! Удружил новостью, как есть удружил, держи вина доброго за службу.

– Значит, я все правильно сделал? – со вздохом облегчения, проговорил казак.

– Конечно правильно, садись, подкрепишься харчами иноземными. Деятельность этого ордена латинян на землях империи, запретила еще Екатерина Великая, значит, запрет этот распространяется и на Аляску. Ай, да Сулима! Ай, да прохвост! А главное как маскировались с Ламбертом искусно. За ним кто сейчас присматривает?

– Кузнец наш, Василий, – жуя, отозвался казак, – сам вызвался. За шиворот паршивца конвоировать. Как речи крамольны услышал из его уст – думал убьет попа!

Вскоре к костру вышли запыхавшиеся, едва державшиеся на ногах, остальные члены их не большого отряда.

– Все быстро садимся в лодку! – скомандовал Орлов. – Провизию берем с собой, трапезничать будем в лодке. Степанов!

– Я, ваше благородие, – отозвался тот.

– Напомни, какие вам проповеди пел наш святой отец?

– Сказывал, что он знает мол, что погибли вы с инженером! – с жаром выпалил казак. – Говорил, что знает как на корабль, иноземный попасть можно и в какой бухте он якорь отдал. Богом клялся, что за продажу минералов, которые в ранце мы несем, мол, можно прожить безбедно, в любой из держав значимых.

– Ну что скажешь брат, Сулима? – играя желваками, спросил Орлов.

– Ваши люди все не так истолковали, – криво усмехнувшись, проговорил монах. – Я ведь и впрямь решил, что вас погубили туземцы. Вот я и стал размышлять вслух о различных вариантах спасения.

– Что ты, Константин Петрович, эту крысу церковную слушаешь? – выпалил с негодованием Неплюев. – Ишь как запел, гнида! А я предупреждал, что все они себе на уме! Весь мир просвещенный ненавидит их пароду подлую!

– Разум тебе, инженер, труды господина Маркса разъедают! – с ненавистью выкрикнул Сулима.

– Я знаю, что все ваше племя трепещет, от одного «Коммунистического манифеста»! В котором вашего папу он клеймит позором, за то, что он всегда связан с самыми реакционными силами.

– Почему вы молчите господин, офицер? – с ужасом, прошептал Сулима. – Почему дозволите такие речи крамольные сказывать? Почему вы его в железо не забьете?

– Но ты, сын божий, – покачав головой, выдавил Орлов, – не расходишь шибко – то, не забывайся, что под арестом.

– Видишь, ваше благородие, какую гадюку мы на груди пригрели, – буркнул инженер. – Вот про таких и говорил господин Бруно, что они мрак и мракобесие, а ведь он между прочим монахом был!

– Он еретиком был! – закричал монах, с пеной на губах. Выпучив при этом свои безумные глаза. – Его и сожгли за это! Почему вы позволяете, офицер, наводить хулу на всю церковную власть? Как вы можете все это терпеть?

– Господин инженер просто начитался сказок казака Луганского, – прорычал кузнец, проходя мимо. – Он где надо ответит за свои слова, а ты пес инквизиторской, за свои отвечай. Верно, я говорю, ваше благородие?

– Все верно ты говоришь, Василь, – кивнул поручик. – Все, в сторону разговоры, лодку на воду!

– Сей труд у вас под запретом, – зло прошипел, Сулима, шагая к лодке. – Он запрещен и вашим Сенатом и вашим Синодом!

– Однако какая осведомленность, – усмехнувшись, буркнул Орлов, – усаживаясь за спиной монаха.

– Зря смеешься, офицер, – прошептал тот тихо. Повернувшись к поручику в пол оборота. – Думаешь поймал меня? Я тебя еще в телегу запрягу вместо мерина!

– Нет, это ты меня послушай, как там тебя на самом деле! – выпалил Орлов, хватая монаха за капюшон. – Слышишь, как завыли свою колыбельную койоты? Полевые волки очень умны и осторожны, они не только питаются падалью, но и с удовольствием сожрут миссионера. Ты все понял, раб божий? Хочешь, давай попробуем!

– Ты чего это удумал? – выпалил монах, жвав голову в плечи.

– Боишься, Сулима? – продолжал Орлов ледяным голосом. – Решайся пока мы рядом с берегом! Они, видать, уже учуяли запах человечины и скоро будут здесь, для них это ведь игра, а не работа. Развлекаются, а заодно и территорию осматривают – прямо как мы с тобой, Сулима. Может и впрямь оставить тебя здесь?

– Не губи, офицер, – выдавил тот осипшим голосом, – не оставляй на погибель.

– А, зачем ты мне нужен, монах? У меня не конвойная рота и я не офицер из сысского ведомства! Ты за моей спиной измену замыслишь и это заметишь за наш хлеб и соль.

– Не губи, офицер, ради Христа не губи, – с жаром шептал тот. Косясь на удаляющуюся берег. – На весла посади, грести буду до изнеможения!

– А что, ваше благородие, пушай подсобит! – воскликнул Неплюев. – И конокраду железо снять и тоже на весла, пусть хлеб отработывает.

– Степанов, освободи ты их и впрямь, путь дальний, пусть подсобят, распорядился Орлов. – А если они злодейство, какое удумают, то мы их просто пристрелим! Вы меня хорошо слышали, милейшие вы мои?

* * *

Сидя на носу лодки, который – то взлетал на гребне очередной волны, то резко опускался в низ, поручик напряженно думал, всматриваясь в темные контуры береговой линии, о том все ли он правильно делает. Пока, по его мнению, он не сделал каких – то ошибок, а завладев лодкой, они смогут значительно сократить путь. Удалось понять, кто такие Сулима с Ламбером. Это были враги, коварные и готовые в любой момент своими действиями или бездействиями поставить под сомнение успех их перехода. И хотя еще не были точно ясны их мотивы, по которым они увязались за караваном, ясно было, что их как впрочем и беглого каторжанина стоит остерегаться. Кутаясь в воротнике своего старенького овчинного полушубка, от холодных порывов студеного ветра, Орлов прислушался к вялотекущему спору, между Неплюевым и Сулимой. Которые яростно при помощи весел боролись с волной, продолжая при этом выяснять отношения.

– Я не могу смиренно слушать такую ересь, – хрипел, Сулима. С перекошенным от злости лицом. – Права папы божественного происхождения и никто не может ставить их под сомнения! Сам Бог возложил на его плечи заботу о церкви и сделал его не ограниченным владыкою ею.

– Очень смешно! – воскликнул инженер, давясь от смеха. – Скажи еще, что ваш папа – это живой закон.

– И скажу! – взорвался монах. Тресаясь всем телом, от негодования, с перекошенным от злости лицом. – Его слово – это слово божье, а его дело – это божье дело! И вообще христианские императоры нуждаются в папе!

– С чего бы это? – уточнил Неплюев. – Ради вечной жизни, что ли? Это скорее ваш папа нуждается в королях и императорах. Через статус и волю которых он может управлять делами земными.

– Почему вы молчите, офицер? – выпалил монах, качая головой.

– У меня нет не малейшего желания становиться судьей, в ваших постоянных спорах, – буркнул, поморщившись Орлов. – Тем более по поводу поиска истины в вашей вере.

– Но ведь ваш инженер хулит власть!

– Власть вашего папы и вашего ордена! – оборвал монаха поручик. – И запомните, Сулима, на будущее, что для меня именно варвары из Брюсселя и Лондона расшатали устой древней Византии. В которой по моему разумению было все – архитектура, банковская система, право и дипломатия, разумеется. И у меня нет никакого желания защищать вашего папу и тем более ваш орден.

– Разве не турецкие янычары, превратили Византийский Константинополь, в Османский Стамбул? – с негодованием выкрикнул Сулима.

– Турки лишь довершили начатое вашими братьями, имя которым варвары – латиняне! Именно ваши единоверцы, предали наших православных братьев, для того что бы стать твердой ногой на Востоке, для того что бы навязать свое влияние и воспользоваться чужими богатствами, – возразил с негодованием Орлов.

– Да папа лишь стремился создать единый и неделимый христианский мир! – выпалил истерично Сулима. – В который вошла бы и Византийская империя, этого, между прочим, желали и рыцари и крестьяне.

– Эту сказку ты нашему конокраду расскажи, – рассмеявшись, отозвался Неплюев. – Все правильно говорит Константин Петрович! Это ваши неудачи на Западе принудили вас к корыстным поискам на Востоке, это ваши бесконечные междоусобицы толкали ваших крестьян и феодалов в походы на Восток. Которые, разумеется, охотно благословлял ваш папа.

– Вас послушать, так можно подумать, что на землях российской короны все и всегда делается правильно, – отмахнувшись, выдавил монах. – Под своими православными знаменами вы проиграли Крымскую компанию! Да что там компанию! Вы здесь на кромке империи до сих пор не смогли усмирить даже темных аборигенов.

– Ничего, придет время, – проговорил поручик, – мы заключим мирные договора не только с крайними народами, но и с самой Японией.

– Что – то до сих пор, у вас это не очень то получалось, – буркнул, Сулима. Налегая с остервенением на весло.

– Нет ну вы, посмотрите, что же это за холера такая, – возмутился кузнец. Показывая монаху огромный кулак. – Тебе сказано, что заключим – значит заключим! Тебя и впрямь надобно было на съедение оставить, прости Господи, за все прегрешения наши вольные и невольные. Благодаря нашим православным священникам, мы и так уже подружились с аулетами! В отличие от вас латинян наши святые отцы не проповедают огнем и мечем. Они выучили местные языки и даже придумали для них грамоту.

– Все верно, Василий, говоришь, – поддержал инженер, – и грамота у них теперь есть и словари разные. Теперь они знают, что кроме шаманов, есть еще и лекари с микстурами горькими, а мыться можно не только в реках да озерах, но и в банях, под хвойные веники. А ты, Сулима, говоришь, что мы дружить не умеем!

– Все еще надеетесь в лице дикарей, увидеть новых российских верноподданных?

– Именно так, – проговорил Орлов. Всматриваясь в черную бездну океана.

– Странные вы все-таки русские, – буркнул монах. – Вам с трудом удается кормить своих колонистов, а вы ведете речи о словарях для каких-то туземцев, от которых за милю воняет псиной и рыбой. Видать, вы уже забыли, какую бойню они вам учинили в вашем Ново – Архангельске, а тогда ведь Господь призвал к себе более двухсот ваших соотечественников.

– Что поделаешь, – кивнув, буркнул поручик. Играя с остервенением желваками. – Такова участь первопроходцев. Но ничего, заканчивается уже наше затруднительное положение. Помощь уже близко, она уже идет к нам.

– О какой помощи говорит, офицер? – улыбнувшись, уточнил Сулима. – Ваши корабли плывут из Петербурга до Аляски шесть месяцев!

– Тебе никогда не понять русскую душу, Сулима, – проговорил Орлов. – Мы знаем, что уже совсем рядом, испытывая нужду и трудности, осваивает новые земли Геннадий Иванович со своими людьми. Они уже сумели обойти Сахалин с севера, открывая при этом множество неизвестных территорий. Мы уже присутствуем в низовьях Амура, где твердо встал Николаевский пост. Так что, хоть мы и находимся за океаном Великим, но знаем – помощь близка.

– То, что весь мир узнал от вашего Невельского про Сахалин – это заслуга его великая, – буркнул монах. – Да, ваш Невельской доказал миру, что Сахалин не соединяется с материком, а является островом и что Татарский пролив – это именно пролив. Похвально! Только я насчет помощи ничего не понял, у Невельского своих неприятностей девать некуда.

– Вы так, Сулима, ничего и не поняли, – выдавил сквозь зубы Орлов. – Наши поселенцы активно заселяют Сахалин и Курильские острова, скоро там появятся современные порты, а через это решиться вопрос снабжения наших фортов.

– Надежда весьма спорная, – отозвался монах, покачав головой. – Вы думаете, что вам до бесконечности позволят укрепляться на этих землях? Флот английской короны уже ставится на паровые машины, а значит, ему будет еще проще в случае необходимости перерезать ваши коммуникации. А высадив десант, сбросить ваши жалкие, плохо вооруженные гарнизоны в океан!

– Вы как всегда недооцениваете нас, – усмехнувшись, пробормотал казак, – и адмирал Невельской, и генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев, да и наш правитель Максудов – люди грамотные, да серьезные.

– Что ты этим хочешь сказать? – озадаченно, уточнил монах.

– А то, что для охраны и закрепления новых земель, уже создано Забайкальское и Амурское войско, а надо будет, и здесь полчане высадутся. Да и флот парусный на пар поставим, зря сумлеваешься.

– И сколько лет пройдет, прежде чем сие чудо свершится?

– Ничего мы народ терпеливый и работы не чураемся, – отозвался урядник, налегая на весла.

– Правильно говоришь, урядник, – подхватил Орлов, – не в первой нам. Наперекор воли держав заглавных, свои интересы отстаивать. Вон сколько шуму было в свое время, а мы вошли в бухту Золотой Рог и там уже порт заложен Владивостоком нареченный.

Вскоре из-за усиливающейся волны все споры в лодке прекратились, а люди меняя друг – друга налегали на весла, понимая, что путь по воде – это скорый выход к форту. Лишь уже под утро, инженер, менявший, в очередной раз казака спросил:

– Может, уже к берегу пристанем, да у костра обсохнем, под чаек горячий? Что скажешь, Константин Петрович? Вон сколько верст отмахали, все нормы перекрыли.

– И впрямь, ваше благородие, – поддакнув, поддержал кузнец. – Волна крепчает, да и у костра подкрепиться в самый раз будет.

– Ну, что же православные и латиняне, – вымолвил Орлов, задумавшись на мгновение, – путь мы и впрямь проделали не малый. Давайте к берегу!

* * *

Прыгая среди вспененных гребней волн, лодка стала быстро приближаться к темной полосе скалистого берега. И вскоре на каменистой отмели, в защищенной от ветров ложбине весело затрещал костер, давший, наконец уставшим людям возможность обогреться и перевести дух. Но желанный отдых после сытного, раннего завтрака оказался не долгим. Не прошло и часа как дежуривший у костра Степанов, разбудил Орлова, горячо прошептав:

– Ваше благородие, наверху скалы шумит кто – то.

– Кто там может шуметь? – пробормотал тот хрипло.

– Не знаю, да вы сами послушайте.

Откуда – то сверху действительно доносился, какой – то странный шум, который был явно не связан ни с грохотом прибоя, ни с шумом леса.

– Неужто, опять индейцы? – затравленно прошептал, проснувшийся инженер. – За что же такое наказание?

– Тоже нехристей боишься? – вымученно улыбнувшись, прошептал конокрад. – Кожу с головы резать! Это же надо такое придумать!

– Замолчал бы ты, братец, – рыкнул поручик, вскакивая. – Быстро тушим костер! Ты, Степанов и ты, кузнец со мной в поиск, а тебе, Иван Иванович, караул держать над арестантами. Все понятно?

– А вы надолго? – растеряно пробормотал Неплюев, озираясь по сторонам. – А то может, прыгнули бы в лодочку, да навалились на весла?

– В лодочку – это конечно хорошо, – вымолвил Орлов, торопливо проверяя оружие. – Только светает уже и сверху мы для стрелков, станем мишенью очень даже замечательной. Не дрейфь, инженер, лучше караулом озадачься и ежели что – то стреляй без сомнения, а мы скоро. Нам лишь глянуть, да разобраться, кто в такую рань там шумит.

В этот момент все отчетливо услышали конное ржание и глухие удары по металлу.

– Похоже, как таранас чинят, – предположил кузнец, вслушиваясь в звуки.

– На все воля Божья, – крестясь, прошептал урядник.

– Какой еще тарантас? – спросил поручик. – Все! Все разговоры отставить! Поднимаемся тихо, в бой не вступаем, оценим лишь обстановку и возвращаемся. Все понятно? Ну, тогда с богом, господа.

* * *

Поднявшись осторожно по скользким камням к кромке обрыва, они затаились среди камней, пытаясь рассмотреть в темноте тех, кто прервал их отдых.

– Говорю же, что рессоры на тарантасе чинят, – пробормотал кузнец, отдуваясь после подъема.

– Да, господь с тобой! – с жаром, проговорил казак крестясь. – Откуда здесь каретам взяться? Что с вами, ваше благородие?

– Все в порядке, – тихо хрипя, выдавил Орлов. Уткнувшись лицом в холодный камень. – Это, это..., сердце защемило..., сейчас все пройдет.

– Давайте я помогу вниз спуститься, – испуганно прошептал казак. – А потом, вернусь и мы с Василем разберемся, кто это зверье пугает.

– И то правильно, – поддержал кузнец, – с сердцем шутить нельзя.

– Спасибо, братцы, – прошептал поручик, рванув ворот полушубка. – Пожалуй, и впрямь я не помощник вам, сам я спущусь потихоньку, а вас прошу, осмотритесь тихонько и сразу спускайтесь. Там уже и решим, что дальше делать будем.

– Не сомлевайтесь, – прошептал Степанов, – все сделаем. – По разговорам четверо их, осталось понять, кто они и что здесь забыли.

– Вот мой бинокль, а я спущусь в низ.

Расстегнув полушубок и верхние пуговицы гимнастерки, Орлов спотыкаясь и падая, с трудом спустился вниз. Молча сел у еще дымящегося кострища. Неплюев, наблюдавший за внезапно вернувшимся поручиком, судорожно сглотнул слюну и тихо пробормотал:

– Ну и, кто там по металлу колотит?

– Пока ясно только одно, – отозвался офицер, сидя с закрытыми глазами, – что это вроде американцы и их четверо. Хотя двое говорят с ирландским акцентом. Как только Степанов с кузнецом разглядят их получше – так и решение примем.

– Смотрю я на тебя, офицер, и вижу, что не хорошо тебе, – буркнул Сулима. – Никак сердечко защемило?

– Тебе то, что печалиться обо мне? – спросил Орлов.

– Да так, не перестаю удивляться, с каким отчаянием вы служите империи! С какой самоотдачей вы жертвуете собой, сгорая, зачастую как сгорает восковая свеча. И никак не пойму ради чего все ваши жертвы и лишения?

– Я может быть тоже, удивляюсь тому, что здесь делает на православной земле, хоть и слуга Господа, но все, же латинянин, – вымученно улыбнувшись, отозвался поручик. – Да еще под пулями и стрелами.

– Со мной – то, все просто. Я через долг пасторский, муки и лишения в заграничных мытарствах принимаю, неся по мере сил слово христово.

– А брат твой Ламберт, какое слово несет? – с подозрением, уточнил инженер.

– И он, несет своими поступками смиренными, веру в Бога!

– И давно вы в наших землях трудитесь? – уточнил Орлов, массируя рукой грудь.

– С момента создания американцами своих Соединенных Штатов, мы обратили свои взоры на эти земли.

– Не обижают вас американцы? – спросил инженер. С тревогой поглядывая наверх.

– Янки, народ веротерпимый, – покачав головой, отозвался Сулима. – У нас на сегодняшний день в их штатах уже имеется несколько епископов, за сотню священников, есть даже

несколько высших учебных заведений и несколько средних. Мы не встречаем на их землях никаких ограничений и притеснений.

– Почему же американцы столь лояльны к вам? – спросил Орлов. С тревогой вслушиваясь в стуки по металлу.

– Потому что у американцев в отличие от вашей империи, принцип выборности должностных лиц распространяется и на католическое духовенство!

– А я думал, что число католиков у американцев растет из-за многочисленной миграции ирландцев, – буркнул инженер. – Впрочем, мне все равно какой численностью ваши банды осадят американские штаты, для меня все одно с каким умыслом и лукавством вы входите в дома американцев.

– В чем наше лукавство состоит? – с жаром, прошипел Сулима. Сжимая свои кулаки.

– Выгоду вы как всегда себе ищите! – отрезал инженер. – Думаешь нам неведомо, что за жадность вашу, громят ваши церкви и в Бостоне и в Филадельфии! И правильно ковбои местные делают, что гоняют ваших алчных до денег братьев! Скажешь, нет? Мы с Константином Петровичем сами читали в газетах! Вон недавно, из-за попытки назначить вашего попа, разгорелись выступления народа аж в самом Вашингтоне.

– Не попа, а папского нунция! И только в Вашингтоне! – взорвался Сулима. – Миссионеры святого Павла уже во многих штатах укрепили свое влияние, неся правдивое слово божие!

– Это правда, – пробормотал Орлов, – только не надо кричать. – Этак вы на всех нас беду накличете. А, что касается вашего влияния... Ну что же, бесплатные школы и все такое, действительно настраивают людей на разговор с вашими братьями.

– Вот, вот! Думаю, что господин, офицер, согласится и с тем, что мы прекрасно организованны, в отличие от ваших священников и многочисленных протестантских сект. Которые к тому же враждуют друг с другом.

– Вы хотите сказать, что нам никогда не удастся вести дела в этих землях как вам? – уточнил поручик.

– Конечно! Даже если на это будут приказы из вашего Сената или предписания Синода! – самодовольно, подитожил Сулима.

– Недооценка противника всегда ведет поражению, – проговорил Орлов, усмехнувшись. – Когда – то ваши единоверцы не верили, что граница Русской империи с Китаем, ляжет по реке Амур, до впадения в него реки Уссури. Теперь Уссурийский край наш по Пекинскому договору. Это ли не успех подданных Российской империи?

– Эти земли далеко не Уссурийский край, – буркнул, Сулима. – Это Аляска! Вам не хватает доходов для содержания Русской Америки! Ваши купцы, организовавшие Российско-Американскую компанию, так и не смогли заставить ее работать с прибылью. Разве это не так?

– Ничего придет время и прибыль появиться непременно, – отозвался Неплюев, озираясь по сторонам.

– О какой прибыли идет речь? Уж не от пушного ли промысла? И потом не забывайте о американцах! Вы их явно недооцениваете. Когда они твердо встанут после своей войны, в своих южных штатах на ноги, то вряд ли согласятся с тем, что на севере Америке хозяйничают русские.

– У нас, Сулима, с Соединенными Штатами нормальные дипломатические отношения, – проговорил Орлов. Всматриваясь в перекошенное лицо монаха. А наши народы желают жить в мире и дружбе. Так, что мы не собираемся уходить с этих земель.

– Да вы уже уходите отсюда! – воскликнул тот, брызгая слюной. – Американцы вас уже выдавили из форта Росс! В свое время ваш Александр первый подписал манифест об исключительных правах России на Аляску севернее пятьдесят первой параллели! И, что с того? Ваши интересы вошли в противоречие не только с американскими интересами, но и англий-

ская корона была не довольна вашей активностью. Именно поэтому ваш император заключил новый договор с американцами, по которому Берингово море становилось уже не внутренним морем России.

– Я как погляжу, Илья Сулима, хоть и монах, а zelo начитанный и в делах светских и просвещен не по чину, – задумчело, проговорил Орлов. Играя при этом желваками. – Все верно..., по новому договору была вновь открыта свобода мореплавания и рыбной ловли в Беринговом море, а наши владения ограничены пятьдесят четвертой параллелью. Но это был тактический шаг и шаг сей, не дает право наглицам различных мастей, входить в наши воды и творить безобразия различные. Я уже не говорю о высадке на берег без специальной грамоты. Это касается всех гостей заморских, ведь все знают, что нельзя приближаться к берегу на расстоянии пушечного выстрела.

– Может, кто измену чинит? – предположил робко конокрад. – Вон испанцы вами убиенные, не сильно – то с законами нашими считаются.

– Не тебе, про дела государственные размышлять! – оборвал его Орлов.

– А ведь каторжанин по-своему прав, – буркнув, поддержал инженер. – Передовая часть общества в империи не довольна состоянием дел и вполне может препятствия в отдельных делах чинить.

– Тебе бы, инженер, к словам офицера прислушаться, – пробормотал Сулима. – В своих университетах видать Жуковского начитался, до умопомрачения! А если по возвращению в Родину угодишь в третье отделение царской канцелярии?

– А тебе то, что с того за печаль? – огрызнулся Неплюев. – Главное, что здесь нет генерала Бенкендорфа со своими людьми, кои облечены особым доверием самого государя.

– Я же говорил господин, офицер, что ваш инженер есть еретик и якобинец! – с возмущением выпалил Сулима, вскакивая. – Его Жуковский и Писарев с «Русским словом „впридачу, проповедуют освобождение личности от бытовых и семейных пут – это путь в никуда. У нас тоже случались конфликты между теми кто несет слово папы и его противниками, но наша буржуазия всегда шла на конфликт с пониманием того, что необходимо сохранить религию для защиты своих интересов.

– Успокойтесь, святой отец! – оборвал его Орлов. – Сядьте и не кричите! Не то я и впрямь решу, что вы нас хотите обнаружить. Да и вам – то чего печалиться? У вас труды перечисленных вами господ находятся в „Индексе запрещенных книг“.

– Просто я со своими братьями знаю, что такое якобинцы – это чума для любой империи, – неохотно садясь, буркнул монах. – Поэтому у нас все подозрительные книги и проверяются в цензурной коллегии, из-за чего зараза и не попадает на улицы к толпам плебеев.

– Чем же тогда вашей банде, не угодили труды Жанны Гюйон? – съязвил Неплюев. – Ведь она проповедовала преданность и любовь к Богу, призывала презрительно относиться к добру и злу так как – это одинаковое проявление божественной воли.

– Да, ее книги в начале имели успех, и их содержание даже публично одобрял епископ Фенелон, – скривившись, пробормотал монах.

– Вот видите! Зачем же ее труды запрещать? Вашим братьям нужно быть последовательными!

– Мы всегда последовательны в отстаивании интересов Вечного Рима, – скрипя зубами и часто крестясь. Прошептал Сулима с ненавистью. – В книгах Гюйон было обнаружено до тридцати еретических положений, а речи Фенилона наши официальные представители осудили. Чему это инженер улыбается?

– Просто вспомнил, что труды этой госпожи, имеют в нашей империи множество поклонников, – невозмутимо, отозвался инженер, – даже в лице господина Голицына.

– Через такие разговоры, к власти в вашей империи придут якобинцы! Которые зальют улицы ваших городов кровью и вам уже не будет дела ни до этих земель, ни до самой империи.

– Вам – то тогда что печалиться? – проговорил Орлов, вставая. – Вроде идет кто-то...
– Зараза из вашей империи, может перекинуться и на наши земли, – процедил монах.
– Идет кто – то, все быстро за камни! – с жаром зашептал поручик. Выхватывая из-за пояса револьверы.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем в осторожно спускающейся фигуре, они смогли разглядеть урядника.

– Ну, что там, братец? – спросил поручик, выходя из укрытия.

– Там, ваше благородие, дилижанс в каменюках застрял, – доложил тот. Смахивая рукавом пот со лба. – Как ваше самочувствие?

– Все в порядке со мной, благодарствую, – озадаченно, проговорил офицер. – А дилижанс-то откуда взялся? Дорог тут вроде нет никаких.

– Не знаю, но мы с кузнецом его в вашу биноклю, хорошо разглядели – под четыре лошадки удуманный. Может они, по каким – то малозаметным дорогам его сюда пригнали.

– Ничего не понимаю, – озадаченно пробормотал Орлов. Приложив холодный револьвер ко лбу. – Откуда ему здесь взялся? Здесь же нет дорог! А ездовые? Вы их рассмотрели?

– Так, а ездовые лошадок распрягли, да к лесу подались, – растерянно, прошептал казак. Разведя руки в стороны. – Но не индейцы они – это точно.

– Ничего не понимаю! А где кузнец?

– Так схоронился он в каменюках, наблюдение ведет скрытое, я ему и биноклю оставил.

– Ладно, пойдем, глянем, что это за карета здесь объявилась, а ты, инженер, про караул не забывай.

* * *

Какого же было их удивление, когда поднявшись, они не обнаружили на месте кузнца.

– Вот – те раз, – растерянно, пробормотал казак. С тревогой озираясь по сторонам. – Куды он мог подеваться?

– Я кажется знаю, куда он мог податься, – поморщившись, проговорил Орлов. Глядя на стоящий дилижанс. – Идем.

– Вот ведь неслух, – сокрушался Степанов. Едва поспевая за офицером. – Я же запретил ему ходить к тарантасу одному. Вот ведь душа металлическая!

– Что же его так припекло? – со злостью, спросил поручик. Внимательно осматриваясь по сторонам.

– Так он все гадал, из какой стали рессоры сделаны, да на какой манер крепятся. Все уши мне прожужжал, а один остался, да видать и не усидел.

– Видать, видать, – передразнил его Орлов. – Что-то его не видать нигде! Уж не в полон ли он попал?

Лишь подойдя к дилижансу, они обнаружили кузнца. Он лежал в неестественной позе, у заднего колеса, уткнувшись лицом в камни, которые были залиты его темной кровью. Орлов держа револьверы наготове, резко опустился на левое колено, заглянув под дилижанс. Затем запрыгнул на подножку, заглянув внутрь экипажа и только после этого, медленно обошел его вокруг, озираясь по сторонам.

– Ну, что с ним? – спросил он, подходя. Глядя на ошеломленное лицо казака.

– Отошел раб божий..., не исповедавшись..., в одиночестве, – прошептал тот. Закрывая убитому глаза. – Кинжалом в спину ударили, прямо в сердце угодили. Эх, какой мужик был, а мастеровой какой отменный!

– Он хоть, что – то успел сказать?

– Прохрипел только тихо, что добрый каретник делал этот тарантас и отошел, – смахнув слезу, прошептал урядник.

– И все?

– Все, ваше благородие... Какой же злодей на него руку поднял?

– Не знаю, братец, – пожав плечами, прошептал Орлов. – Наверное, один из тех, кто эту карету сюда пригнал. Может внутри экипажа остался дружков своих дожидаться, а тут наш Василь объявился.

– Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего и прости ему все согрешения вольные и не вольные, – бормотал казак подавлено. Отчаянно крестясь при этом. – Какого человека работного сгубили! Какие ножи и шашки он делал! У него в станице, за его татаурами всегда очередь была.

– Послушай меня, урядник, – проговорил тихо Орлов, – лиходея, не мог уйти далеко. – Наверняка где – то рядом схоронился поганец.

– Может, поищем? – встрепенулся казак. – Он ведь и биноклю упер!

– Уходить нам надобно, – со вздохом, отозвался поручик. – Не ровен час, вернуться сюда дружки лиходея. У них вон и тонкомер наготовлен, чтобы колеса из камней вытащить.

– Откуда они только взялись на нашу беду? Откуда дилижанс этот пригнали, а главное зачем? – недоумевал казак.

– Да, ты прав..., на такой телеге здесь не поедешь далеко, – кивнув, буркнул поручик. – Наверное, они этот дилижанс спрятать здесь хотели.

– Но почему?

– Я так смекаю, что принадлежит он китобойной компании, видимо американской. Они на таких дилижансах деньги возят, чтобы с китобоями рассчитываться прямо на берегу.

– Какие же здесь китобои могут быть? – озираясь по сторонам, прошептал Степанов.

– Отбили телегу эту, наверное, у почтовиков. Вон и корпус весь пулями изъеден, внутри все в крови. Глянь, что у них там, в рундуке и уходим отсюда.

– Это мы мигом, – кивнув, отозвался казак. Со вздохом одевая свою папаху.

* * *

Орлов медленно опустился у колеса, рядом с телом убитого и, сняв фуражку, тихо проговорил:

– Эх, Василь! И зачем ты только подался, эти чертовы рессоры смотреть? А впрочем, откуда ты знать мог, что в этом месте поганом, самим Богом забытым, найдешь ты свою смерть.

Он знал этого грубоватого, немногословного кузнеца еще по Крымской компании. Именно благодаря таким простым работным людям коих были тысячи, вооруженных лопатами и кирками, молотом и наковальней, работавших день и ночь для удержания обороны Севастополя и удавалось сдерживать врага целых одиннадцать месяцев. Именно благодаря таким простым людям город оцетинился в короткий срок могучими бастионами и батареями. Но тогда все было просто и понятно, даже частичное затопление кораблей Черноморского флота было воспринято всеми хоть и болезненно, но с пониманием – это препятствовало заходу вражеских судов в Севастопольскую бухту.

Да тогда было все понятно и все от простого солдата или жителя города до адмирала Нахимова, показали всему миру мужество и отвагу русских людей. Но все это было там, в далеком Севастополе, а здесь на кромке империи, не было ни войны, ни мира в полном смысле этих слов...

– Ваше благородие, – проговорил Степанов растерянно. – Тут у них в рундуке..., в мешке, пуда два мыла лежит кускового. Возьмем или как?

– Какое еще мыло? – пробормотал рассеяно Орлов, одевая фуражку.

– Да вот, сами полюбопытствуйте, – отозвался казак. Протягивая темно-коричневый кусок.

Поручик, продолжал сидеть у колеса, ошеломленный неожиданной находкой, не веря глазам, не веря, что Бог посылает им такой подарок.

– Это..., Это же..., это же артиллерия! Давай сюда мешок! Это же динамит!

– Избавь нас от бед, Богородица Чистая, – с ужасом прошептал казак. Протягивая старый льняной мешок.

– Что с тобой, голубчик? – не поняв, буркнул Орлов.

– Это же та хреновина, которой дороги в горах прокладываю, – с жаром, зашептал тот. С остервенением, вытирая шапкой пот с лица.

– Им можно не только дороги прокладывать, пути в скалах рубить. Его можно и как бомбу с фитилем использовать!

– О, Господи, помилуй, – крестясь, бормотал казак. С ужасом, боязливо спрыгивая на землю.

– Да, что ты все причитаешь? Нам Господь артиллерию карманную послал, а ты вроде, как и не рад вовсе.

– Неплюев говорил, что энта штука взрывается от малейшего сотрясения.

– Это изначально так было, а теперь..., тот самый инженер шведский, что его изобрел, довел его до безопасного состояния, – отозвался поручик. Сосредоточенно пересчитывая взрывчатку. – Теперь он взрываться будет, лишь, когда мы вот этот пороховой шнур подожжем.

– Или когда стрельнем в него?

– Или когда стрельнем, – проговорил Орлов, улыбнувшись. – Ну, спасибо тебе, Господи, за твой подарок королевский! Теперь, казак, нам сам черт не страшен.

– Может из-за него тот лиходей, что кузнеца убил и возвращался? Может, забыл впопыхах, да в темноте, а тут Василь наш объявился, да и мы вскоре появились.

– Может, братец, все может быть, давай уходить отсюда.

Но внезапный выстрел из-за деревьев, разорвавший тишину утра, спутав все планы.

– Ложись! – крикнул поручик. Прячься за одним из валунов.

– Никак наш злодей зубы показывает? – с удовлетворением проговорил казак. Не добро, улыбаясь при этом. – Теперь – то грех уйти, не поквитавшись.

– Давай смекнем, откуда он палить изволит, – буркнул поручик. Вслушиваясь как вторая пуля, ударив в корпус дилижанса, рикошетом ушла в каменную гряду, противно цокая.

– Сейчас разберемся, – деловито проговорил Степанов. Неторопливо занимая оборону. – Уже понятно, что палит наудачу. Индейцы так не стреляют, да еще из нарезного кавалерийского штуцера.

– Не у наших ли казачков, отбит сей штуцер, – отозвался Орлов.

– Это же Америка, – тихо, прошептал урядник, – здесь все покупается и все продается. Ага! Вижу злодея, только далековато для верного выстрела, боюсь, глаз сфальшивит.

– Тогда порох не жги, я его хорошо вижу.

Несмотря на приличное расстояние и сумерки утра, первым же выстрелом поручику удалось поразить цель. Стрелок занявший позицию в огромных камнях, выронил штуцер и замер. – Ох, и хорош выстрел! – воскликнул казак. – Дозвольте, я мигом сбегаю. Биноклю принесу, да и штуцер с припасами, опять же подмогой будет.

– А если он там не один, или ездовые вернуться, – засомневавшись, предположил поручик. – Шуму вон сколько наделали!

– А я его с фланга обойду, а если его дружки объявятся, то вы отсюда меня поддержите. Да и не впервой ведь! Вон под Севастополем, какие рейды чинили, а ведь бывало соотношение и один к двадцати!

– Не нравится мне твоя идея, – проворчал, покачав головой офицер. С беспокойством осматриваясь по сторонам. – Но ты прав, уж больно бинокль нужен, да и штуцер лишним

не будет. Ладно, давай, пробуем, храни тебя Бог и помни, что уходить нам отсюда надобно и спешно.

Дождавшись возвращения казака, который действительно принес похищенный бинокль и штучер с припасами, они подхватили грузное тело кузнеца и пригнувшись поспешили к обрыву. Спотыкаясь и падая, торопливо спустились к месту их стоянки и только тут заметили, что произошло нечто ужасное – пропала их лодка. А вместе с нею исчезли и Сулима с конокрадом, прихватившие кроме револьвера который дал инженеру Орлов, корзину с остатками провизии и ранец с образцами. Тело самого Неплюева они обнаружили, за одним из валунов. Озираясь по сторонам, поручик бросился к нему, осторожно перевернул на спину и тихо спросил:

– Что? Что случилось? Где они? Где лодка? Степанов, глянь сверху лодку! Они не могли далеко уйти!

Орлов с ужасом осознал, что произошло. Понимая, что с потерей лодки они теряют скорость продвижения к своей цели, а самое главное ранец с минералами, которые они должны были доставить в Петербург.

– Вот сучье вымя! – с яростью, выпалил урядник. – Хорошо я мигом!

Какое – то время инженер с трудом приходил в себя, кривясь от боли, держась руками за разбитую голову, перевязанную Орловым. Который молча, с остервенением курил папиросу, сидя на валуне рядом.

– Извини, Константин Петрович, – выдавил, наконец инженер. Вымученно улыбнувшись при этом. – Не углядел я этих прохвостов.

– Успокойся, Иван Иванович, – со вздохом проговорил Орлов. С тоскою смотря на хмурю, сереющую полоску горизонта. – В живых остался и, слава Богу! Кто же это тебя так приложил?

– Сулима, сука! Камнем сзади саданул, как только вы наверх поднялись. Как только черепок не проломил, поганец!

– Ранец с образцами я так понимаю, он прихватил?

– И ранец спер проходимец? – давась тихо от смеха. Проговорил инженер с трудом вставая.

– Чего же тут смешного? – глухо, спросил поручик. Глядя на струйки крови, текущие по бледному лицу инженера. – Там ведь образцы с золотоносных жил были, цифирью к местам привязаны! Другие минералы разные. Чего же здесь смешного, братец?

– Минералы конечно жалко... а золото... Там, там... – захлебываясь от смеха, бормотал Неплюев, – было золото для глупцов!

– В каком смысле? Я ничего не понимаю! Да, можешь ты объяснить толком, наконец?

– Там была порода с пиритом! – выпалил, инженер. Вытирая рукавом лицо. – А пирит очень похож на золото.

– Ты хочешь сказать, что там были не настоящие образцы? – прошептал ошеломленный Орлов. – А в поясе, что ты мне дал?

– У тебя, Константин Петрович, как раз настоящие образцы, – пробормотал Неплюев. Успокоившись наконец. – У полковника Калязина были сомнения насчет этих миссионеров, вот он и придумал такой ход. А эта гнида церковная и клюнула на пустышку! Уволок ранец с пустой породой.

– Умно, придумано, – кивнув, выдавил офицер. – А меня чего же, господин полковник в известность не поставил?

– Это ведь только сомнения были, – отозвался инженер, пожав плечами. – Значит, не хотел, чтобы поручик Орлов в пути, на домыслы разные отвлекался.

– Понятно, – кивнув, буркнул офицер. Глядя на подбегающего урядника.

Из доклада которого стало ясно, что лодка находится уже в не зоны выстрела и, что они лишились своего средства передвижения. А это означало только одно – теперь они были

лишены возможности маневра, теперь они целиком зависели от обстановки которая складывалась в прибойной полосе. Успокоив с трудом Неплюева, который был буквально ошеломлен новостью о гибели кузнеца, они перетащили тело покойного Василя подальше от линии прибоя. Затем обложили труп камнями, с тем, чтобы ни звери, ни птицы, не смогли потревожить вечный сон простого работного человека, до последнего вздоха верой и правдой служившего интересам империи.

– Прости нас, Василь, – проговорил Орлов, снимая фуражку. – Что хороним тебя по воровски, без креста и священника. Но я тебе обещаю, что как только представится возможность, как только мы дойдем до Ново – Архангельска, я закажу службу и по тебе и по всем безвременно сгинувшим в Русской Америке. Прости нас за все, а за погибель твою мы уже отомстили.

– Пусть земля тебе эта каменистая, будет пухом, – хмурясь, прошептал казак. С остервенением крестясь при этом.

* * *

Простившись с кузнецом, они спешно двинулись по кромке океана, в сторону форта есаула. То углубляясь в хвойный лес, подступавший почти вплотную к линии прибоя, то вновь выходя на открытые каменные пляжи. Шли в основном молча, из-за всего произошедшего, а так же из – за бессонной ночь проведенной в качающейся лодке. Короткие привалы, которые устраивал Орлов, не давали им возможности полноценно отдохнуть. Именно поэтому, когда они в очередной раз пробираясь через заросли кустарника, наткнулись на огромного медведя, а винтовки в руках предательски отказывались замирать на точке прицеливания – Орлов принял решение перевести дух основательно.

– Все правильно, ваше благородие, – бормотал казак, разводя костер, – медведя просто так не добудешь. Пуцай идет себе косолапый, он крепок на рану и живуч уж больно. Бить его наверняка надобно, на повал! Либо чуть выше глаз, либо в ухо, либо под левую лопатку, а как тут его выцелить, ежели руки трусятся.

– Для нас – это был шанс добыть себе провизию, – устало проговорил Орлов, закуривая. – Без еды мы так и ноги протянем.

– Ничего, – бормотал урядник, – заварки трошки есть – значит и чаек будет. Почаевничаем, отлежимся не много, а там я в пихтач сбегая, может какую птаху добуду или зайца. Плохова-то конечно, что снег еще не лег, а то бы по следам, плевое дело провиант найти. А с медведем пораненным нам сходитья сейчас никак нельзя, отомстить за обиду ему нанесенную он может крепко. Да и на кой нам столько мяса!

– Октябрь уже, а он все бродит по лесу, – лежа в изнеможении у костра, пробормотал Неплюев. – И чего ему не спится?

– Вот сразу видать, Иван Иванович, что городской ты человек, – усмехнувшись, вымолвил урядник. С усердием ломая ветки. – У медведя ведь тоже все в жизни случается по предписанию. Ежели ли, например он нагуляет жиру за лето для спячки, то завалится в берлогу во второй половине ноября. А ежели мало жиру нагуляет, из-за нехватки кормов к примеру, то может завалиться и в конце октября. Нынче ему, вон сколько пищи было! И брусники, и клюквы, и ореха опять же, да и снег еще не лег.

– Как голова, не болит? – спросил Орлов закуривая.

– Все в порядке, – криво усмехнувшись, буркнул инженер, – заживет до сводьбы. Сам виноват, не надо было рот разевать.

– Ну и, слава Богу, терпеть уже немного осталось. Думаю, к вечеру в форте будем чай гонять.

– Эх, жалко этот проходимец Сулима, сбежал, – со вздохом пробормотал инженер. – Посмотрел бы с удовольствием на его рожу, в острог заключенную.

– Что уже про него говорить, коли ему сбежать удалось, – покачав головой, отозвался Орлов. – Ты лучше в форте думай, прежде чем сказать, что либо. Эта уже территория, где к твоим вольным высказываниям отнесутся серьезно, где за разговоры твои и в железо угодить можно запросто.

– Я помню, Константин Петрович, что институт жандармов, незримо присутствует даже здесь, на кромке империи. Можешь не сомневаться.

– И вообще, читал бы ты, братец, лучше Гоголя, чем своих утопистов-марксистов.

– Признаться меня не сильно трогают его религиозные изыскания, – поморщившись, отозвался тот.

– Но он же обращает свои взоры к религии, не в отрыве от культуры, а для того что бы найти решение конкретных проблем. Тебе так не кажется?

– Нет, его религиозные размышления меня решительно не волнуют! Хотя отдаю ему должное за то, что господин Гоголь, определил во многом характер русской литературы, ее так сказать мессианство. Вы же знаете, что мне ближе Писарев, журнал „Русское слово“.

– За то, что он на страницах сего журнала, выдвигают свою сумасшедшую идею, не призывая к революции достигнуть социального равенства, через техническое развитие?

– Зря смеешься, Константин Петрович, – отозвался инженер. – В кругах разночинной интеллигенции его ценят, за смелые высмеивания всех сторон нашей жизни, в империи.

– Смотри, Иван Иванович, с огнем играешь, я тебя предупредил, – с сожалением, проговорил Орлов.

* * *

Выспавшись и утолив голод зайчатиной, запеченной в глине на углях, они вновь продолжили свой путь. Пожалуй, единственное, что омрачало радость скорой встречи с единоверцами кроме гибели кузнеца и побега Сулимы с конокрадом, были два выстрела, прозвучавших хотя и на большом удалении, но говорившие за то, что это могли быть и враги, идущие по их следу. Именно поэтому Орлов пошел с людьми не по пологому склону, а через хребет одной из скал. Откуда можно было спокойно исследовать прилегающую местность в бинокль, а значит, избежать внезапных неприятностей. И вскоре его худшие опасения подтвердились. Он отчетливо разглядел как из лесного массива на каменистый пляж, стала выходить колонна индейцев, шедшая, на некотором удалении от них.

– Проклятие! – чертыхнулся поручик. Протягивая бинокль уряднику. Почувствовав как вновь защемило сердце. – Кажется в гости к есаулу, направляемся не одни мы.

– Разрази меня гром, – прошептал тот в сердцах. Внимательно глядя в бинокль. – Верст пять расстояние до них, может чуть и более.

– Что? Что там такое? – забормотал инженер, озираясь по сторонам.

– Ничего особенного, – проговорил Орлов. С остервенением жуя спичку. – По нашим следам идут индейцы, числом примерно в сотню, если не больше стволов! А ведет всю эту милейшую компанию, наш добрый самолитянин Ламберт, собственной персоной. Как же они успели так лихо сократить дистанцию? Видимо идут без отдыха.

Поручик озадаченно посмотрел на красные, обветренные лица товарищей и подавленно признал:

– Где – то они переиграли нас. Теперь идти придется на пределе возможностей, не останавливаясь и не отдыхая, с тем, чтобы людей в форте предупредить.

– Может они и не за нами идут вовсе? – робко, предположил инженер.

– Да нет, Иван Иванович, – отозвался казак, опуская бинокль, – тут как не крути, а дорога лишь через форт идет.

– Я говорил, что этим латинянам верить нельзя! – выпалил Неплюев. – Успеем мы вперед их добраться?

– Если поспешаем крепко, то все мы успеем, – проговорил тихо Орлов. Внимательно изучая противника в бинокль. – И никакой этот Ламберт преподобный не глухонемой, болтает гад не умолкая, ему смотрю и коня доброго дали. Ай да, Ламберт! Зачем же столько времени глухонемым прикидывался?

– Значит, интерес был тайный, – отозвался Степанов. – Значит изначально с Сулимой, что – то поганое умышляли. А ежели они форт в круговую осадят? Как тогда подмогу к отряду отправим?

– Что же ты, голубчик, предлагаешь? В штыковую, что ли ударить?

– Может, вы пойдете, а я в арьергарде останусь? – прошептал Степанов.

– Что это ты удумал? – насторожился поручик. – Хочешь Ламберта попросить к форту не ходить?

– Закачу этой суки пулю в голову, а там, в сторону попробую оттянуть своей стрельбой. Глядишь и у вас лишний час появиться.

– А потом тебя аборигены на ремни порежут, за своих соплеменников убиенных или покалеченных. Нет, казак, не для того мы столько лишений приняли, чтобы в самом конце гибнуть по глупостям, да и у нас каждый ствол винтовой на вес золота. Встречать гостей будем не в чистом поле, а через бойницы форта! Давайте скажем, спасибо, Господу за его помощь нам, что от ночевки отвел, где испанцы у костра пировали, что лодку дал, которая нам так подсобила. Не будем более его терпение испытывать. Все, все за мной!

* * *

Какое – то время люди молча шли друг за другом, думая обовсем произошедшем, внимательно смотря по сторонам. Наконец шедший за поручиком инженер не выдержал и тихо проговорил:

– Как же ему удалось, так быстро собрать целую сотню воинов?

– Это же индейцы, – отмахнувшись, отозвался Орлов. – Они тебе без почтовой связи и телеграфа, весть передадут за десятки миль, не хуже этого самого телеграфа. Где гонцом, где криком птицы, где барабаном, а где и дымом от костра. Меня сейчас другое беспокоит.

– И, что именно?

– Мне весьма любопытно, что этот Ламберт за наши головы такое пообещал, что идут эти самые аборигены вроде как без сна и отдыха. А ведь это война! Да, давненько на этих землях так страсти не накалялись. Интересно, что же стало причиной нарушения прежних соглашений с вождями их племен? Зачем они за нами отмахали столько верст отмахали? Зачем идут к форту?

* * *

К вечеру, когда холодное осеннее солнце уже опустилось за горизонт, Орлов вывел, наконец, людей к подножью огромной скалы, макушку которой не было видно из-за густой облачности. Обильно покрытая еловыми деревьями с уже пожелтевшей буйной растительностью, она возвышалась над густым хвойным лесом во всем своем громадном величии. Где – то там наверху, в скрытой от посторонних глаз вековыми соснами, подковообразной расщелине и располагался форт есаула Черемисова. Который и являлся той самой промежуточной точкой на их опасном пути.

Об удачном местоположении именно этой гигантской скалы вулканического происхождения, возвышавшейся над грядой других менее высоких скал, говорили еще первопроходцы. Ее удачное расположение в военном и пограничном отношении, отмечал еще сам Михаил Гвоздев, в своих „путевых наблюдениях“. Именно он первым обнаружил этот природный форпост. Который мог служить укрытием и для пограничной стражи, и для солдатского гарнизона, и для проживания поселенцев. Тот самый Гвоздев, который первым добрался в начале восемнадцатого века до берегов Аляски, на боте „Святой Гавриил“. Гвоздев был не просто геодезистом, или человеком командующим ботом – он стремился оценивать в своих путешествиях все новые возможности, дающие не только коммерческие но и военные выгоды для всей империи. Именно им первым была выдвинута мысль, что с утеса этой скалы, склоны которой были причудливо изъеденной осадками и северными ветрами, даже не большой гарнизон усиленный пушкой, мог легко контролировать вход в несколько бухт сразу. А чуть позднее, целесообразность непрямого устройства здесь сторожевого поста, отметил в своей экспедиции Витус Беренг и Алексей Чириков. Именно размещение форта на этой скале позволяло, по их мнению, контролировать значительные водные территории. Вскоре, за возведенным здесь фортом, закрепилось точное название, которое метко подчеркивало его предназначение и которое вскоре переключалось во все официальные бумаги и отчеты. Так появился хорошо укрепленный форт „Око империи“.

Близость океана наложила отпечаток на здешний ландшафт, наградив его суровым и неприветливым обликом. Из-за сурового дыхания Арктики, здесь круглый год господствовали северные ветра, свирепая сила которых особенно ощущалась во время штормов. При этом люди, размещенные за естественными скальными стенами, почти не ощущали этого. Преодолев несколько сот шагов по галечным валам, которые спускались к прибою пологими пляжами, Орлов прищурившись, посмотрел наверх и тихо проговорил:

– Вот оно „Око империи“. Значит пришли мы, братцы.

– Что – то я никак не пойму, – прошептал Степанов, отдуваясь, – мы дошли до самого форта почитай, а так и не встретили ни одного разъезда казачков.

– Возможно, есаул сменил тактику караульную, – предположил Орлов. Внимательно всматриваясь в контуры утеса. – Хотя ты прав, странно все это. Чего нам гадать на кофейной гуще? Поднимемся к есаулу у него и спросим.

Преодолев затяжной подъем, по вымощенной камнями не широкой дороге, они оказались, наконец, перед сторожевой избой, стоявшей у края огромной террасы и контролирующей вход во двор форта.

– Что-то здесь не так, – проговорил взволнованно Орлов. Глядя на пустые бойницы сторожевой избы. – Ночи здесь холодные, с воды опять же сыростью тянет, а все бойницы открыты, да и караула я не наблюдаю. Странно все это.

– Ты, Константин Петрович, хочешь сказать, что у есаула что-то произошло? – испуганно, прошептал инженер.

– Я хочу сказать, что у есаула даже в окнах сторожевой избы, стекло настоящее стояло, как и в жилых бараках, а сейчас даже рам нет.

– Но, что тут гутарить? – прошептал урядник. Держа наготове винтовку. – Идти надобно в сам форт, да расспросить обовсем. Да и смеркается уже, неравен час Ламберт со своими дружками пожалует.

– Верно говоришь, казак, – кивнув, буркнул поручик. – Оборону лучше с вечера занять. А при такой фортификации, нам не то, что Ламберт – сам черт не страшен будет теперь! Идемте и глянем, что в избе сторожевой твориться для начала.

Входная дверь, сделанная из бревен и обшитая выцветшими шкурами лис, с жалобным скрипом отворилась. И их взору предстали две лавки, бревенчатый стол, да не большая печь, сложенная из камня.

– Я так смекаю, что здесь уже давно караулом не стоят, – пробормотал, растерянно Степанов. Трогая с опаской холодную печь.

– Стекла с бойниц сняты, а не выбиты, – кивнув, прошептал Орлов. Садясь со вздохом, на одну из лавок.

– И, что все это значит? – затаив дыхание, прошептал инженер.

– Пока не знаю, – с прищуром, отозвался поручик. Ложа на стол фуражку. – Пока только понятно, что боем этот сруб никто не брал. А стекло как предмет дорогуший, по хозяйственным соображениям сняли. Интересно откуда его есаул брал в этой глухомани?

– В низу над пляжем, в соседней скале, пласт идет угольный, – устало, проговорил Степанов. Глядя через бойницу. – В пять, а местами и в семь сажень.

– Он, что же, уголь на стекло менял? – удивился Орлов.

– А ему сам Максutow разрешил мену делать, на любые товары, включая мануфактуру, – кивнув, отозвался казак. – Из-за удаленности форта и трудностей по его снабжению всем необходимым. Сюда ведь только по воде что – то доставить можно, вот есаул и делал мены разнообразные. Ну, что, ваше благородие, идем в форт или осмотримся маненько?

– В самом – то деле, чего мы здесь мерзнем? – пожившись, поддержал инженер. – Идемте уже в форт!

– В форт говоришь? – переспросил Орлов. – В форт – это хорошо! Только Степанов прав, осмотреться нам надобно. Так – как не знаем мы, почему разъездов не повстречали и почему в сторожевой избе караулом никто не стоит. Понять нам надобно, кто сейчас в форте стоит – казачки наши с поселенцами, или мы уже здесь свое лицо русское потеряли и враг здесь табором встал! Правитель наш, капитан первого ранга Максutow, сотнику от Черемисова при мне приказ отдавал – врати в эти камни твердо, и держать караул прилежно. Вот мы и смекаем со Степановым, что же здесь могло произойти. Так ты говоришь, что корабли торговые, кои мимо форта шли, сюда за угольком заходили?

– Все верно, ваше благородие, – кивнув, проговорил казак. – Есть тут скрытный форватер, вот по нему народ торговый и подходил к берегу, для закупки угля значит. Сказывали даже, что есаул с некоторыми капитанами так подружился, что уголек им заранее готовил. Поговаривали, что здесь уголек Максutow планировал добывать, пристань поставить и здесь же продавать с пристани. А может, я к угольнику спущусь, да и гляну, есть там уголек, приготовленный с инструментом али нет?

– Погоди, погоди, – пробормотал Орлов, поморщившись. – И что нам это даст?

– Ну как же! Казачки, когда уголь – то резали, то инструмент в угольнике оставляли, что бы его каждый раз наверх с тачками не тягать! Если там все на месте лежит – то и в форт идти можно!

– Ну, что же мысль хорошая, – кивнув, пробормотал поручик. Задумчего раскуривая папиросу. – Глянь, конечно. Может мы и впрямь на молоке обожженные, теперь на воду дуть пытаемся.

Вскоре вернувшийся урядник доложил, что весь инструмент лежит на своем месте и, что даже приготовлен уголь для обмена и для зимовки в форте. Лишь после этого Орлов принял решение заходить в форт, все жилые и хозяйственные постройки которого, включая не большую церковь, были срублены в огромной расщелине напоминающей подкову, которая надежно защищала двор форта от холодных, пронизывающих ветров севера. Просторный внутренний двор длиною в две сотни шагов в ширину и около сотни в длину, хорошо простреливался из бойниц, а узкий вход во двор форта, в котором могло разехаться лишь двое всадников, позволял в случае необходимости держать оборону малыми силами, сколь угодно долго.

Осторожно ступая на предательски шелестевшую гальку, держа оружие наготове, они миновали не широкий проход и оказались во внутреннем дворе форта, напротив темных силуэтов жилых барачков, угрожающе глядевших на них темными глазницами бойниц. По бокам от

входа потрескивая, горели два сторожевых костра, позволявшие разглядеть защитникам всех входящих во двор, а также говоривших о том, что какая – то жизнь теплилась за этими потемневшими от времени стенами.

– Колокол на звоннице! – радостно, зашептал казак. С усердием крестясь при этом. – Здесь станичники!

– Рано радуешься, – так же тихо, отозвался Орлов. Держа винтовку наготове. – Зима почитай на дворе, а пилы не визжат как прежде, дрова никто не колет, да и песен под балалайку никто не поет. Нет... что – то здесь не так!

Осторожно ступая на гальку и озираясь по сторонам, они подошли к крыльцу жилого барака, срубленному из огромных вековых сосен.

– Что это? – выпалил инженер. Шарахнувшись в ужасе от двери.

– Не бойся, Иван Иванович, – усмехнувшись, прошептал казак. – Это всего лишь голова барана висит у входа.

– Зачем же ее сюда повесили? – с опаской глядя на череп, выдавил Неплюев.

– Оберег это, казачьего куреня, – тихо пояснил Орлов, – от злых духов он жилище защищает.

Внезапно сзади раздался, чей-то грубый окрик:

– Чьих будите, люди?

Резко обернувшись, гости увидели в свете костров, трех незнакомцев державших винтовки наперевес. По их овчинным полушубкам, лохматым казачьим шапкам, густым бородам, стало ясно – они вышли, наконец, к своим.

– Это же наши донцы! – воскликнул урядник радостно. Закидывая за спину винтовку.

– Я поручик Орлов, а это урядник Степанов и инженер Неплюев, мы из обоза полковника Калязина, идем в Ново – Архангельск. Мне нужен есаул Черемисов. Где я могу его увидеть?

Забросив за спины винтовки, казаки медленно подошли к гостям. Даже при тусклом свете костров были видны их изможденные, обветренные лица.

– Меня Иваном при рождении окрестили, – хрипло проговорил один из них, – за старшину я здесь. Этого Петром кличут, а это Ахат – морда татарская, приبلудился с какого – то парусника. Но мы с ним дружим крепко.

– Где есаул Черемисов? – вновь уточнил поручик.

– Идем, ваше благородие, – кивнув, проговорил Иван. Беря из бочки стоящей у входа, длинную палку с обмотанной на конце просмоленной паклей.

Запалив факел у костра, Иван повел гостей на тыльную сторону двора, где зайдя за баню, поднял над головой сильно чадающий факел и хрипло произнес:

– Вот и наш гарнизон, ваше благородие, все туточки как один упокоение нашли.

– Что случилось? – в отчаянии воскликнул Орлов. С ужасом глядя на аккуратные ряды камней с крестами.

– Из зимовки в этом годе тяжело выходили, – тихо проговорил Иван, снимая шапку. – Чахотка с цингой навалились, вот и не сдюжили братки наши православные, да придут с ними молитвы наши и молитвы наших святых отцов.

– Неужели ничего нельзя было сделать? – тихо прошептал Орлов. Сквозь стиснутые зубы.

Он мог ожидать чего угодно, но только не этого. Отправляясь в форт есаула, чтобы выслать подмогу полковнику Калязину, никто и предположить не мог, что „Око империи“ понесло такие чудовищные потери в живой силе и практически перестало существовать.

– А, что можно было сделать? – с досадой вымолвил Иван. – Ни лекарства, ни микстуры, ни бабки – шептухи с дурманом, да заговорами. Раньше – то хоть водка с чаями круто заваренными спасала, особенно в самое гадкое время – весной, а нынче и этого ничего не завезли.

– Почему? – глухо спросил поручик. Чувствуя, как у него все закипает внутри.

– Сказывали из-за заметного расстройтва в делах у купцов, да и в самом Ново – Архангельске.

– Выходит, что Максutow знал о вашем отчаянном положении и ничего не сделал, для его поправки?

– Пуцай, ваше благородие, люди иду, трапезничают, да отдыхают с дороги, а мы тут погутарим, о делах наших скорбных.

– Да, конечно! Идите, согрейтесь, да много не ешьте перед боем! Это самое поганое, когда на сытый желудок в кишки пуля прилетает. Чего же ты, Иван, не спрашиваешь, с кем биться собираемся? – тихо проговорил Орлов. Чувствуя, как все клокочет внутри, от какой – то безысходности.

– А чего спрашивать? – отозвался тот, пожав плечами. – И так все понятно. Знаем уже, что чугучи идут за вами, числом за сотню штыков, что табором они встали недалече – оно не впервой ведь уже.

– Откуда же вы все знаете, еже ли разведчиков конных не имеете? – пробормотал Орлов. Продолжая смотреть на скромные ряды могил.

– Не имеем – это правда, – поддакнув, согласился тот. – Но мы с аулетами в дружбе, они – то нас и снабжают известиями свежими.

– Тогда понятно. Доскажи про ваши беды, а уж потом обороной озадачимся.

– А, что рассказывать? Чем Максutow мог помочь? Отправил он по весне, свой бот последний с провиантом, а его из-за неисправности в руле о камни разбило, никто не спасся. Он пытался патом на паруснике небольшом провизию подкинуть.

– И, что?

– Так не успели на нем обедешную склянку "отбить", как его атаковали английские китобои, взяли на абордаж, а уж потом затопили.

– И после этого, наши корабли у вас не швартовались?

– Один раз с тех пор, от правителя нарочные депешу есаулу доставили и все. На веслах пришли, горемычные.

– И, что было в депеше? – подавлено, выдавил Орлов. Глядя на могильные холмики.

– Кто же его знает, что там было, – пожав плечами, отозвался Иван. – Есаул к тому времени уже совсем плох был, а у нас никто более ни читать, ни писать не умел. Да и, что там может быть нового? Что стоять должно твердо на кордоне! А как стоять, ежели жрать нечего? Микстур опять – же никаких от хворей здешних, на промысел далеко от форта уходить нельзя, мену угля осуществлять на товары и провиант можно только с теми, кто возле берега якорь бросает. А корабли – то не все нужную осанку имеют! Большие, которым угля много надобно, к берегу близко подойти не могут. Из-за глубин малых, да банок каменных.

– Как же вы жили все это время? – покачав головой, уточнил Орлов. С трудом сглотнув подступивший в горле комок.

– Да так и жили, – пожав плечами, отозвался казак. – Поначалу перестали разъезды высылать, потом внешние посты сняли, лошадок сменяли на порох, да на дичь, которую индейцы добывают и нас снабжают. Ну, а теперь только ворота форта и стережем по очереди и в достатке у нас только сало китовое, да рыба.

– Как же так..., как же так все неправильно развернулось? – скрипнув зубами, проговорил Орлов.

– Идем, ваше благородие, озяб ведь уже совсем. Чего здесь покойников караулить?

– Послушай, Иван, а нельзя ли оборону форта организовать с помощью воинов аулетских? Пока до вас шли, чудом от беды увернулись, а теперь нужно подумать, как форт отстоять.

– У аулетов с чугучами договор мирный, так что об этом забыть можно, – отозвался Иван, идя следом.

– Что же делать с подмогой для обоза полковника? Мы ведь им на соединение от вас должны были людей отправить... Видать не судьба. Как же нам оборону форта организовать для начала, давай подумаем?

– Может не решаться в приступ пойти?

– Может и не решились бы, – кивнув, пробормотал Орлов. – Только латинянин их ведет один, не знаю уж чего он им наобещал за наши головы. Одним словом, пойдут непременно.

– Тогда все понятно. Тогда нам их ошеломить как – то надобно.

– Правильно мыслишь, казак, – проговорил поручик, изучая двор форта. – Нам их нужно не только ошеломить, но и сразу нанести максимальный урон, уже в их первой атаке. Пони-маешь? Они же в первую атаку бросаются сломя голову, вот это нам и надобно использовать. Например, пороховой бомбой большой мощностью, а для этого нужен порох и шрапнель.

– Ну, с порохом мы нужды не знаем, – отозвался Иван, почесав затылок, – шрапнели, правда, не густо. Всего несколько ведер, а пороха, аж бочку имеем.

– Так, так, – озадаченно проговорил поручик, – это уже очень даже не плохо. – Вон там у вас бочки лежат?

– Точно так, – поддакнул казак, – из – под селедки. Мы их на растопку натаскали, с кромки прибрежной. Видать где – то корабль на скалы налетел, вот их и прибило.

– Слушай, старшина, что сделать надобно. Берем бочку поменьше, да снаряжаем ее поро-хом, а потом опускаем в бочку по – больше.

– А между стенками засыпаем шрапнель?

– Верно, смекаешь, казак, – улыбнувшись, проговорил Орлов. – Только не одной шрап-нелью, а шрапнелью с галькой! Шикарная у нас бомба получится, старшина.

– Спрячем ее посреди двора, а при надобности запалим с ружей винтовых!

– Только ее замаскировать хорошо надобно, чтобы шальная пуля ни угодила. Значит будем считать, что их первую атаку мы поломаем непременно. У нас еще динамит кусковой имеется, из него можно гранаты поделат.

– С фитилями быстрого прогорания? Ну что же – это можно изготовить! С ними драться до крайности можно длительное время.

– Правильно смекаешь, старшина и еще... Надобно несколько схронов сделать, куда можно динамит заложить, а при необходимости подорвать выстрелами.

– Артиллерию малого калибра тоже пристроим, не сумлевайтесь, – кивнув, проговорил казак. Задумчего оглаживая бороду. – Пойдем, ваше благородие, посмотрим, какое у нас еще вооружение имеется.

К удивлению и радости Орлова, за бараками в скальной пароде, был вырублен простор-ный подвал, который использовался и как пороховой погреб и как склад, где на сколоченных из досок столах лежало до сотни винтовок и ружей различных систем и калибров. На полу в дере-вянных ведрах хранились патроны тщательно отобранные по калибру, тут же стояли ящики с холодным оружием, от морских кортиков и шашек до острых индейских ножей с резными ручками из моржовой кости.

– Да твоему богатству цены просто нет, – прошептал поручик, проверяя оружие. – Откуда добра столько?

– Все через мену угля, ваше благородие, – усмехнувшись, отозвался Иван. – Делов – то! Это мы еще при есауле приобреталось, царствие ему небесное. Имелась у покойничка думка, что придет время и наш форт пополнят новыми поселенцами и солдатами, коим и пригодится сей арсенал. Шибко радел он за лицо империи нашей, вот и старался, как мог.

– Да, хороший был человек... Однако давай подумаем, на какой манер последующие атаки отбивать будем. Уж больно гарнизон наш числом мал!

– Думаете, что с таким остервенением, на приступ бросаться будут?

– Столько верст за нами тащились! Значит, есть повод и весьма серьезный, ну, а раз так – мы должны показать им, как русские люди биться могут до крайности.

– А чего тут думать? – проговорил Иван, пожав плечами. – Ежели за добавкой сунутся – то их можно будет и из пушки причесать. Это ведь не пороховая бомба, на нее шрапнели гораздо меньше пойдет.

– Что – о – о? Какая пушка? А ну показывай! – выпалил Орлов.

За воротами конюшни, действительно стояла самая настоящая короткоствольная мортира, ствол которой был направлен на каменный вход во двор форта.

– Откуда она здесь? – прошептал, ошеломленный поручик. Не веря своим глазам.

– Мы еще в прошлом годе ее приперли на руках. Почитай версты три надрывались.

– Где же вы ее взяли?

– Дозоры наши, что к реке Медной выставлялись раньше, самородки там иногда находили. Вот на них есаул и поменял пушку у китобоев американских, прямо с корабля и забрали.

– Как же вы ее на скалу – то подняли? – бормотал Орлов. Внимательно изучая состояние орудия.

– С борта спустили на лодку, а уже на берегу привязали вожжами к тонкомеру, так до форта и тащили по камням, – проговорил старшина, пожав плечами.

– Понятно! А стреляли с нее?

– Так нужды – то не было порох жечь, вот как при есауле установили, так и стоит.

Подойдя к воротам конюшни, поручик резко распахнул их и внимательно присмотрелся к возможной траектории полета заряда. Прикинув в уме зону поражения, он вновь закрыл ворота и, вернувшись к орудию уточнил:

– Есаул обучил, как с ней управляться?

– Сказывал, конечно..., только, как наводить после отката мы уже, и не помним, – признался казак. – Да и счетной мудрости мы не обучены. А зарядить – зарядим, как заправские бомбардиры, можете не сумлеваться.

– Зато у меня, пушкарская школа за плечами – значит, повоюем крепко! – бормотал Орлов. С любовью глядя холодный ствол. – Да и в южной части Севастополя на Малаховом кургане, в дуэлях пушкарем участвовать доводилось. Давай зарядим ее усиленным зарядом под шрапнель, а насчет установки – это вы умно ее поставили и маскировка, что надо. То, что она за воротами стоит и в голову никому не придет! Теперь – то знаю, что любого супостата тут одолеем. Главное, чтобы нехристи нас в приготовлениях не упредили.

– С этим конфуза не будет, – деловито, проговорил казак. Помогая заряжать мортиру. – Человек нам верный из аулетов, сигнал подаст с ружья, ежели индейцы в движение придут, или разведчиков своих к нам вышлют.

– А не подведет ваш человек?

– Он давно нами прикормлен и не подводил ни разу, – проговорил Иван уверенно. – Тяжко слыхивал, под Севастополем было?

– Да, братец! Тогда нас сотни орудий неприятельских бомбардировали, ну, а после Севастополя меня на Кавказ перевели, где с турками пришлось биться.

– А ствол – то сдюжит, под двойной заряд?

– Сдюжит, братец, сдюжит, – шептал Орлов. Тщательно отмеряя меркой шрапнель. – Ствол чугунный не бронзовый, она хоть и старенькая, но терпеливая, да и баллистика у нее отменная.

– Есаул, покойничек в свое время то же самое говаривал, верил в нее. Он даже скальный грунт под хоботковой частью приказал выдолбить, говорил, что после первого выстрела, можно будет сразу заряжать и стрелять без прицеливания.

– Все верно Черемисов сказывал, – проговорил поручик. Пытаясь дыханием согреть руки. – Потому что возвысится угол ствола после выстрела, что позволит стрелять при необхо-

димости навесом, за стену форта. Мы эту мудрость проходили под командой инженера Тотлебена, из штаба Корнилова. Это он светлая голова, наши батареи под Севастополем расставлял, да поучал как вести огонь настильным путем, да еще на малых углах к горизонту.

– Ну, держитесь теперь нехристи! – с радостью, воскликнул Иван. – Не было еще такого рубежа, что бы Ванька – оторви ухо, сдал!

– Какой Ванька? – не понял Орлов. Пытаясь унять пробивавшую тело дрожь.

– Так это же меня так в округе кличут! – засмеявшись, пояснил деловито старшина.

Выходя следом за офицером.

Только сейчас поручик заметил, что у казака вместо левого уха торчит короткий огрызок.

– Годка два назад это было, – объяснил Иван, давась от смеха. – Встретили мы в разъезде сынка вождя одного местного из аулетов с дружками.

– И что?

– Ну, заспорили мы с ним, значит. Он горячий воин, хватается за свой дротик, а я за кинжал в ответ! Казачки нас сразу в круг взяли, чтобы все по – честному было, ну и давай мы с ним до первой крови биться! Я ему тогда лицо рассек, а он мне ухо отхватил, так я на Ивана Купалы – Ванькой – оторви ухо и стал.

– И сейчас встречаясь когда, за ножи, хватаетесь? – спросил Орлов. Покачав головой.

– Нет, сейчас у нас отношения почтеннейшие, я бы даже сказал дружеские. Его после этого, разбойники разных держав заморских, супротив нас подбивали. Да только пустые для них хлопоты были.

– Скажи, Иван, а почему есаул не озадачился заготовкой мяса и рыбы впрок? Понятно же было, что у правителя с флотом конфуз произошел, и оказии никакой не было! Я понимаю еще, что с хлебом и картошкой здесь беда, но ведь этого добра здесь хватает.

– Верно все гутаришь, ваше благородие, – со вздохом отозвался старшина, – с хлебушком и картошечкой здесь зело тяжко. А дичи с рыбой хватает. Только ведь для заготовок впрок соль нужна, а ее всем купцам выгодно в Калифорнию на бойни тамошние продавать. Да и приказ наш сотник от правителя привозил, аж из самого Петербурга!

– Что за приказ?

– Ну, чтобы значит, стычкам с индейцами не способствовать, то и запретить, мол надобно от прибойной линии уходить далече. А как на камнях, да среди леса ветрами поваленного зверье промышлять? Да и нет его у прибойной полосы!

* * *

Уже глубокой ночью, все приготовления к обороне были закончены. И хотя каждый элемент обороны был не идеален по отдельности, но все элементы вместе позволяли защитникам противостоять значительному превосходству противника в живой силе. Позволяли ошеломить нападавших и причинить им наибольший урон. Помимо бомбы огромной мощности, установленной в середине двора, схронов для динамита, мортиры заряженной усиленным зарядом, Орлов приказал перенести все ружья и винтовки с револьверами из порохового погреба в жилой барак к бойницам. Что позволяло бы защитникам вести беглый, кинжальный огонь, не тратя время на перезарядку.

Система бойниц в бараках позволяла простреливать весь двор форта и самое главное, держать под прицелом узкий скальный проход. Не опасаясь при этом за фланги и тыл, которые были надежно прикрыты отвесными стенами кратера, которые к тому же с внешней стороны были почти полностью залесены еловым лесом. Уставшие и замерзшие люди смогли, наконец, вернуться в барак, бревенчатые стены которого были буквально пропитаны запахом махорки, жареного сала и потом портянок. И хотя в этом прямоугольном помещении, разделенном на две

части было минимум благ цивилизации, здесь было главное – здесь было тепло, здесь теплилась жизнь.

Распределив обязанности и объяснив стратегию по защите форта, Орлов назначил время дежурства каждому, приказав всем свободным от караула отдыхать. Сам же, налив себе очередную порцию горячего чая, сел к раскаленной печки. Медленно цедя зеленый китайский чай с закрытыми глазами, он напряженно думал обовсем, что произошло с ними за последние дни. А подумать было о чем. Ведь они шли в этот форт за помощью, а нашли здесь опустевшие казармы, при этом было не понятно, чем всетаки закончится противостояние с индейцами, которые значительно превосходили защитников по численности. Было не понятно, как и на чем добираться до Ново – Архангельска. Ход последних событий вообще ставил под сомнение успех их предприятия с инженером. А это означало только одно – результаты их секретной экспедиции, рискуют никогда не попасть на берега Невы. На фоне этих перспектив, сбежавший монах с конокрадом, которых нужно было заключить в острог для снятия допросных речей, выглядели сущей мелочью.

Теперь они с инженером сами отчаянно нуждались в помощи.

– О чем задумался, – ваше благородие? – грузно садясь напротив, спросил урядник. – Не спиться?

– Да сию и думаю, что предпринять надобно, – сонным голосом, отозвался Орлов. – Сию и пью чай, из стакана в серебряном подстаканнике, без сахара, но под жаренную, несоленую рыбу. А где – то идет по берегу Славянки наш обоз, с нашими боевыми товарищами, которые считают дни до встречи с казаками Черемисова и неведомо им, что не будет никакой подмоги и что самих нас заперли тут, как курей в птичнике.

– Не рви себе сердце, ваше благородие, – покачав головой, пробормотал казак. Сокрушенно вздохнув при этом. – На все воля божья. Тебе тридцать три годка всего, а головушка уже седая, глаза цвета хоть и голубого, да потухшие как у старика. Навоевался и натерпелся, уже значит выше края. Кто же знать мог, что беда тут такая приключилась? Ведь и предположить невозможно было! Да, дела... а какие тут службы раньше в храме служили! Петруха вон давеча сказывал, что даже батюшка Гавриил голову сложил тут по лету.

– В бою или хворь приключилась? – сонно, уточнил Орлов.

– Его браконьеры иноземные, через индейцев в лес заманили, яко бы на свадьбу, а по дороге напали на него и голову отрезали. Эх, мы как войско Ермака Тимофеевича, коих татары в Кашлыке без запасов еды заперли.

– Тяжко им тогда пришлось, – кивнув, буркнул поручик, – мы хоть как они собак еще не едим.

– Вот, вот! Как им тяжело было, а они духом не пали. Хотя у них тогда аж три сотни стрельцов московских с воеводою померли от истощения. – Дерзостью он тогда ту осаду прорвал, – проговорил старшина. Подходя к бойнице, через которую можно было наблюдать за всем двором.

Орлов, конечно – же, знал эту историю про отважного атамана, которому нужна была провизия, а подмога от царя запаздывала. Он сам рассказывал ее не единожды на редутах осажденного Севастополя, в перерывах между боями и позже, уже после ранения служа на Кавказе. Но он всегда поддерживал эти разговоры, которые помогали на примерах героических предков, поднимать и приумножать дух русских солдат.

– Тогда ведь Ермак отобрал самых отчаянных и пошел на стругах по Иртышу, – продолжал Степанов. Найдя в лице старшины, нового собеседника. – Сумел даже победить в двух открытых сражениях, очищая путь от татар для караванов.

– Жалко, что не усмотрели казачки нехристей Кучумовских, – буркнул Иван, – которые по берегам крались.

– Вот и я говорю, что прямо как у нас, – подхватил урядник, – только мы смогли обнаружить врага вовремя. Да встречу им задушевную организовать. Хотел бы я в глаза этому Ламберту посмотреть! А как ведь убогим притворялся – сучье вымя!

– А, что тебя так удивляет? – сквозь сон, проговорил Неплюев. – Ламберт этот типичный поддонок, своей погрязшей в алчности курии. Им же мало денег, они еще и стремятся к духовному порабощению людей! Для него – это война, вот и все, а на войне и подлость за подвиг сойти может. Зачем только терпим всю эту шайку на землях империи?

– Не богохульствуй, Иван Иванович, – тряхнув головой, пробормотал поручик. – Империя у нас большая, значит, должно нам быть веротерпимыми.

– Как же тут быть веротерпимыми, Константин Петрович? – отозвался инженер. – Правда жизни в том и состоит, что большинство народа не только у нас, но и во всем мире ненавидят клиров, епископов, прочих попов и церковников, а особенно богатых. Это и у нас в империи и в державах заглавных присутствует! О какой веротерпимости говорить можно?

– Зря ты так, инженер, – покачав головой, буркнул старшина. – Офицер правильно говорит, что терпимее быть надобно. Все у нас в империи тогда сладится! Вот нас, к примеру, возьми с Петрухой – оба православные. А Ахат с нами живет – морда – татарская, исламу своему поклоняется, и ничего живем дружно.

– Давно на службе государевой вы тут? – спросил Орлов. Прижавшись спиной к горячей печи.

– Так почитай с начала войны, будь она не ладная, – отозвался тот, дымя самокруткой. – Как начались рекрутские наборы в армию, как стали изымать скот, фураж, да еще и повинности стали расти, разоряя крестьян, так и подались изначально в резервную флотилию. Так мы и оказались в морском ополчении, а потом уже и сюда занесло. Да мы и не жалеем!

– Не жалеете? – переспросил Степанов.

– А чего жалеть – то? – пробурчал Иван. – Мы же после войны, должны были согласно грамоте к своему помещику вернуться, а вскоре молва разнеслась, что мол государь – надежда призывает всех охотников на военную службу. Семья, мол, оных освобождается навсегда, не только от крепостного состояния, но и от платежа повинностей. Вот и решили мы с Петрухой судьбу свою испытать, а тут опять – же манифест вышел о наборе ратников.

Слушая сквозь сон рассказ старшины, Орлов вспомнил, как по окончании войны летом, крестьяне южных губерний устремились в Крым. Тогда по слухам, которые поползли по всей империи, вышел царский указ. Освобождающий от крепостного права и дороги в южных губерниях запрудили толпы крестьян. В некоторых губерниях крестьяне целыми деревнями отказывались выходить на барщину, или платить оброк с государственной повинностью. Орлов хорошо помнил, как в ужасе помещики этих деревень умоляли прислать в свои имения военных...

* * *

– Здесь все равно хорошо, – донесли до поручика, слова старшины. – Хоть и места здесь дикие, и холодновато конечно, и лето короткое, а все одно привыкли уже. Мы иногда смеялись с есаулом, царствие ему небесное, что живем как койоты, приспособливаясь к любым условиям.

– В каком смысле? – растирая глаза, спросил поручик.

– Ну как же! Койот животное смекалистое, я бы даже сказал очень умное животное, которое запросто приспособливается к любым условиям. Выходит, что как и мы! У аулетов он весьма часто встречается в роли бога ихнего.

– Да, я что – то слышал про это, – зажмурившись, пробормотал Орлов. – Бога плута или проказника, какого – то.

– А оно так и есть ведь, если разобраться! Он ведь всю свою жизнь озорничает – это я из своих наблюдений знаю...

– Надо было три сосны, что у входа растут срубить, – сонно, проговорил Орлов.

– Зачем? – не понял старшина. Не ожидавший такого резкого перехода на другую тему.

– У нас тогда бы сектор обстрела для пушки увеличился, градусов на тридцать, – пробормотал, сонно поручик.

– Извиняйте, ваше благородие, – спохватился Иван, – вы все про серьезные вещи думаете, а я с глупостями пристаю. Надо – значит спилим! А дозволейте вопрос серьезный задать?

– Давай, старшина, задавай свой вопрос серьезный, – кивнув, пробормотал Орлов. Сидя с закрытыми глазами.

– Может ли господин, офицер, перед правителем нашим Максutowым, за нас с Петрухой и Ахатом, словечко замолвить? Так сказать рекомендацию дать, что ли, ну если в живых конечно останемся.

– И про что конкретно рекомендация требуется?

– Есть у нас с мужиками задумка – капиталистскими крестьянами хотим стать! Жизнь значит свою с другого бока спытать! Уж больно по душе пришлось нам туточки! И сапоги дорожные носим и рубахи с портками не самотканые, а мануфактурные. А то в Родине земляки наши, окромя лаптей да косовороток домашней выделки, ничего же не видят. Тут опять же царь-надежа крепостную повинность убрал, а через это выходит, что крестьянин свободной людиной стал! – с жаром выдохнул Иван. – Верно, мы тут себе смекаем?

– Все верно, братец вы смекаете, – со вздохом, проговорил Орлов. – Только крестьяне-то не получили землю в собственность. Землицу они теперь получают за выкуп, на особых условиях.

– Так – то оно так – это в Родине, дележка землицы идет! А у нас с мужиками думка имеется, туточки дело работное поставить! А дома – то хай себе землицу, покупают аль продают. Чего нам дома промеж соседей толкаться? Здесь – то землицы не меряно! Черт кочергой мерил, мерил – да так и не перемерил. Для этого дела и нужна рекомендация!

– Концессию хотите взять, на постройку тут железной дороги? – устало улыбнувшись, спросил поручик.

– Зачем дорогу? – замахав руками, выпалил старшина. – На добычу угля! Есаул – покойничек сказывал, что кредит теперечи можно получить не только деньгами, но и товаром.

– Например, углем?

– А хоть бы и так! Ведь оно как не крути, а он нас одевает и обувает! А получим дозволение и приловчимся – так он нас и кормить сытно будет. Его же здесь тьма – тьмушая, ломай только не ленись и шахтенки рыть не надобно. Ну, а будет дозволение на концессию, так мы здесь и пристань сработаем! Пароходов – то все больше становиться, можно подсуетиться.

– Хорошо, старшина, – отозвался Орлов. – Расскажу капитану первого ранга Максutowу, про вас и вашу затею. Расскажу, как вы здесь свой долг прилежно выполняли, до самой крайности.

– А ты чего, Степанов, молчишь? – усмехнувшись, спросил инженер. – Не желаешь к дружескому кругу присоединиться?

– Нет, Иван Иванович, – отозвался тот задумчиво. – На Дону я вырос, туда и вернусь, после всех приключений нашенских. Да и не было у нас в роду копателей угля! Копатели степных колодцев были, через то и уважением пользовались у станичников, из-за труда тяжелого и опасного.

– Неуж-то, копать колодцы – это тяжесть невероятная? – буркнул, сквозь сон инженер.

– Да, колодец отрыть – это же целое дело! – воскликнул Степанов. Вскакивая с деревянного топчана. – Копающие ни к вину, ни к деньгам не прикасаются во время работы! Опять

же "Псалтырь" читать надобно непременно! Это ведь здесь кругом реки да озера, с родниками чистоты невероятной, а у нас в степи вода – это святое.

* * *

Уже ближе к утру, когда сон сморил всех защитников форта, оборвав все разговоры, старшина, стоявший в карауле, разбудил Орлова.

– Все, ваше благородие, выстрел был – это сигнал! Видать гости к нам двинули!

– Все к бою! – крикнул поручик, вскакивая с лавки. – Еще раз напоминаю, что нам надобно дать им возможность, втянуться наибольшими силами во двор! Только после этого по моей команде, мы залпом должны зажечь пороховую бомбу! Не забывайте, что мы находимся в каменном мешке, а посему взрыв будет сильным до крайности! Чтобы нам не оглохнуть, перед залпом по mine, всем надобно открыть рот. Огонь по неприятелю ведем кинжальный, патронов не жалеем, рядом с каждым должно находиться холодное оружие и каждый должен быть готов броситься в рукопашную при надобности.

– Будет много пораненных после взрыва, – проговорил Степанов. Деловито проверяя винтовки. – Сними – то, что будем делать?

– Живы останемся – добьем всех! – скрипнув зубами, крикнул Орлов. – Мы не конвойная рота! У нас нет провианта кормить их, у нас нет перевязочных материалов и лекарств для оказания помощи. Отпустить мы их тоже не можем, потому как их подлечат соплеменники, снова вооружат и отправят мстить нашим поселенцам. Мы их сюда с оружием не звали!

– Все справедливо, ваше благородие, – поддержал Петруха. – Мороз и потеря крови, отправят их раненных к своим богам. Прикончить всех надобно кто двигается, а то очухаются, да в спину палить начнут, или еще какое злодейство учинят. Знаем мы их натуру подлую и коварную!

– Верно, говоришь, старшина! Не забудьте по моей команде, занять место с Петрухой при орудии! Все! Гасим свет!

Задув все свечи, сделанные из китового жира, защитники форта стали в полной тишине ждать появления неприятеля, глядя, как в сумерках утра тихо падает первый снег. Каждый из них с волнением и тревогой ждал кровавой развязки, понимая, что силы слишком не равны. Не прошло и полчаса, как блики от пламени смотровых костров, выхватили из темноты несколько крадущихся теней у входа.

– Ползунов пустили, гады, – выдавил сквозь зубы старшина.

– Ну, этих – то наглецов мы быстро умоем, – отозвался Орлов. – А ну-ка, братцы, один залп по разведчикам то-о-овсь! Пли!

Дружный залп разорвал утреннюю тишину, спрятав на мгновение за клубами сторевшего пороха результаты стрельбы. Но уже в следующее мгновение, защитники увидели, как упал один из ползунов, и как остальные индейцы, не произведя ни одного выстрела метнулись обратно.

– Аминь, – проговорил Петруха, перекрестившись.

– Мудрит, что – то Ламберт, – покачав головой, буркнул Степанов. – По науке, что ли воевать собирается? Интересно на какой манер, они на приступ пойдут.

– Константин Петрович, – с ужасом, проговорил Неплюев, – там разведчик их шевелится.

– Раненный он, – отозвался Орлов, всматриваясь в темноту. – А это, что еще за явление?

В мерцающем свете костров, во двор форта неторопливо въезжал всадник, держа в поднятой руке кусок белой ткани.

– Ух, ты! – воскликнул Степанов. – Вы только посмотрите, как нас зауважали! Аж, целого парламентаря прислали.

– Да – это же сам Ламберт, собственной персоной! – выпалил Неплюев.

– Я его прямо сейчас в голову застрелю! – прорычал Степанов.

– Отставить, урядник, – буркнул Орлов, – это же парламентар. Послушаем, чего он хочет.

Всадник тем временем, не спеша, преодолев каменную арку, направился, медленно покачиваясь в седле к одному из костров.

– Не стреляйте! – крикнул монах. – У меня нет оружия, я хочу просто поговорить!

– Я смотрю, к тебе дар речи вернулся? – крикнул поручик, закуривая папиросу. – О чем ты хочешь поговорить?

– Я не хочу проливать кровь, – отозвался тот, останавливая коня. – Выдайте нам инженера с Сулимой и мы уйдем. Обещаю, что ни один туземец не пересечет ворота вашего форта!

– Так это ты им нужен, Иван Иванович, – с удивлением, проговорил Орлов. Глядя на испуганное лицо инженера. – Выходит, что это они из-за твоей персоны, столько верст отмахали?

– Не выдавайте меня! – с жаром, зашептал тот.

– Успокойся геология, – усмехнувшись, буркнул старшина. – Никто тебя выдавать не собирается. Мы же туточки все русские, все братья крестовые.

Тем временем парламентар спрыгнул с коня, стряхнул с чурки снег и сел к костру, грея руки.

– Зря теряешь время, Ламберт! – крикнул Степанов. – У нас туточки как на Дону – выдачи нет!

– Пускай выйдет господин офицер! Нам есть, что обсудить! Мы знаем, что весь ваш гарнизон, призвал к себе Господь! Вам не удержать форт такими силами!

– Похоже мы все у них посчитаны, – поморщившись, проговорил Орлов. – Хорошо, пойду, покалякаю с господином монахом.

– Константин Петрович..., – начал, было, инженер, дрожащим голосом.

– Успокойся ты, Иван Иванович, – поправляя фуражку, проговорил поручик. – Никто тебя выдавать не собирается. Всем внимательно следить за входом в форт! Вполне допускаю, что через разговор этот они злодейство, какое-то умышляют. Ну, а если это так и случится, то всем действовать твердо и по плану! Тебе, Степанов, приказываю тогда командование принять, а я уже по обстоятельствам буду сам к бараку пробиваться.

Тем временем, монах продолжал сидеть с безразличным видом, наблюдал за снопами искр, выбиваемых пламенем в черное небо, жуя при этом табак.

– Неплохо говоришь для глухонемого, – проговорил Орлов, садясь напротив. – Зачем весь этот маскарад, Ламберт, или как там тебя?

– Отдайте инженера с образцами, Сулиму и мы просто уйдем, – вместо ответа проговорил тот. Продолжая жевать табак с отрешенным видом.

– Не дерзи, Ламберт, – с угрозой в голосе, проговорил поручик. Презрительно глядя на парламентаря. – Инженер, подданный Российской империи, на землях которой ты находишься, милейший.

– Эти земли, никогда больше не будут вашими, впрочем – это было давно понятно! Вам больше никогда не укрепиться в Северной Америке, – с ненавистью, проговорил гость. – Это уже не ваша земля.

– Погоди, монах, – проговорил Орлов. – А чьи же тогда эти земли?

– Эти земли, наверное уже принадлежат американцам! Поэтому я и предлагаю выдать инженера, пропажу которого на берегах Невы даже не заметят, а вы взамен останетесь здесь, сохранив своих людей! Соглашайтесь, черт вас подери!

– Чудные вещи ты говоришь, монах, – усмехнувшись, проговорил Орлов. – Думаешь, что твоя ложь будет производить до бесконечности впечатление?

– Значит господин, офицер, ничего не знает? – криво усмехнувшись, выдавил Ламберт.

– Может, растолкуешь, чего это я не знаю?

– Ваша империя продала эти земли американцам! Но думаю, что очень скоро, над этими землями взметнется флаг моей империи!

– Я не верю тебе! – отозвался Орлов. Морщась от табачного дыма. – И какой же флаг тут будет реять?

– Флаг моей империи! Империи, над колониями которой никогда не садиться солнце, по всему миру!

– Так вот оно что! – воскликнул Орлов, играя желваками. – Я считал, что латинянин Ламберт принадлежит к ляхам, а в действительности он служит английской короне.

* * *

Поручику многократно приходилось слышать этот лозунг, который для англичан был более чем лозунг – эта фраза являлась символом и источником гордости всех англичан. Она наполняла их души превосходством над другими государствами и народами – ведь владения английской короны действительно находились во всех частях света. И англичане не останавливались на достигнутом, продолжая захватывать все новые территории, расширяя, таким образом территорию для торговли. Орлов знал и о существовании другого лозунга, который уже существовал в те времена – это "русская угроза" Индии, которую англичане считали своей жемчужиной.

– Да, я капитан ее Величества, Артур Каноли, а не святой отец. Маскарад закончен господин, Орлов, я жду ответа.

– Ну, здесь нет, Сулимы, он сбежал по дороге сюда и странно, что вы с ним до сих пор не встретились. Где он находится сейчас мне неизвестно, да и не интересно! А что инженера касается, так я уже сказал, что он подданный Российской империи и выдачи не подлежит.

– Империи? – засмеялся капитан. – Мои граждане знают, что такое метро, а ваши только узнали – что жить можно без крепостного права.

– Это потому что моя Россия, является крупнейшей страной в мире, большая часть территории которой не освоена, но уверяю вас – это временно! – с ожесточением выпалил Орлов.

– Ваша самая большая страна в мире, не внесла в отличие от моей, никакого вклада в развитие человечества! – выкрикнул Артур. – Ваша гнивающая империя, уж простите за прямоту, обречена, как и Византия, православие которой вы переняли. С каждым годом ваша империя будет все дальше отдаляться, от широкой столбовой дороги, идущей из Вечного города.

– Уж не Рима ли?

– Да Рима! Хотя и не скрою, что не все мои соотечественники согласны с этим.

– У нас на сей счет есть свои мысли!

– Не смешите меня, господин Орлов!

– Чем это я интересно так рассмешил? – выдавил поручик, сквозь зубы.

– Для вашей православной империи, император – это божий помазанник. Так сказать зеркало русской души и святости.

– Но, но! – перебил Орлов. – Знаю я все ваши мысли наперед, только не вам судить и оценивать духовность или святость нашего императора! И вообще, что – то я не пойму, к чему это вы клоните.

– Ну, – это же просто, – усмехнувшись, проговорил англичанин. – Вы православные, а особенно русские, сентиментальны, через это и упорствуете, например, в выдачи какого – то инженера. Про которого уже наверняка никто и не вспомнит в вашей империи. Вы готовы подвергнуть разорению форт, из-за его персоны, погубить оставшихся людей и все это ради каких-то высоких идеалов, или ревностного служения своему императору. Репутация, которого в Европе далеко не безупречная и он такой же грешный человек, как и мы с вами.

– Я не собираюсь обсуждать с вами европейские сплетни! А, что касемо инженера – так вы не в Персии, где жизнь человеческая не стоит и ломаного гроша. Вам тяжело меня понять, потому что для вас человеческая жизнь ничего не стоит. Потому что вы лишили независимости многие народы, частенько заливая кровью их земли. Только не думайте, что те же ирландцы простят вас когда-нибудь за свои унижения! Вы завоевываете новые рынки для своей шерсти или говядины, проливая кровь людей и вам наплевать, где она льется, в Турции, Индии или России. Именно поэтому вам, никогда и не понять, почему один русский не выдает другого русского, даже под угрозой смерти или разорения. Моя империя – это стомиллионный медведь! Разгромивший армию самого Наполеона! Вот вам мой ответ, Ламберт. Честь имею!

С этими словами Орлов резко встал и, отдав честь, направился к бараку, едва сдерживая кипевшую внутри ярость. Ярость, которая кипела и накапливалась еще с Крымской компании.

– Вам все равно придется выдать вашего инженера! – закричал, в бешенстве англичанин. Резко вскакивая при этом. – Я знаю, что почти весь ваш гарнизон вымер! С Ванькой, у которого оторвано ухо, оборону держать будите? Или с урядником в штыковую атаку двинете? У меня у ворот вашего форта, ждут приказа полторы сотни обозленных туземцев, готовых разорвать вас на куски, а форт сжечь дотла!

– Тебе уже дали наш ответ – у нас как на Дону, выдачи нет! – крикнул поручик уходя. – И не попадайся мне в бою! Мы тоже обозлены до крайности и пленных брать не будем! Можешь так и передать своим аборигенам!

– Они рвутся в бой, и они не собираются сдаваться! – закричал в след англичанин. С перекошенным от ярости лицом. – Я сказал им, что это именно вы принесли на землю их предков оспу!

– Ах ты, иуда! – воскликнул Орлов, остановившись. – А ты не боишься, мистер, что я не посмотрю на твой статус парламентаря, да наколочу тебе морду до безобразия?

– Ну, что вы, господин офицер, – недобро отозвался тот, вскакивая в седло, – вы же целый поручик. А ругаетесь как биндюжник! Мы первой же атакой сметем вашу оборону, только тогда не ждите пощады!

Орлов медленно повернулся и, глядя на танцующего под англичанином коня усмехнувшись, крикнул:

– Знаешь, Ламберт, мы хоть и одного примерно возраста, но я тебе дам один бесплатный совет. Наполеоном быть хорошо, а вот быть битым Наполеоном – это неразумно! Думаешь, я боюсь твоих угроз? Я боевой русский офицер, многократно ходивший в поиск за неприятельские линии! Так что пошел вон отсюда!

– У вас один час, чтобы выдать инженера! – закричал парламентар. С перекошенным от ярости лицом. – Сейчас я прикажу выдать туземцам по две порции водки, и они раскатают по бревнышку, ваш чертов форт!

* * *

Зайдя в барак, Орлов неспешно стряхнул с полушубка снег и лишь, потом, посмотрев, на защитников произнес:

– Наш монах оказался глупым англичанином, который считает, что русских людей можно принудить к капитуляции и продажности. А посему мы должны будем, огорчить его до невозможности.

– Надо было застрелить его в голову, – пробурчал Степанов.

– Ладно, мы не гордые. Подождем, пока он в атаку кинется, со всей своей шайкой, – махнув рукой, отозвался поручик.

– А может еще и обойдется все? – тихо, предположил инженер.

– Нет, Иван Иванович, этот кинется на приступ, – прошептал офицер. Садясь у одной из бойниц. – Он пока со мной говорил, чуть зубы свои не съел от злости. Теперь только ждать остается, час примерно времени у нас.

– И чего они к инженеру прицепились? – проговорил старшина, дымя самокруткой.

– Смекнули они, что мы в районе Клондайка, скрытые изыскания вели, на минералы разные, – отозвался Неплюев, сидя у печи. – Вот и прибились к обозу нашему, чтобы результаты выведать, или образцами завладеть.

* * *

Рассеяно слушая задушевный рассказ Неплюева, обо всех злоключениях, происходивших за время их странствий, Орлов напряженно думал об услышанном от англичанина. Конечно же, он не поверил врагу, не поверил очередной лжи, о продаже Аляски американцам. Подлость, на которую шли англичане частенько, не была для него новостью, а вот весть о коварстве русских, которые заражали индейские племена, высказанную англичанином, могла действительно озлобить туземцев и представляла серьезную опасность. Это могло объединить самые разные племена перед страшной угрозой, толкнуть их на нападения не только на простых промысловиков, но и заготовительные участки и даже форты. Что конечно же, могло серьезно осложнить положение не только заготовителей, но и колонистов, живущих за стенами частоколов. Это могло вызвать эффект домино, когда падающая костяшка понуждает к падению другие. Для этого было достаточно, чтобы один из шаманов, ударив в бубен, объявил русских врагами. И тогда, земля могла загореться под ногами поселенцев. Орлов понимал, что из-за своего шаткого положения в Индии, где англичане держались исключительно на силе оружия, они и дальше будут умышлять различные конфузы и злодейства, против России. Опасаясь продвижения русских войск в сторону Индии, что могло вызвать волну восстаний, которые могли бы перекинуться на берега самой метрополии. Англичане хорошо помнили Синапские восстания, из-за которых едва не была потеряна их самая большая колония – Индия. Конечно же, были и другие причины подлости и коварства англичан, корни которых уходили как в далекое прошлое, так и в суровое настоящее.

Медленно тянувшееся время, наконец, разорвал монотонный бой барабана, который мог означать только одно – штурм начался. Едва успели защитники занять свои позиции у бойниц, как сонную тишину утра разорвали гортанные крики и улюлюканья, а во двор форта, словно талая вода при наводнении, хлынула людская масса. Бросок нападавших, с разукрашенными боевой раскраской лицами, был столь стремительным, что уже через несколько мгновений, защитникам форта стало невозможным вести прицельный огонь. Ни по пороховой бомбе, ни по схронам, куда был заложен динамит. Эти цели просто растворились в людской массе индейцев, бросившихся на бревенчатые стены форта, с перекошенными от ярости лицами. А еще через несколько секунд, помещение барака заполнилось пороховым дымом, из-за яростного огня, который вели защитники по нападавшим практически не целясь.

– Огонь! Огонь! – хрипел Орлов. Стреляя из двух револьверов сразу.

Сдерживать отчаянный порыв напавших, позволяло лишь то, что защитников надежно укрывали бревенчатые стены с бойницами, которые размещались выше человеческого роста. И которые позволяли вести огонь по нападавшим, не опасаясь, что те, подбежав, откроют ответный огонь. Бревенчатые двери с металлическими засовами, заходившие ходунгом под градом ударов, так же надежно блокировали попадание нападавших внутрь.

Внезапно все вокруг утонуло в страшном грохоте и огромной яркой вспышке, яростно вращающаяся волна серого, с кислым запахом сгоревшего пороха дыма, мгновенно накрыла весь двор. И уже в следующую секунду, в небо над фортом, поднялось невероятных размеров грибовидное облако. Так стремительно начавшаяся атака, мгновенно оборвалась, утонув в

страшном стоне раненых и контуженных. Ударная волна возникшая при взрыве бомбы, сбила с ног и оглушила не только наподдавших индейцев, но и защитников форта, которые были отброшены от бойниц к противоположной стене барака.

Очнувшись на полу, Орлов долго тряс головой, пытаясь придти в чувство. Затем с трудом поднялся по бревенчатой стене. Качаясь словно пьяный, сдавливая руками уши, он доковылял до бойницы. И какое – то время стоял, шатаясь и ничего не понимая, с жадностью хватая ртом чистый воздух. Которого небыло в бараке из-за порохового тумана, все еще висевшего в помещении. Словно рыба оказавшаяся на берегу, он судорожно глотал воздух, треся головой, морщился, сдавливая руками уши, пытаясь избавиться от звона.

Картина внутреннего двора, еще недавно припорошенная первым снегом, изменилась, словно по взмаху волшебной палочки до неузнаваемости. И хотя утренний рассвет еще не позволял разглядеть все детали, Орлову было понятно, что первый элемент обороны – пороховая бомба, сделала свое коварное дело. Весь двор был завален телами убитых и искалеченных, оторванными руками и ногами, бесформенными кусками человеческой плоти и внутренних органов. Все это кровавое месиво еще шевелилось и билось в агонии, парило, источая жуткий запах внутренностей – запах смерти. Весь выпавший снег стал алым от крови, брызги которой покрыли и все бревенчатые стены строений.

Подобрав опаленную вспышкой фуражку, Орлов приказал всем занять свои места у бойниц. С тем, чтобы довершить начатое – добить всех раненых и контуженных индейцев, пока те не пришли в себя и не стали оказывать сопротивление.

В то время на конференции в Женеве, еще только обсуждались общие принципы, дающие шанс военнопленным и раненым воинам, рассчитывать на гуманное отношение к себе. Еще не собиралась в Париже первая международная конференция Общества Красного Креста, получившая позже название Международного комитета Красного Креста. Поэтому, приказ отданный Орловым – расстрелять раненных, не вызвал у защитников и тени смятения. Хладнокровно добив искалеченных и обожженных взрывом нападавших, защитники еще, какое – то время, молча, смотрели на кровавое, парившее месиво человеческих останков. Наконец зловещую тишину, повисшую в бараке, нарушил поручик:

– Все живы? Никто не поранен?

– Вроде все, – хрипло отозвался Степанов. Усердно крестясь приэтом. – Сколько же мы их наколотили? Не уж – то всех положили?

– Ну, всех или нет, пока не ясно, – выдавил старшина. – Но я так смекаю, что большая часть нехристей, навсегда слегла под стенами форта нашего. Это хороший мы им урок преподали!

– Не знаю даже, двинут ли они еще на один приступ, – громко проговорил Орлов. Все еще страдая от звона в ушах, массируя руками виски. – Всем оставаться на своих местах. А ты, старшина, с Петрухой займите место у пушки. Пойду я поищу англичанина среди убиенных. Глядишь еще живой окажется, да через речи расспросные, сможем хоть какие – то ответы получить... Ежели вновь в штыковую ударят, то выстрел из пушки производить только по моему сигналу! Как только сниму фуражку – сразу фитиль запаливайте! Но не раньше! Все понятно?

– Ты же погибнешь, Константин Петрович! – выпалил, с ужасом инженер. – Как же мы без тебя до Ново – Архангельска доберемся?

– Не дрейфь, Иван Иванович, – устало, проговорил Орлов. Закуривая дрожащими руками папиросу. – Я знаю время прогорания фитиля, раньше времени не пальните и все будет в порядке! Упаду я перед выстрелом..., Бог даст заряд верхом пройдет, а вы огнем мое возвращение поддержите. Да и не думаю я, что они вновь с такой резвостью в приступ пойдут, вон скольких за секунду искромсали.

С трудом открыв входную дверь, которая оказалась заваленной трупами нападавших, Орлов вышел на крыльцо и, достав из-за ремня револьверы, осторожно двинулся на поиск

англичанина, старательно обходя и перешагивая через человеческие останки. Ему нужен был Артур, которого он увидел за секунду до взрыва и которого он хотел непременно допросить. Прекрасно понимая, что рискует получить пулю в спину от одного из притаившихся раненных врагов, Орлов продолжал свои поиски. У него просто не было выбора. Англичанин явно знал многое и это многое, в случае удачи, несомненно помогло бы принять верное решение, о том, что делать дальше.

Осторожно пробираясь к обезглавленной взрывом лошади, он выстрелами из револьверов, обрывал страдания умирающих от ран. Расстреляв патроны, внимательно осматриваясь по сторонам, он сунул их машинально за ремень и достав шашку, добрался наконец до убитого коня. Однако к его огромному удивлению, тела англичанина нигде не было видно.

– Где же вы, мистер? – закричал он. С прищуром осматривая искалеченные взрывом трупы. – Отчего же прячется храбрый англичанин? Что – то я не вижу рвения как у Моисея, который в один день, мог уничтожить десятки тысяч язычников! Слышишь меня, капитан? В твоём лице, я думал увидеть усердие первосвященника Финиеса! Который одним копьём мог поразить иудеев и моавитян! Ты слышишь меня или нет, Артур? Ты же с таким усердием и злостью хотел уничтожить нас, а теперь прячешься! Наверное, ты вспомнил мои слова, что быть битым Наполеоном не разумно?

Внезапно утреннюю тишину нарушил крик Степанова:

– Ваше благородие! Поостерегитесь сзади!

Резко обернувшись, Орлов увидел едва стоящего на ногах индейца, сжимавшего в руках дротик.

– Ты все еще не навоевался? – зло, процедил поручик. С перекошенным от злости лицом, помахивая кривой шашкой. – Видишь, какой у меня шамшир? Из дамасской стали кованный, как раз для твоей пустой башки!

Вместо ответа, израненный, едва стоявший на ногах воин замахнулся, с тем, чтобы вложить всю свою ненависть в последний бросок, но получив смертельный удар шашкой по лицу, свалился как подкошенный.

– Все? – пробормотал Орлов. Смахивая рукавом полушубка, с лица, брызнувшую кровь. – Или еще кто – то хочет судьбу испытать?

В этот момент, словно по команде, еще несколько индейцев очнувшихся от взрыва, в лохмотьях верхней одежды, с трудом встали на ноги. Затем стали медленно приближаться к русскому офицеру, поигрывая холодным оружием.

– Святые угодники, – пробормотал Орлов, поморщившись, – простите их. Ибо они не ведают, что творят. – Вы как я посмотрю, все еще хотите убивать русских? Хорошо подходите, господа! Вот он я!

С этими словами, Орлов сделал несколько стремительных шагов на встречу, и не дожидаясь, сам атаковал их, хрипло крича при этом на выдохе:

– За Веру! За Царя! За Отечество!

Расправившись с нападавшими, он остановился и, оглядев поле боя проговорил:

– Ну, вот кажется и все, господа. Надеюсь уроки полученные вами, у стен этого форта, вразумят ваших соплеменников и они поймут наконец, что терпение нашенское не беспредельно и если надобно, то мы бьемся до самой крайности. Теперь осталось найти вашего проводителя английского и озадачить его расспросными речами.

В этот момент, во двор форта ворвалось десятка три индейцев, которые по всей видимости не принимали участие в атаке и которые мгновенно окружили Орлова. Держа под прицелом плененного. Поручик видел по их растерянным лицам, что они не были готовы к такому повороту событий. Прошло еще несколько минут, этого молчаливого противостояния, прежде чем Орлов понял, чего ждут индейцы. Во двор форта, прихрамывая на левую ногу, вошел англичанин. Его перепачканная и обожженная ряса, гнев и отчаяние, застывшие на вдруг осу-

нувшимися сером лице, говорили сами за себя – он не ожидал получить такого отпора и понести такие потери уже в первой атаке.

– Не трогайте его! – крикнул англичанин.

– Так вот вы где, мистер, – тихо, прохрипел поручик. Облизнув обветренные губы. – А я уже думал..., что сбежал Ламберт или Артур, как там тебя. Ногу смотрю поранил – это хорошо, это лучше чем голову!

– Хватит юродствовать! – оборвал его Артур. – Ногу конь придавил. А вам смотрю, тоже досталось. Интересно, что вы тут взорвали? Все лицо смотрю опалино, да и контузило наверное, если разговариваете так громко? Но может оно и к лучшему, может теперь, господин офицер, поведет себя более разумно и выдаст мне инженера.

В этот момент бревенчатые двери барака с шумом распахнулись и на крыльцо выскочили старшина с урядником, держа винтовки наперевес. По всему было видно, что они были готовы кинуться на помощь.

– Все по местам! – закричал Орлов. С яростью замахав рукой.

– У вас господин, Орлов, отчаянные воины, – криво усмехнувшись, проговорил англичанин. Глядя, как поспешно казаки вновь укрылись за дверью. – Только против силы и превосходства идти глупо! Неужели вы до сих пор не поняли этого? Все наши союзники, а это заметьте все заглавные страны, никогда не терпели, вашего стремления к господству или превосходству.

– Да, – кивнув, проговорил Орлов. Массируя себе висок. – Объединяться в стаю – это вы научились. Толку вот только мало, от всех потуг ваших! Вон в прошедшую компанию, ваши корабли совместно с французами атаковали Одессу, Архангельск с Петропавловском, Кольский залив. И что? Все ваши нападения мы отбили, а ваш десант всегда сбрасывался в море! Удумали через янычар турецких выгоду поиметь? А мы и их поколотили в Закавказье! Здесь думаете у вас, что – то получится, через племена неграмотные? Коих вы подстрекаете и вооружаете супротив нас! Так и здесь, Артур, вас ждет глубокое разочарование.

– Еще ничего не закончено! – выпалил англичанин с остервенением. – Выдайте инженера и мы уйдем, иначе мы используем господина Орлова как живой щит и сами войдем в барак.

– Да оглянитесь по сторонам, сэр! Кругом горы убиенных, которые ничему вас не учат! Я же говорю, что у вас никогда не получится чинить злодейства.

– У нас все получится! – взорвался Каноли. С перекошенным от ярости лицом, сжимая в руке револьвер. – Мы брали и ваш Севастополь, и Керчь, и Анапу! Вы не можете иметь военный флот на Черном море и фортификацию по его берегам! А Сербия с Молдавией и Валахией перешли под верховную власть султана!

– Вы, Каноли, не видите самого главного, – горько усмехнувшись, проговорил Орлов. – Мы устояли перед вашей бешеной стаей гиен и вышли из этой компании с минимальным уроном. А, что касемо флота и фортификаций на Черном море..., вы видать, сударь, слишком долго жили вдали от почты и не читали газет.

– Что этим хочет сказать, офицер? – закричал англичанин, нахмурившись.

– В посольства всех европейских стран, уже разослан циркуляр нашего Горчакова.

– И, что же интересного сообщил ваш князь? – буркнул Каноли.

– Он объявил, что Россия, более не считает себя связанной, статьями Парижского мира, – давась от смеха, проговорил поручик. – Это касается и военного флота и крепостей по Черноморскому побережью.

– Вы воспользовались слабостью этих лягушатников французов! – с негодованием, выпалил англичанин. – Эта беззубость главных гарантов, позволила вашему министру иностранных дел заявить такое! Но это лишь доказывает, вашу извечную агрессивность и коварство, в лице вашего императора! Желаящего поработать Европу и в первую очередь Балканы.

Орлов сознательно дразнил и затягивал спор, давая возможность защитникам перезарядить оружие и подготовиться к отражению новой атаки. Он знал о том, что огромная Россия на востоке не внушала европейцам ничего кроме страха. Практически все правители и политики в Европе стремились кто в открытую, а кто через своих союзников сопротивляться этой угрозе. Кто – то искал себе союзников, а кто – то пытался уйти в иллюзию собственного национального превосходства. Относясь ко всему русскому с пренебрежением и осмеянием...

– Так, что решил, господин офицер? – донеслось до Орлова. – Я приказал взять вас живым, у вас не отняли ваше оружие на глазах ваших людей, так что не разочаровывайте меня. Проигрывать нужно достойно!

– Конечно, вы правы, Артур, – буркнул поручик, – проигрывать нужно достойно. Идемте за мной, господа.

С этими словами он бесцеремонно растолкал плечами винтовки индейцев и медленно, пошатываясь, двинулся к барaku, старательно перешагивая через останки уничтоженных врагов. И вскоре, все шедшие за ним, оказались сами того не подозревая в секторе обстрела оружия. Орлову оставалось только непринужденно снять с головы фуражку и, схватив англичанина за рясу, мгновенно рухнуть на землю, к удивлению своих конвоиров.

Еще мгновение и страшный, раскаленный смерч шрапнели, буквально смел всех идущих за поручиком, расшвыряв обезображенные тела. Прошла минута и уже следующий выстрел из мортиры, произведенный старшиной, по предполагаемому скоплению противника за стеной форта, разорвал наступившую тишину.

Пройдет еще несколько десятков лет, прежде чем этот весьма эффективный метод стрельбы с закрытых позиций, получит свое широкое распространение, станет со временем важным элементом заградительного огня. Именно за этот прием стрельбы настильной шрапнелью, Германская пехота назовет русскую полевую пушку "косой смерти".

С трудом, оттолкнув от себя обмякшее тело англичанина, которым он прикрылся при падении, Орлов встал и, трясая головой, посмотрел на подбегающего, Степанова.

– Жив, ваше благородие! – радостно кричал тот. Помогая прихрамывающему офицеру, дойти до бревна коновязи. – А мы как увидели, что нехристи в полон взяли, так с горяча, хотели в штыковую ударить! Забыли по началу, что шрапнелью окаянных бить надобно.

– Все вы правильно сделали, молодцы, – выдохнув, прошептал поручик. Закуривая дрожащими руками. – Это их последняя атака была, я так думаю. Отправь старшина человека за ворота, пусть глянет, что там и как. Ежели все тихо, то обратите внимание на стены барака. Видимо от взрыва бомбы, мох меж бревен тлеть начинает, как бы ветром не растянуло, да и крыша вон покосилась.

– Это мы сейчас все исправим, – проговорил, подошедший старшина, – самое главное, что выстояли! Слава тебе Господи!

– Это ты правильно сказал, – вымученно улыбнувшись, отозвался Орлов. Вытирая лицо рукавом полушубка. – Главное, что выстояли. Теперь меры примем, чтобы пожара не было, оружие все соберем, да все останки неприятельские с обрыва сбросим.

– Прямо с обрыва? – ужаснувшись, уточнил Неплюев. Все еще не пришедший в себя от всего произошедшего.

– Именно так! – рявкнул поручик. Ударив кулаком по бревну. – Пусть все корабли, что мимо проходят, видят, что с гарнизоном "Око империи" воевать не стоит, пусть весть эту передают из уст в уста. Петруха, что там с англичанином?

– Не поверите, ваше благородие! В живых остался, – отозвался тот, подходя. – Вот револьвер его с кинжалом, насилу отнял.

– Да ну? – воскликнул Орлов не добро.

– Ей богу! Застрелиться гад хотел! Да, вон он к стене отползает, в ноги поражен сильно.

– Ты старшина с разведкой поспешай, – проговорил поручик. Сосредоточенно раскуривая папиросу. – И вот еще что..., там у входа в форт лошадь лежит англичанина, а к седлу колита приторочена. Ее осколком видать распорол, все что в ней найдете – это твое с Петрухой и Ахатом.

– А что там? – перейдя на шепот, уточнил старшина.

– Золото там, в самородках. Почитай на несколько тысяч долларов потянет – оно теперь ваше. Я так смекаю, что это будет справедливо, за все ваши муки и страдания. Да и концессию теперь сподручнее затевать вам тут будет.

– Спасибо, ваше благородие, – прошептал Иван, дрогнувшим голосом. Стягивая с головы шапку.

– Да это не мне, спасибо, голубчик – это вам, спасибо, за службу царю и отечеству. Стараниями вашими скорбными, форт стоял и еще стоять будет! Ладно, ступай полчан порадууй, а я с англичанином покалякаю, пока не помер сердешный.

Каноли сидел у скальной стены форта, с бледным, безразличным лицом. Перетянув себе ремнями ноги выше колен, пытаюсь таким способом, остановить обильное кровотечение в конечностях.

– У нас нет ни морфина, ни атропина, ни бинтов, – проговорил поручик подходя. – Помочь ничем не могу.

– Я знаю, что умру, – тихо ответил тот. – Умереть в бою за корону – эта прекрасная смерть. Господь свидетель, что я до последнего вздоха верой и правдой служил старушке Англии.

– Все мы, так или иначе, служим своим империям, – кивнул, пробормотал поручик. – Я могу, что – то сделать для вас?

– Ваш казак забрал у меня револьвер, если можно верните его мне с одним патроном, думаю – это облегчит мои страдания лучше морфина.

– Услуга за услугу, капитан, – проговорил Орлов. Вытаскивая из – за пояса один из своих револьверов. – Мне знать надобно, про вас и Сулему. Вы прибились к нам из-за наших изысканий на Клондайке?

– Все верно, – тихо прошептал англичанин. – Перед нами стояла задача, завладеть картой, с нанесенными на нее координатами золотоносных жил. Или образцами золотоносной породы, цифирью к карте привязанными, а в идеале захватить горного инженера, с картами и образцами.

– А Сулима, получается у вас на побегушках был?

– Сулима наш союзник, – кивнув, подтвердил Артур. Морщась от нестерпимой боли в конечностях. – Против вас, мы готовы объединиться хоть с самим сатаной.

– Хотите обратить дикарей в католическую веру, а потом, прячась за кресты и речи церковные, попытаться завладеть уж ежели не всей Аляской, так какой – то частью?

– За Сулимой стоят серьезные силы, которые так же ненавидят вас русских.

– Я сочувствую вам обоим, ибо конец этой затеи очевиден.

– Вы делаете ошибку. Когда пытаетесь рассмотреть в вере, лишь тайну воплощения, поэтому и трактуете неверно все происходящее, – отозвался тихо англичанин. С грустью наблюдая, как защитники форта собирают оружие.

– И, что же я должен рассмотреть в первую очередь, в вашей религии? – спросил Орлов, закуривая.

– Не только в нашей, но и в своей православной..., старайтесь видеть тайну социального порядка.

– Вот оно, что?

– Да, именно так! Религия связывает идею равенства с небом..., как у христиан по всему миру..., так и туземцев. Такие, как Сулима, внушают мысль о небесном равенстве..., которое

доставляет вечное блаженство для человека не только в Европе, но и среди туземцев, которые через это готовы совершать поступки. А это главное! Главное, чтобы был результат.

– Значит такие как Сулима, нужны вам для достижения ваших целей? С нами проще совладать, когда за вами идут племена дикарей!

Артур смахнув с лица крупные капли пота произнес:

– Это так и есть. – Туземцы или крестьяне с бурбонами..., должны всегда помнить..., что трон всегда крепок, пока крепка церковь. Вы господин, Орлов, дали мне револьвер, а в нем все патроны стреляны.

– Да, это я израсходовал их, добывая ваших туземцев. Вот держите свой морфин.

С этими словами он достал из кармана патрон и небрежно бросил его пленнику. После чего повернулся и прихрамывая зашагал к бараку.

– Что вы собираетесь делать с трупами аборигенов? – крикнул вслед англичанин. – Вы их будите хоронить в братской могиле?

– Много чести! – выпалил со злостью Орлов. Играя при этом желваками. – Мы их просто сбросим с утеса, за не надобностью, на потеху койотам и чайкам, пусть все проходящие мимо иноземные корабли видят, что с нами лучше торговать, а не воевать!

– Могу ли я попросить вас об еще одной любезности?

– Какой? – уточнил поручик, останавливаясь.

– Могли бы вы меня похоронить по христиански? Уж больно не хочется кормить койотов с чайками..., да еще в таком соседстве.

– Ну, что ж, можно и по христиански, – кивнув, проговорил офицер. Поправляя на голове фуражку. – Только тогда ответе искренне на мой вопрос.

– Какой?

– Вы, что – то говорили о продаже Аляски, что вам жаль всех наших усилий, которые мы прилагаем по ее защите.

– Мне действительно жаль..., что вы, рискуя своими жизнями..., радуете за интересы империи на ее кромке, в то время как на берегах Невы, уже принято решение о продаже этих земель...

– Все это вздор! – оборвал его Орлов. – Вы хоть сами – то верите в то, о чем говорите? Больше ста лет мы осваиваем эту землю, которая считается "царевой гордостью", а вы говорите о какой – то продаже.

– К сожалению это так господин, Орлов! Секретные переговоры на сей счет уже идут и вполне возможно..., что идут в этот самый момент!

– Я не верю вам, Конели! Этого просто не может быть!

– Вы задали вопрос, а я вам на него ответил! Именно поэтому нас и отправили под видом миссионеров к вам. С тем, чтобы озадачиться вашими изысканиями, понять истинные координаты залегания золота, а так же каковы их запасы. История с продажей уже не является секретом даже для газетчиков! Поверте..., я говорю правду.

– Я все равно не верю вам, Артур, – процедил поручик, покачав головой. – Эта чудовищная ложь! Не для того мы здесь, принимали многотрудные испытания и лишения, чтобы эту землю продали за ненадобностью, как в лавке старьевщика поношенный сюртук.

– Это ваше дело..., верить мне или нет, – пожав плечами, прошептал англичанин. – Добавлю только, что главным переговорщиком от вашей империи..., выступает чрезвычайный посланник в Вашингтоне.

– И кто же он?

– Не знаю его..., какой – то барон и эти сведения верны, потому что переданы нам из верных источников Петербурга. От людей знающих секреты вашей империи и нами давно прикормленных. Не спрашивайте меня, их фамилии я их просто не знаю.

– Все это слишком, – покачав головой, буркнул Орлов, – чтобы походить на правду. – Я вам не верю, Конели, честь имею!

С этими словами поручик, отдав честь, развернулся и быстро зашагал, прихрамывая к звоннице, где на земле лежал сбитый взрывом колокол.

* * *

– Горе, какое, ваше благородие, – прошептал Степанов. Стоя с не покрытой головой. – От взрыва бомбы, аж колокол сорвало. Ох, и дурной это знак!

– Новый справим, – стиснув зубы, проговорил офицер. – Думаю, правитель наш подсобит, в столь богоугодном деле.

– Константин Петрович, – проговорил инженер. Проходя мимо с охапкой винтовок. – Есть раненные обездвиженные, может, их не будем добивать? Сами преставятся!

– Ишь, как ты заговорил, – пробурчал Орлов. – Мы их как раз из чувства милосердия и добиваем! К тому же они сюда, по твою душу пришли в первую очередь. Так ведь, Иван Иванович, договориться можно и до отправки парламентаря к их вигвамам! А, что? Так, мол, и так, мы все такие великодушные, заберите своих пораненных. Только смекаю я, что парламентаря нашего, они заставят смерть принять лютую. Как ты не поймешь, инженер, что идет супротив нас война коварная и подлая? Нету у нас силенок пока в благородство играть!

В этот момент к ним подбежал старшина и тяжело дыша, выпалил:

– Ваше благородие! Татарин, каких – то чужаков привел! Видать где – то у входа в форт хоронились!

Орлов глянул на вход во двор форта, где под сводами арки, на коне восседал всадник. В типичном американском полупальто, с широкополой шляпой на голове. Рядом стояло трое иноземных матросов, в бескозырках с бубонами, в грубой парусиновой робе, которые с ужасом глядели на изувеченные взрывом трупы. Чуть поодаль виднелась фигура Ахата, стоявшего с винтовкой на перевес.

– Это еще, что за явление? – буркнул Орлов. Доставая из-за ремня револьвер. – Все за бревна к бойницам! Пушку заряжаем на старый манер!

Подождав пока люди, укроются за стенами барака, поручик достал из ножен шашку и, обходя все еще парившие останки нападавших, направился к арке.

– Я поручик Орлов, – проговорил он. Остановившись на безопасном расстоянии. – Представьтесь, пожалуйста.

Всаднику в темном полупальто в клетку, в дорогих сапогах красного цвета, было далеко за пятьдесят. Его уставшие глаза, внимательно, с прищуром изучали все вокруг, словно оценивая масштаб всего произошедшего здесь. Наконец попыхивая окурком сигары, он неторопливо отдал честь, двумя пальцами проговорив при этом:

– А я Джон, американец. Хорошо воюешь поручик, как генерал настоящий! Если срубишь эти три сосенки, то получишь для своего артиллерийского гнезда дополнительный сектор обстрела, я так думаю градусов в тридцать.

– Мы учтем ваше предложение. Это тоже американские матросы?

– Нет, бог миловал, – отозвался Джон, прыгивая с коня. – Это испанцы, с какого – то парусника! Зачем туземцы их сюда притащили, я не знаю, к дереву они были привязаны, недалеко отсюда. После бойни, которую вы тут устроили, я думаю, что они аборигенам за ненадобностью уже. Вот я их и отвязал, чтобы ни померли от страха.

– Ну что же, благородно, – кивнув, выдал Орлов. – Джон воевал бомбардиром?

– Да, пришлось участвовать за компанию, – пробормотал тот. Подтягивая ремни притороченных к седлу пехотных ранцев. – Шестая артиллерийская рота.

– Дрались за Юг или за Север?

– За Капитолию, Генерал, – со вздохом, отозвался новый знакомый. Доставая из ранца квадратную бутылку виски.

– Я пока поручик, а не генерал, – поправил Орлов. – А с матросами мне, что делать прикажите?

– Ничего раз так воюешь, то генералом станешь непременно! Ну, а матросов..., я думаю можно использовать как чернорабочих, у вас вон, сколько во дворе мяса нарублено. Ну, в самом – то деле, не твоим же солдатам в говнище ковыряться! А матросики в знак благодарности, да за миску супа, вам здесь такой порядок наведут! А там отправишь их с оказией какой в их солнечную Испанию, ну или пристрелите. Для них это намного лучше будет поверь. Да и потом им лучше у вас быть в неволе, чем у аборигенов! Прикажи своим озадачить матросов, а у меня к тебе дело есть. Заодно и познакомимся, под хорошие хлебные виски!

Позвав Степанова и объяснив, что должны делать испанцы, поручик повернулся к матросам и тихо проговорил:

– Могу отправить вас обратно, однако боюсь, что не дойдете – заблудитесь или опять в полон попадете. Ктому же на паруснике наверняка вас уже посчитали погибшими, а корабль уже наверняка выбрал якорь и лег на обратный курс. Предлагаю потому временно поступить на службу Российской короне, а как только представится возможность, мы отправим вас в родину. Что скажете?

Переглянувшись между собой, матросы дружно закивали, угодливо стянув свои бескозырки.

– Тогда давай те знакомиться! Кто такой я вы знаете, а вот вас мы не знаем, как звать.

– Я Санчес, – пробормотал, крупного телосложения матрос. Которому на вид можно было дать не больше сорока лет. – А это Мурилье и Пако! Мы все с одного парусника, промышляли китобойным промыслом. Я всю свою жизнь, с малолетства по морям да океанам хаживал, а они в свой первый дальней рейс пошли и в такую историю попали.

– Понятно, – буркнул Орлов. Глядя на молодых испуганных матросов. – Вас взяли в полон вчера?

– У острова Кадьяк, на внутреннем рейде! – зачастил Санчес. Вытирая лицо бескозыркой. – На нас налетела вначале английская шхуна...

– Они вас атаквали в наших водах? – нахмурившись, уточнил поручик.

– Именно так господин, офицер! Подкрались как гиены в ночи и ударили с носового орудия, хотели даже на бордаж взять, да благо волна крутая была, одним словом, насилиу отбились.

– А в полоне – то как оказались? – усмехнувшись, проговорил американец.

– Так я и говорю, что пока ремонт паруснику учинили, помощник капитана со шкипером на берег сошли. А когда мы за ними после ремонта на лодке подошли, чтобы забрать, они уже мертвы были, тогда – то нас и захватили аборигены.

– Смекаю я, про что ты, Санчес, рассказываешь, – кивнув, пробурчал Орлов. – Мы тоже там были и насилиу ноги унесли. Ладно, забирай их, Степанов, на работы.

Подождав пока матросы отойдут на приличное расстояние, Джон, кивнув, проговорил:

– Будь с ними начеку, Генерал, они не слишком – то отличаются по коварству от англичан.

– Из-за того, что им не удалось за столбить здесь ни одного акра земли?

– Вот именно!

– По весне, одна из их посудин, причалила милях в трехстах от сюда, под нашим флагом, судовая команда была одета в морскую одежду нашу.

– И зачем им этот спектакль нужен был?

– Они отгрузили несколько бочек водки кенайцам.

– То, что индейцев все спаивают для меня не новость! Зачем так мудрено?

– Водку ту, как потом оказалось, лили по специальному рецепту! После ее употребления, человек желтел и умирал в страшных муках, из-за полного развала печени.

- Чтобы вас русских, потом обвинили в смерти этих несчастных?
- Вот именно! Ну что, где разговоры разговаривать будем?
- В тихом месте, где нет посторонних ушей, – улыбнувшись, проговорил американец.
- Тогда милости просим в наши скромные апартаменты.

* * *

Оставив лошадь у коновязи, американец зашел следом за Орловым в жилой барак. И стоя какое – то время у порога, оценивающе осматривал спартанскую обстановку сруба. Затем подошел к бревенчатому столу и, поставив бутылку, проговорил:

– Живете скромно, питаетесь тоже, а воюете как черти! Это ведь я так понимаю, все твое войско, Генерал?

– Остальных Господь к себе призвал. Садись, Джон, к столу, за беспорядок не взыщи..., сам понимаешь, только воевать закончили, да и разносолов, предложить сейчас не могу – бедствуем с провиантом. Но обещаю, если в живых останемся, то в следующий раз встретим со всей русской гостеприимностью!

– Ловлю на слове, Генерал! – воскликнул американец, садясь к столу. – У меня вот шербет есть английский, думаю, нам закусить хватит, давай кружки.

Смахнув рукавом полушубка со стола землю, осыпавшуюся с потолка при взрыве бомбы, Орлов поставил на стол две закопченные металлические кружки и, сняв фуражку, проговорил:

– Ну, за что пить будем? За знакомство?

– И за знакомство выпьем, и за дружбу между нашими народами, и за погибель врагов наших, – крикнул американец, разливая виски.

Заев шербетом обжигающий глоток напитка, поручик внимательно посмотрел на гостя и тихо спросил:

– Ну, рассказывай, Джон, что привело тебя, в эти Богом забытые места. Я тебя давно в свой бинокль уже наблюдаю, правда у тебя еще дружки были.

Усевшись удобнее, на бревенчатой лавке, американец проглотил закуску, раскурил окурок сигары и только после этого произнес:

– Я, работаю по контракту на фирму Пинкертон, а милях в пяти отсюда меня ждут еще трое охотников за головами.

– Значит я не ошибся и именно вас в бинокль свой видел, – проговорил Орлов. Закуривая папиросу. – И чьи же головы вы здесь ищите?

– Есть такой бандит – Чарли! Он ирландец, так вот этот самый Чарли, сюда бежал из наших нижних штатов, со своими дружками, а мы по их следам идем. Скрываются они на вашей земле от Закона, парохода ждут, чтобы в Англию отбыть.

– Что же они у вас натворили такого, что вы аж границу, в погоне за ними пересекли?

– Ограбление банков, – со вздохом, проговорил Джон. Наливая новую порцию виски. – Дилижансов и поездов, которые перевозят деньги. Они уже и на вашей земле успели отличиться, ограбив дилижанс, перевозивший деньги, одной нашей китобойной компании.

– Знаю я, где они его спрятали, – кивнув, отозвался Орлов. – Один из этих негодяев, нашего кузнеца зарезал, по мне с урядником палил!

– Я же говорю, что подонки они законченные! – горячо, поддержал Джон. – И что же вы сделали с этим уродом?

– Застрелил лично.

– Ну и правильно! Нам меньше работы будет. Довай выпьем за вас..., за храбрых русских!

– За людей наших, терпеливых и в бою бесстрашных, выпью с превеликим удовольствием, – кивнув, проговорил Орлов. С улыбкой поднимая кружку. – За наших поселенцев! Чьими стараниями, знамя империи реет над этими дикими землями.

– Я некоторое время назад, работал по контракту в штате Техас, – морщась от выпитого, признался американец. – И видел, как зверствуют апачи, из-за своих поганых скальпов. С тех пор, я и извожу их желто-лицее племя как диких собак. Поэтому я хорошо понимаю вас русских!

– А, о каких делах, Джон, хотел поговорить со мной?

Дымя сигарой, американец встал и, подойдя к одной из бойниц, стал, молча рассматривать лежащее на полу и стоящее у стены оружие. Затем вернулся за стол и тихо проговорил:

– Милях в десяти отсюда, браконьеры английские безобразничают, на шхуне "Мария". По ночам, их судовая команда высаживается на берег и совершает мену своих товаров на пушнину, нарушая при этом все пограничные приличия. Мы точно знаем, что Чарли с друзьями идут навстречу именно к ним!

– Что ты предлагаешь конкретно? – нахмурившись, проговорил Орлов. Задумчего жуя шербет. – Уж не захватить ли эту чертову шхуну?

– А почему нет?

– Мы же не корсары и соблюдаем международное право, которое признает за нашей империей полосу воды, на расстоянии пушечного выстрела.

– Именно поэтому я и предлагаю объединить наши силы, тем более, что англичане постоянно плюют на это самое право, бросая якорь почти у берега! – Ты – как воевода пограничный, поднимешься на борт, ну например, чтобы проверить "судовую роль", а я со своими людьми поднимусь, чтобы поддержать числом.

– Мне сегодня один англичанин, нами подстреленный, рассказывал, что земли эти вами куплены. Если это так, то нет у меня таких прав, корабли иноземные досматривать.

– И ты, Генерал, ему поверил? Зачем они нам нужны?

– Стало быть, врет?

– Нашел, кого слушать!

– Ну..., я ему тоже не поверил! А тебе не приходит в голову такая мысль, что они могут оказать нам сопротивление? Например силами судовой команды..., просто расстрелять нас на воде?

– Так в том то все и дело! Мы нагрянем, к ним в гости, когда они сойдут ночью на берег и углубятся в лес, по коммерческой надобности! – с жаром, зашептал американец. Отобьем у них их же лодку и на ней подойдем к шхуне! Там останется несколько человек, включая капитана, а это даст нам возможность, диктовать в итоге свои условия. Мы арестуем Чарли с его друзьями, а ты, Генерал, удержишь нарушителей.

– Почему ты думаешь, что они выдадут вам Чарли с друзьями? – с сомнением, проговорил Орлов.

– Да потому что шхуна – это единственная ниточка, которая связывает судовую команду с Англией! Ведь только на ней, они могут вернуться к берегам Темзы! За это они выдадут кого угодно!

– Угроза конфискации судна или его потопления – мера действительно весомая, – пробормотал Орлов. Глядя как американец, разливает виски.

– А я, что говорю? Они сдадут, кого угодно и еще будут просить взять отступные, за свое освобождение! Ну, что, Генерал, пьем за успех нашего предприятия?

– Всегда поражался вашей американской предприимчивостью, – проговорил поручик. Залпом осушив кружку. – Шхуна, шхуна... А ведь это, пожалуй, шанс добраться до Ново – Архангельска...

– Так вам нужно до вашей столицы добраться? – воскликнул Джон, с удивлением. – Тогда вообще чего тут думать! Прямо на этом кораблике и пребудете, в свою столицу героями!

– А кто вместо судовой команды, этот кораблик поведет? – уточнил поручик. – Матросы – то их все в лесу будут.

– А я вон тебе испанцев в помощь пригнал! – рассмеявшись, выпалил американец. Дымя отчаянно, огрызком сигары. – Я с охотниками, прибавь своих людей – это же уже целое войско получается. Как знал, что мы поладим! Да и нам, в случае успеха, вернуться домой будет проще! Так сказать с комфортом, на борту какой-нибудь посудине, идущей в нижние штаты, а может быть и до самой Калифорнии. Думай, Генерал, если что..., мы тут недалеко остановились, на лесопилке вашей.

* * *

Поговорив с гостем, о жизни в этих суровых краях, поручик проводил Джона, пообещав крепко подумать над предложением. Вернувшись за бревенчатый стол, он задумался, уставившись на не допитую бутылку виски, принесенную Джоном. То, что четверо неизвестных всадников, оказались американцами, да еще предложившими объединить усилия на определенном этапе, Орлов воспринял как подарок неба. Его несколько не удивило их появление в этих краях. Опасная работа Джона с товарищами, которых занесло в эти дикие края, легко объяснялась отношениями, которые царили внутри полицейского аппарата американцев и поручик знал об этом не только из газет. Там царил настоящий пиратский дух, впрочем, такой – же, как и в экономике и политике этой молодой страны. Где в порядке вещей считалось, применять приемы далекие от элементарной порядочности, как на выборах, или при распределении средств, так и в борьбе за право, контролировать полицейских. Многим, из которых открыто, довались взятки, многих из них подкупали, участием в доходах от азартных игр или проституции. Тонкая, едва уловимая грань, существовавшая на тот момент в Соединенных Штатах, между правом и агрессивным беспределом, растворялась арестами не виновных и физическими устранениями нежелательных свидетелей, включая и честных полицейских.

Общаясь за последние годы с простыми американцами, читая их газеты, у Орлова сложилось стойкое впечатление, что честная и эффективная работа полиции просто не возможна в этой стране. И причиной тому, были шкурные интересы политиков, отдельных городов и даже целых штатов. Все это происходило на фоне того, что шефы полиции практически повсеместно, представляли интересы своих партий. В отличие от работы полицейской машины в России, у американцев не было даже малейшего намека на сотрудничество, между полицейскими службами, что давало возможность преступникам всех мастей, безнаказанно совершать преступления. Зная, что от правосудия можно укрыться уже в соседнем штате, где тебя уже никто не будет искать. Все эти обстоятельства, усугублялись чрезвычайной беспомощностью и крайней не эффективностью, в работе федеральных органов, включая и само министерство юстиции в Вашингтоне.

Именно из-за всего этого вместе взятого и можно было объяснить то, что не подкупное частное детективное агентства Аллана Пинкертона, стремительно прославилось не только на территории между Атлантическим и Тихим океаном, но и достигло мировой славы. Это был поистине звездный час для агентства, которое на тот момент приобрело репутацию очень честного и надежного партнера, в отличие от самого мощного в стране Чикагского управления полиции. Которое, насчитывало одиннадцать полицейских сомнительного вида и явно ведущих не здоровый образ жизни. Эмблемой агентства стал открытый глаз, а девизом слова: "Мы никогда не спим". Своими делами и поступками сам Пинкертон как и десяток его сотрудников, очень быстро доказали верность избранного ими девиза. Во всех штатах знали их как деловых и порядочных людей, неподкупных и неутомимых детективов. Которые могли преследовать беглых преступников дни и ночи напролет, не только неделями верхом на лошадях, но и на поездах и пароходах. Кроме того они были прекрасными наблюдателями, могли прекрасно маскироваться и перевоплощаться, отлично стреляя из всех видов огнестрельного оружия.

Для Орлова, поступившее предложение об объединении усилий, с человеком из такой знаменитой организации, давало шанс, тот самый один из ста, который позволял выйти из тупика, в котором они оказались. Появлялась реальная возможность добраться до Ново – Архангельска и доложить самому Максутову про обоз, отправить, на помощь полковнику Калязину людей. Появлялась возможность отправиться с Неплюевым в Петербург, где можно было наконец, обстоятельно доложить о ходе их изысканий. Форт "Око империи " в кратчайшие сроки пополнился бы людьми и провиантом.

Закурив папиросу, Орлов встал и, выйдя на воздух, стал наблюдать за тем, как защитники форта, с иноземными матросами освобождали двор от убитых. Заметив его, старшина вытер руки о полушубок и, подойдя к офицеру спросил:

– Ваше благородие, а что с англичанином делать?

– Застрелился разве? – отозвался поручик. – Что – то я выстрела не слышал.

– Кровью он изошел, – отмахнулся Иван, закуривая самокрутку. – Сидел, сидел с револьвером, да и завалился на бок. Видать от поранений своих помер.

– Похороните его рядом с нашими могилками, – тихо, проговорил Орлов. – Я ему это обещал.

– За что же такие почести? – с удивлением, спросил старшина. – Он ведь сюда все это войско привел.

– Обещал я ему это, за сведения важные, – поморщившись, проговорил поручик.

– Как на духу сказывал?

Орлов внимательно посмотрел на красное, обветренное лицо Сибирского казака, из славного рода тех потомков запорожцев, кои были сосланы в Сибирь после разгрома Сечи. В ком текла кровь участников восстания Железняк и Гонты, плененных после резни у Умани и тех двух тысячах малолетних сыновей, отставных солдат из Тобольской губернии, которые и составили костяк казачий общины в Сибирском Войске.

– Как на духу все выдал! С таким выражением, старшина, что я до сих пор понять не могу, что вокруг нас творится. Хотя если честно... , то это непонимание возникло еще раньше, еще в форте Росс. Где к нам прибился этот англичанин с монахом! Непонятно кто садил их с нами на парусник, который должен был дойти до самого Ново – Архангельска. Не понятно почему нас на половине пути высадили на берег, и мы получили приказ идти с мукой караваном. Нас отправил к вам за подмогой полковник Калязин, а мы застали здесь полный упадок! Ваш форт давно не пополнялся людьми и провиантом, наравне с другими припасами. Непонятно почему лесопилка, что в пяти верстах отсюда и где встали на постой американцы, стоит брошенной. Там нет ни солдат, ни работных людей, хотя лес приготовлен, даже доска есть пиленная и новая почти, паровая машина стоит, еще в хомуты одетая. Вот и спрашиваю я сам себя, что же такое вокруг нас происходит?

– Что тут можно сказать, ваше благородие, – пожав плечами, пробормотал старшина. – Ежели все происходящее вам не ведомо, то уж нам тем более. О том, что наши люди покинули лесопилку, нам аулеты поведали, недели три назад. Мы тогда смекнули, что это наш правитель их отозвал приказом, а может и нарочный был с пакетом каким.

– А к вам Максутов гонцов не посылал?

– Не было никого, лодку мы правда у своего берега находили, в аккурат неделю назад. На каменюки выкинуло ее, наполовину забортной водой притопленную, без весел. Может, кто к нам путь держал, а может и с парусника какого сорвало, нам это не ведомо. Да и ежели даже пакет какой нарочные доставили бы, мы бы прочитать его не смогли, так как ни счетной мудрости, ни грамоте не обучены, да и есаула уже нет покойничка.

– Все ясно, – стиснув зубы, пробурчал Орлов, – Истопи ты, голубчик, баньку позлее, а то мы все как черти в саже, да кишках с кровью перепачканы.

– Это можно! Это мы мигом! – с удовольствием, крикнул старшина. – Банька на войне – это первое дело! У нас и одежонка найдется, фабричными мастерами сделанная и белье нателеное новое. Приготовим вам комнату есаула, с кроватью металлической, отдохнете хоть по царски, а то вон сколько дней и ночей кочевали!

– Смотрю я на тебя, братец и диву даюсь! – признался Орлов, качая головой. – Уж, какие вы тут только скорби не принимали, а не тускнеет в вас жилка русского человека! Через все муки живете и жизни радуетесь и нет конца и края нет этому терпению.

– Так нам русским, да православным, завсегда легче жить с Богом в душе и с верой в царя – надежу! Каждый день просим, дай, Господи, нам душевное спокойствие, чтобы смиренно и с достоинством смогли встретить все, что сулит день грядущий. И Господь способствует, позволяет пережить все тягости и мытарства!

* * *

На следующее утро, Орлов построил всех у стен храма и глядя на хмурые но уже посвежевшие лица боевых товарищей произнес:

– Победа, одержанная вами, на этих скалах..., дорогого стоит! Теперь неприятели всех мастей и недруги нашей империи, крепко подумают над тем, стоит ли супротив нас подлость замышлять! И гора трупов индейских воинов, коими вы весь утес усыпали, будет им хорошим напоминанием об этом. Однако не стоит после этого ждать, каких-то милостей и послаблений..., возможно, нас ждут испытания еще более суровые и к ним надобно быть готовыми. Всегда должно помнить, что англичане подстрекали и далее подстрекать будут, первостепенные народы на вооруженные столкновения с нами. Опаивая их водкой, вооружая современным нарезным оружием, сплетнями и наговорами на наших поселенцев, сея в их сердцах ненависть к нам. Приказ капитана первого ранга МаксUTOва, никто не отменял. Посему тебе, Иван с Петрухой и Ахатом продолжать стоять на этой скале, пока мы не пришлем вам подмогу из столицы! Все остальные идут со мной, на соединение с американцами и что нас ждет впереди – одному Богу известно. Предупреждаю, что живем мы по артиклям военным, и я не потерплю ни трусости, ни послаблений в выполнении приказов! Это касается и вас испанцы! Нам крайне важно добраться до нашего заглавного гарнизона, для этого нам еще предстоит отбить шхуну у англичан. Все, полчане..., давайте прощаться! Бог даст, еще послужим империи плечом к плечу!

Обнявшись с каждым из остающихся, Орлов сняв фуражку, посмотрел на гордо трепещущийся флаг империи, потемневший от порохового дыма, пробитый в нескольких местах пулями, успевшим изрядно выцвести под северным солнцем и, перекрестившись, проговорил:

– От вас, старшина, ныне стоящих здесь караулом, зависит как успешно и долго, будет рвать наше знамя.

– Не сумлевайтесь, ваше благородие, – с грустью проговорил Иван. – Раньше не посрамили святыню и далее для этого все силы приложим. Ежели придется драться, то драться будем до самой крайности! Лишь перешагнув через наши тела бездыханные, злодеи смогут до него добраться.

– Храни вас Бог, – кивнув, вымолвил поручик. И повернувшись, быстро зашагал к выходу из форта.

* * *

Орлов уходил со своим не большим отрядом, со смешанным чувством тревоги и надежды одновременно. С надеждой на то, что объединив силы с американцами, удастся захватить английскую шхуну, что позволит быстро добраться до столицы и отправить помощь как в

форт, так и полковнику Калязину, идущему по берегам Славянки. Тревога же не покидала за судьбу людей оставшихся в форте. У которых были весьма ограниченные запасы продуктов, они имели в своем арсенале, значительное количество винтовок и револьверов с патронами разного калибра, имелась даже пушка с запасами пороха, но у них было мало шрапнели, а самое главное – их самих было слишком мало. Отряд Орлова тоже был не многочисленным, и он это прекрасно понимал, но теперь все были прекрасно вооружены и несли с собой солидный запас патронов. Люди получили хоть и не продолжительный, но все – таки отдых и не под открытым небом, а в жарко натопленном бараке. К тому же после парной, всем была выдана чистая одежда, каждый получил чулки из оленей шкуры, которые надежно защищали от холода. Кроме того, каждый получил по заячьему полушубку, хотя и не новому, но хорошо держащему тепло, а главное все полушубки были белого цвета, что позволяло слиться с выпавшим снегом, не демаскируя себя при встрече с неприятелем.

– О чем задумался, Константин Петрович? – спросил Неплюев, шагая рядом. – За людей в форте переживаешь?

– Слишком мало их там осталось, – со вздохом, отозвался тот. – Да и Петруха смотрю, кровью кашляет, хотя и скрывает это.

– Ничего, у них вон какой фокус бомбой на вооружении имеется! Да и пушка, вон как врага на куски рвет.

– Мы всем табором, свою победу еле вырвали, а их трое всего, оборону держать теперь будут. И это заметь, мы не знаем, насколько сильно аборигены столь значительными потерями огорчатся!

– Ничего, ваше благородие, сдюжат, – отозвался Степанов. – Они такую победу с нами одержали, а это дорогого стоит! Да и остаться они здесь хотят, с тем, чтобы дело угольное поставить. Деньжата на первое время есть, глядишь со временем и семьями обзаведутся. Дай им Бог перенести все утомления, да подмоги дожждаться!

– На него только вся надежда, – прошептал поручик.

– Обойдется все, ваше благородие, – проговорил Степанов, улыбаясь. – У нас дома такие деньжищи, что вы им отвалили из сумки англичанина, они за всю жизнь бы не заработали, а тут в Русской Америке, буте любезны! Дай то Бог полчанам, стать капиталистными людьми!

– Ничего, Степанов, у вас в южных губерниях, тоже жизнь понемногу перестраивается, как впрочем, и по всей России – матушке, – успокоил поручик. – Цены за границей на зерно, я читал, повысились значительно, а это на руку нашему производителю.

– Неужели и впрямь веришь, Константин Петрович, что заживет безбедно наш человек работный? – усмехнувшись, проговорил инженер. – Аренда же земли неподъемная! Она же привязывает крестьян к помещику! Народ работный хоть и получил надель по реформе, но они ведь не великие! Цена на хлеб в рост идет – это правда, только не забывай и плата за землю у помещика растет значительно. А сколько на крестьянах, еще всяческих сборов навешено?

– Про выкупные платежи толкуешь? – буркнул Орлов, осматриваясь по сторонам. – Ничего, налоги государевы, как и земские, сокращаться будут – это точно!

– А подушную подать на их сословие наложенную? – не унимался инженер. Едва поспевав за офицером.

– Вечно ты, Иван Иванович, только чернуху видеть желаешь, – с досадой, отозвался поручик. – Реформа всеравно, укрепит крестьянскую общину, поможет и подати выплачивать и достаток меж членами соблюсти. Я верю, что все у нас в империи наладится! Уж больно большая мы держава, чтобы у нас все быстро получилось. У нас вон нарочный из Петербурга, с письмом каким до Камчатки, аж три месяца скачет!

– А я тоже так же кумекаю, – кивнув, потдакнул Степанов. – Что жизнь в России, как и в станицах моих, наладится.

– Правильно кумекаешь, урядник, – улыбнувшись, проговорил Орлов. – Уже набрал силу Государственный банк, который "содействует силою кредита" металлургической промышленности, сахарной, да и текстильной тоже. Верю, что не за горами то время, когда такие как Ванька – безухий, будут в складчину или на кредит ложить тут дорогу железную, изменяя эти дикие края до невозможности.

– Это если хоть кому – то, в нашей империи будет все интересно, – возразил Неплюев.

– А тут прямой интерес для всех! – Сам военный министр Милютин, неспроста назвал наше время "железнодорожной горячкой". Встанут тут со временем в прибойной черте порты морские, потянутся к ним железные дороги, а в вагонах тех повезут руду, уголь, торф, лес. И все это благодаря таким инженерам как ты, Иван Иванович! Прибудем Бог даст в Петербург, доложим в кабинетах начальствующих, что кроме пушнины, богатства тут несметные в минералах таятся и изменения придут в эти дикие земли. Вот помянешь мое слово, инженер.

– Тогда и полчане наши заживут в фортах! – воскликнул урядник. – Уголек – то не только пароходам нужен будет.

– Все правильно, – оглядываясь по сторонам, проговорил Орлов. – Тогда обязательно вырастет спрос на металл, который и для вагонов нужен будет, и для рельсов, и для паровозов новых! Пока у нас в империи, такие как старшина, с Ванькой – безухим служить будут, ни черта нам никакие враги не сделают!

– Все это хорошо на словах говориться, – со вздохом, проговорил инженер. – Да как бы все эти помыслы радужные, в песок не утекли. Вон после зимовки, в форт к есаулу никто кроме нарочного не заявлялся и не способствовал его усилению. Чугучи в нарушение договоренностей, в прибойной полосе вооруженные безобразия творят, а иноземцы свое злодейство меховое и никому до этого дела нет.

– Потому и идем в союз к американцам, – проговорил Орлов. Поднимая воротник полушубка. – Чтобы быстрее подмогу отрядить, да ясность во многие вопросы внести.

– А может и не нужны мы вовсе, со своими изысканиями на берегах Невы? – предположил инженер, озираясь по сторонам. – Что – то не вижу я усердия, которое должно проявлять в этих землях чиновникам нашим, одно захиренее ведь здесь и упадок кругом. Может нашим чиновникам на руку все это? Может специально они все здесь забросить хотят? Для того, чтобы забросить и уйти с этой земли!

– Ну, что ты такое гутаришь, прости Господи! – проговорил с укором казак. – Бросить все и уйти отсюда – это же значит, предать все усердия и старания, начиная с наших первых землепроходцев и путешественников. Ну как ты можешь так говорить?

– Все верно говоришь казак! – поддержал Орлов. – Это значит предать их труды, не только по описанию здешней природы – это значит предать вообще все их усилия по освоению земель этих. А ведь благодаря их стараниям, империя наша вывела свои корабли в воды океана Великого.

– Я так говорю, потому что вельможам паркетным, нет никакого дела, до того, как здесь на кромке империи, живут их подданные! Вон у есаула, микстур никаких не было, но ведь водку – то ему с чаем можно было отправить!

Орлов ничего не ответил, а лишь быстрее зашагал вперед, стиснув зубы. Во многом он был согласен с инженером, многое у него у самого вызывало непонимание и раздражение. Он вдруг вспомнил слова капитана Конели, нашедшего свою смерть во дворе форта, о том, что ведутся секретные переговоры с американцами, о продаже этой земли. Успокаивая себя тем, что этого просто не может быть! Он шел по еловому лесу, не сбавляя темпа, думая о том, что вести такие переговоры означает только одно – предавать интересы империи. Предавать память тех каргопольских купцов, тех великих первооткрывателей и путешественников, к коим он относил и самого легендарного Баранова. Который, в поисках новых районов охоты, изучал эти далекие земли, искал на этих просторах минералы и осваивал новые поселения. Снабжал

всем необходимым новых поселенцев. Который по настоящему и закрепил за империей, все эти дикие земли на берегу Океана Великого, на берегу Северной Америки.

– Не для того наши предки, столбили эти земли за державой Российской, – проговорил Орлов. Сквозь стиснутые зубы. – Не для того они и мы – их потомки, принимали здесь беды и испытания, чтобы вот так все просто здесь бросить. Ничего и при правителе Баранове, нашим поселенцам приходилось биться с индейцами, не на жизнь, а насмерть. Тогда нашим первооткрывателем, приходилось биться лишь с народами окраинными, а нам еще и с англичанами, которые заметьте, имеют мощнейший флот. Да и союзникам нашим – американцем, мы тоже вроде как помеха. Не даем их китобойцам развернуться!

Не заметно за спорами и разговорами, они вышли к лесопилке купца Самойлова, скрытой от злых ветров и дурного глаза в распадке, окруженного со всех сторон высокими соснами. К той самой лесопилке, которая исправно снабжала русских колонистов деловой доской и брусом, поставляла все необходимые материалы, для проведения корабельных работ, на своих и иноземных судах, бросивших якорь на верфи. С первого взгляда стало понятно, что на ее территории уже не ведется никаких работ, как раньше – не визжат пилы, не рычит паровая машина, не стучат топоры лесорубов. Не было на флагштоке и флага империи, который гордо реял здесь с первых дней основания лесопилки. Тягостная тишина и безмолвие повисли над двухэтажным домом, который для людей Самойлова был и конторой и местом жительства. Огромная территория лесопилки, огражденная высоким частоколом, надежно защищала когда – то работных людей от стрел и пуль недоброжелателей – была брошена.

– Что – то не нравится мне эта тишина, – проговорил Степанов. Снимая с плеча винтовку. – Да и снег кругом не тронутый. Не уж – то съехали американцы?

– Как же так? – скрипнув зубами, прошептал Орлов. – Уговор ведь был, что мы подойдем к океану сегодня после обеда.

– Давайте я в поиск схожу, – прошептал урядник, – может, случилось чего.

– Все пойдем, – покачав головой, отозвался поручик. – Чего уж тут. Все одно привал надобно делать за сторожевым частоколом.

Спустившись к бревенчатому частоколу, который надежно закрывал всю территорию лесопилки, они обошли его весь и только после того как убедились, что он не поврежден, зашли в приоткрытые ворота. Обследовав все хозяйственные постройки и убедившись в том, что американцы, по каким – то причинам покинули лесопилку, Орлов собрав всех на первом этаже конторы проговорил:

– Американцы здесь были и ушли совсем не давно, по каким причина пока не знаю. Предлагаю подождать их до вечера, а если уж к вечеру не воротятся, тогда мы вернемся обратно в форт. Люди Самойлова покинули лесопилку без боя, впрочем, как и американцы. Почему они ушли, мы не знаем и то, что нет следов боя не о чем не говорит. Поэтому, озадачимся караулом с привлечением испанцев, свободным от караула отдыхать, но только за стенами этого дома. Все, что нам остается так это ждать.

Поднявшись на второй этаж в пустой кабинет управляющего, Орлов медленно прошел к огромному письменному столу и сев на стул проверил содержимое ящичков. Не найдя никаких документов, он положил свою выцветшую на солнце, выдавшую виды фуражку на столешницу и скрестив руки на груди задумался. Все говорило о том, что не нападение явилось причиной ухода работных людей Самойлова и американцев, хотя было видно, что и те и другие, покинули лесопилку в спешке. Орлов окинул взглядом потемневшие от времени бревенчатые стены кабинета, клочки бумаг, валявшиеся на добротном подогнанном полу, пустые полки книжного шкафа. Самого Самойлова, как и его людей, невозможно было упрекнуть за недостаток бдительности в делах, или в расточительстве. Он и его люди всегда славились трудолюбием и рачительностью, а тут – брошенная паровая машина, с огромными запасами пиленых досок и кора-

бельного бруса, огромный запас кругляка, приготовленного для работы на всю зиму. Бросить все это они могли только в силу, каких – то чрезвычайных обстоятельств.

– Что же могло послужить причиной столь поспешного ухода? – устало, спросил поручик самого себя.

Он делал все, что мог, но злодейка судьба, словно смеялась над его усилиями, посылая все новые и новые испытания, из-за которых он все еще так и не смог отправить помощь каравану полковника, он все еще не мог добраться до Ново – Архангельска. Орлов понимал, что все это происходит из-за того, что на протяжении всего своего существования, Русская Америка так и не смогла обеспечить своих поселенцев, в первую очередь сельскохозяйственными продуктами. Катастрофическая нехватка провизии, не позволяла укреплять эти земли большим числом колонистов, которых просто нечем было кормить. Постоянно ощущалась острая нехватка судов, не хватало и мастеровых людей, которые бы строили и обслуживали при необходимости эти самые корабли на верфи. Но, несмотря на все это, русские поселенцы самоотверженно трудились и сражались за заморские территории империи, жертвуя своим здоровьем и самой жизнью. Принимая православную истину о том, что жизнь человека, как и его смерть зависят порою от того, о ком даже и не ведаешь.

Кто-то поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и постучал в массивную дверь.

– Кто там? – крикнул Орлов.

Дверь, жалобно скрипнув, отворилась, и на пороге появился урядник, который бойко проговорил:

– Караул со сторожевой вышки ведем, ваше благородие! Оттуда все подходы просматриваются хорошо! Дозвольте, пока время есть, в столовом бараке очаг запалить? Мы по скорому снежку натопим, да чайку заварим – старшина угостил китайским.

– Затопите непременно, – кивнув, сказал поручик. – Неизвестно как день сложится.

– Так и вы бы присоединились к нам! Чего в холодной хате сидеть? Мы и кашу сварганим маисовую!

– Хорошо, я скоро спущусь, готовьте пока. Подумать мне надобно крепко!

* * *

Отправив казака, Орлов надел фуражку и, подняв воротник полушубка, вновь погрузился в раздумья. Он все еще пытался понять, почему американцы ушли. Имея таких союзников по захвату шхуны англичан, чинивших меховое злодейство, появлялась реальная возможность осуществить эту дерзкую затею. Поручик терялся в догадках, зная, что у Пинкертон работают люди на слово крепкие. Да и за плечами у каждого из них был опыт, полученный в гражданской войне, во время которой организация Аллана, выступала как разведывательная организация Северных Штатов. Орлов вспомнил, что слава организации Пинкертон, вызывавшая у одних злобу, а у других надежду, родилась благодаря одному случаю. Когда самому Аллану пришлось, переодевшись биржевым маклером, идти по следам шайки фальшивомонетчиков, преследование которых закончилось, раскрытием заговора против их президента Линкольна.

Спустившись наконец в низ, Орлов принял участие в скромной трапезе, после которой время стало тянуться еще медленнее. Шел час за часом их томительного ожидания, но ничего не менялось. Сидя у потрескивающей печи, поручик сквозь дрему, слушал неторопливые разговоры Степанова с инженером. Которые обсуждали и будущие земель станичного юрта, которая почиталась неприкасаемой собственностью, о том в каких губерниях лучше сеять пшеницу и рожь, а в каких ячмень и табак. Про то, как перед началом работ в поле, святили его святой водой, помогая в работе родственникам и соседям. Рассказы испанцев про то, как у них собирают виноград и делают затем вино, которое хранят в больших бочках. О странном увлечении

испанцев кровавой каридой, приводящий их народ в какой – то животный экстаз и совершенно не понятный подданным Российской империи. Которые в отличие от испанцев, восхищались бескровной джигитовкой. Где о мастерстве наездника, судили по точности выполняемых им гимнастических приемах, на скачущей лошади. Когда казак должен был уверенно держаться на коне и сидя, и стоя, и перемахивая на одном дыхании под животом лошади с одного бока на другой на полном скоку.

Но все темы, так или иначе, сводились к предстоящему захвату шхуны англичан, к их подлости и коварству. И связано это было, с еще недавно пережитой Крымской компанией, об итогах которой никто не мог сказать, что этот мир тверд и, что он надолго. Все понимали, что заключенный мир между Россией и Англией, никак не решал исхода их противоборства, которое проходило вдоль всех границ и самых дальних владений двух империй.

Когда уже стал приближаться вечер и Орлов стал подумывать о возвращении в форт, в столовый барак буквально влетел Степанов, выпаливший с порога:

– Ваше благородие! Стрелял кто – то! Пока не ведомо кто, выстрелы из-за сопки эхо несет!

– Все к бою! Оборону держать на все стороны! – крикнул Орлов, вскакивая. Почувствовав как заныло сердце.

Выскочил наружу, он бросился утопая по щиколотку в снегу, к сторожевой вышке. Буквально взлетев по скрипучим ступенькам на смотровую площадку, сорвал бинокль и стал сосредоточенно всматриваться в прилегающую к лесопилке территорию. Вскоре до них со Степановым донеслись одиночные выстрелы, топот копыт и фыркание лошадей. Орлов в напряженном ожидании замер с биноклем, сосредоточив свое внимание на соседней сопке, откуда и доносились выстрелы. Прошло еще несколько томительных минут и на каменистой осыпи, у подножия сопки, заросшей высоким еловым лесом, появился всадник. Который скакал во весь опор, на черном как смоль коне, ведя за собой еще трех лошадей.

– Это американец, – со вздохом облегчения, проговорил поручик, – который с Джоном, охотится за головами. Вот только не пойму, почему он один и где его товарищи?

– Кто же за ним так гонится? – пробормотал урядник, крестясь. – Так ведь и лошадок загонит!

– Кажется, я знаю, кто его преследует, – отозвался Орлов, опуская бинокль. – Койоты на него охоту решили устроить загонную! Ну, что же, давай подмогнем союзнику.

Отдав бинокль казаку, поручик не торопясь передернул затвор винтовки и стал тщательно целиться в стаю хищников. Которых американец, пытался держать на расстоянии, одиночными выстрелами из револьвера. Несколько выстрелов из винтовки внесли сумятицу и панику среди хищников, которые резко замедлили свой смертельный забег, а потом и вовсе скрылись в чаще.

– Я Харли, из Сант – Луиза, – представился всадник, тяжело дыша. – Спасибо, что помогли отогнать этих тварей. Которые на меня с лошадами, решили поохотиться.

– Поручик Орлов, – козырнув, представился офицер, – а это урядник Степанов. Где же ваши товарищи?

– В засаде они сидят с ночи! Человек верный шепнул, что готовятся англичане якорь выбирать! Вот мы выдвинулись для наблюдения за ними! Меня Джон за вами отправил, а самому с лошадами нашими приказал у вас в форте дожидаться.

– Джон так уверен, что у нас все получится? – проговорил поручик, покачав головой. – Прими, Степанов лошадок, идем, Харли, чайку горячего выпьешь, под кашу маисовую. Заморозил вас смотрю Джон, до невозможности.

Орлов внимательно посмотрел на американца средних лет, с открытым добродушным лицом, красным от мороза. Одетым в темное шерстяное пальто, с огромным вязанным шарфом на горле и серой широкополой шляпой на голове.

– Джон уверен, что англичане стоят в наших водах и скоро действительно поднимут якоря?

– Да, сер, можете не сомневаться! – кивнув, проговорил Харли. – У нас верные источники.

– Хорошо идем в избу. В форте найдешь старшину, расскажешь ему все, фуража там правда не много, ну что – то придумаете! Я не думаю, что вся эта затея, займет много дней, идем.

– Вот ведь как койот обнаглел! – с жаром, бормотал Харли. Все еще не веря в свое спасение. – Они ведь жрут все подряд! Им ведь все равно кого сожрать, хоть птица попадется, хоть лягушка, хоть рыба с енотом! Эти твари и на бобров нападают, а могут и на оленя охоту загонную устроить! А тут меня решили с лошадками измором взять!

– Да уж всеядные твари, – кивнув, пробормотал Орлов. Не торопливо закуривая папиросу.

– Правда, ваша, сер! У нас в южных штатах, они вообще и ягоды жрут с фруктами, а уж если есть арахисовая плантация, то их от нее за уши не оттащишь.

– Здесь на Аляске, им конечно голоднее живется, чем в ваших южных штатах, – кивнув, проговорил поручик. – Поэтому они и вынуждены, устраивать свои загонные охоты. Где на оленей, а где и на одиноких всадников вроде вас. Меня койоты не преследовали, но один раз по лету с медведем пришлось сойтись.

– Не уж – то врукопашную?

– Да нет..., шел я тогда по берегу, вижу на песчаной отмели свежие следы крупного медведя. Захожу за пригорок, а он там сидит и рыбину жует, прости Господи. Теперь во снах, частенько вижу его оскаленную пасть, с желтыми клыками. Насилу успел пальнуть с винтовки в косолапого! Благо собачка, царствие ей небесное, его придержала. Очень крупный самец был. Скажи мне вот что, Харли..., а англичане нас с воды не заметят?

– Нет, конечно, – уверенно проговорил тот. – Джон с охотниками старые войны. Они у основания скалы укрылись, среди валунов и их точно с воды не видно.

– Хорошо, чаевничай, да поспешаем!

Отправив американца с лошадьми в форт, Орлов выступил со своим отрядом на соединение с Джоном, найти которого по следам Харли, не представляло большой сложности. Весь их путь лежал среди густого хвойного леса, который покрывал остатки большого хребта, где в изрезанных эрозией местах, даже в наступающих сумерках, легко угадывались пласты галечника или глины с линзами торфяника. Лишь когда уже совсем стемнело, Орлову удалось выйти к притаившимся в засаде американцам.

– Рад видеть тебя, Генерал! – воскликнул Джон, дыхнув перегаром. – Рад, что не передумал и присоединился к нашей охоте! Предупредить, что уходим времени не оставалось, уж извиняй. Я смотрю, ты и испанцам винтовки выдал? Не боишься, что в спину палить начнут?

Орлов не спеша устроился на лежанке, из хвойного лапника и тихо проговорил:

– Им до дому добраться надобно, да и злые они на англичан. Ну, а получится все, так и в морском деле подсобят.

– Ну, что же разумно. Может, выпьете для разогрева?

– Зачем пить перед боем? Я бы и тебе с друзьями не советовал.

– Это, Генерал, настоящие хлебные виски! От них же захмелеть не возможно, да еще на морозе, который все выветривает.

– Ладно, рассказывай чего вы тут высмотрели, за все это время. Корабль – то с англичанами здесь или нет? Что – то я ни одного огня не вижу на мачтах.

– Маскируются, – отозвался американец. Делая глоток из бутылки. – От берега пару кабельтовых будет до шхуны.

– Хватит тебе пить, – покачав головой, проговорил Орлов. Пытаясь рассмотреть в бинокль силуэт корабля.

– Видал, Бен, какие эти русские серьезные мужики, – с улыбкой, проговорил американец. – Это, Бен, он тоже бывший фермер из Сант – Луиза, как и Хари, а тот, что самый дальний – это Тони. А, Харли, в форте примут?

– В форте все будет правильно! Найдется там место и для Харли и для лошадок ваших.

– Я так думаю, что вас нам сам Всевышний послал, как оберег! С вами – то мы и англичан захватим, и Чарли негодяя скрутим! А то ишь чего поганец удумал, в Старый Свет отбыть тихонько. Не переживай, Генерал, нам осталось только их лодку дожидаться, да когда в лес с мешками уйдут. Тогда и корабль отобьем! Обещай мне, что в Ново – Архангельске угостишь нас, вашими славными блинами с икрой и, чтобы обязательно под водку все это было сделано!

– Договорились, – кивнув, прошептал поручик, – только вначале давай все сделаем правильно. А уж потом и водку, под икру с блинами будем кушать. Скажи, где ваш Чарли прячется?

– В деревне у туземцев, с друзьями он там, гнида затихорился! Ждать они там будут англичан, с ними и вернуться на судно.

– Понятно. А скажи, Джон, что ты думаешь по поводу лесопилки, где вы останавливались на ночлег? Я понять не могу, почему ее наши люди покинули.

Американец внимательно посмотрел на Орлова и, пожав плечами произнес:

– Кто его знает... но мне тоже показалось странным, что столько добра и вдруг все брошено. Одно могу сказать, что боя не было, следов пожара тоже, похоже люди покидали лесопилку спешно, но без паники.

– Может, потому что им сообщили о продаже этой земли?

– Ну, вот началось, – пробормотал Джон, разведя руками. – Уже и ты, Генерал, с нашего госсекретаря смеешься.

– Почему смеюсь? – уточнил поручик.

– Потому что эта идея бредовая, может придти в голову только бальному человеку, вроде нашего госсекретаря! Ну, сам посуди, кому нужны все эти снега и горы? Да еще с пьяными племенами туземцев! Слышали мы краем уха эту сказку! Только запомни, что у нас еще конгресс есть, между прочим, который никогда не позволит, нашему чудаковатому старику чудить. И вообще про такие глупости я даже разговаривать не хочу!

– Тогда расскажи, давно ли работаешь на Пинкертонна?

– Это можно! Уже больше двух лет.

– Не надоело, терпеть лишения вдали от дома?

– Я живу в Нью-Йорке, – отозвался тот, горько усмехнувшись. Растирая замерзшее ухо. – Надоело, Генерал, как раз жить и работать в каменных трущобах, где люди не хотят жить по законам Библии.

– В каком это смысле? Что ты имеешь в виду?

– Коррупция, будь она не ладна, – отозвался Джон. Раскуривая окурочек сигары. – Я слишком хорошо познал силу этого порочного и распространенного у нас явления, как союз полицейских и политиков. Одно время я даже пытался бороться с этим, по мере сил разумеется. Ну, а когда понял всю бессмысленность этой затеи – ушел к Пинкертону и, не жалею об этом поступке.

– Отчего же у вас все это творится?

– Потому что местное управление у нас осуществляется не так как в остальном мире, или как у вас в России. У нас избирательные компании, ведутся не ради городов или людей, а во имя двух партий толстосумов.

– Ты хотел сказать, во имя политических партий? – уточнил поручик. Вслушиваясь в шум прибоя.

– Конечно! Только до тех пор пока эти самые политики, будут оказывать влияние на полицию, где я служил до недавнего времени, нашу полицию как впрочем и наше общество, будут разъедать взятки и продажность. Когда существует такой институт как взятки – тогда полицейские не принадлежат себе и своей присяге, им тогда повсеместно чихать на охрану имущества и чести граждан.

– Думаешь дело только во взятках? Я много раз читал, что твой родной город находится во власти тех, кто торгует должностями.

– И это конечно имеет место быть! Порядочных джентльменов оттесняют от участия в политике. В ней не увидишь честных коммерсантов, ученых или журналистов с писателями, я уже не говорю о простых гражданах.

– Получается так, что твоим родным городом, правят проходимцы всех мастей?

– Вот именно! – выпалил, с жаром Джон. – Моим городом, правят те, кто пришел во власть или политику через насилие или взятки! Хотя народу, конечно, внушают через газетчиков, что мы имеем правительство избранное народом.

– Это, что же получается? Ваши полицейские, в основной своей массе выдвигаются и назначаются теми, кого должны задерживать для дальнейшего осуждения?

– Все верно понимаешь, Генерал! Чиновники в моем родном Нью-Йорке, да и не только в нем одном, не трогают тех, от кого зависит их сытая жизнь.

– Это все, потому что многие полицейские и судья не имеют образования, – прогудел простуженным голосом Бен. – Многие из них не грамотны настолько, что не могут написать и нескольких слов.

– Да, представляю себе, что у вас твориться, – покачав головой, пробурчал Орлов. – Представляю, как у вас вершится правосудие.

– А вот так и вершится! В зависимости от того за кого воевал человек, за Юг или за Север, – поддакнул Джон.

– Ничего себе демократия! – воскликнул Неплюев. – Не дай Бог, если и у нас так будут решать в судах, виновен человек или нет.

– Да, наша демократия пока не совершенна, – согласился американец. – Пока у нас политики могут приказать освободить преступников, уже признанных виновными. Но ничего..., придет время и правосудие будут вершить честные люди, мы все верим в это.

– Слышал, Иван Иванович, что в других державах творится? – проговорил поручик. Всматриваясь в неясные очертания лица инженера. – А ты еще ропчишь, по поводу нашего уклада жизни в империи! Чего трясешься всем телом? Замерз что ли?

– Пусть виски хлебнет, – проговорил Бен. Пытаясь согреть себе дыханием замерзшие пальцы. – Мороз вон крепчает!

– На корабле согреваться буду, – отмахнувшись, буркнул Неплюев. Кутаясь в воротник заячьего полушубка. – Неуж – то вот так беспардонно и освобождают?

– Точно! – кивнув, подтвердил Джон. Сделав глоток из бутылки. – У нас частенько арестованные мерзавцы, покидают зал суда свободными людьми, хотя их и приговорили к заключению. У нас ни один миллионер никогда не был повешен, какое бы он преступление не совершал, даже за жестокое убийство.

– Значит все кого у вас казнят, не имеют денег? – проговорил Орлов. С напряжением глядя в темноту.

– Верно! Или не имеют друзей среди политиков. Поэтому я и не хочу больше работать и жить, во всем этом и мириться с системой, где живут по волчьим законам. Пока наша ответственность так запугана, что в полицейском, простые граждане видят не защитника их интересов, а граждане наших свободных штатов, видят в нем врага общества. Именно поэтому я все бросил и работаю теперь на порядочного человека.

– Смекаешь, Иван Иванович, что у людей творится? – проговорил Орлов. Натягивая на руки перчатки.

– У нас народ, тоже не жалуется третьему отделению царской канцелярии, с их вооруженным корпусом жандармов, – возразил тот. Пряча лицо в поднятый воротник.

– Не жалуется те, кто не дружит с законом, или суется в политику, – возразил поручик. – Те, кому хочется притащить на нашу землю смуту революционную, разного разлива! А к полиции народ в основном относится терпимо. Даже если это касается тех случаев, когда по поводу коронации, объявляется амнистия политическим. И не важно, декабристы это, или участники польского восстания, никто не осложняет работу полицейским.

– Это спорный вопрос, – буркнул инженер. Растирая снегом замерзшие щеки.

– Ладно, Иван Иванович, спорить будем в другом месте. А, что касается вашей демократии и всего того, что у вас сейчас творится..., я тебе, Америка, так скажу... Думаю, пройдет какое – то время и все у вас с божьей помощью получится, встанет так сказать на свои места. Полицейские будут верны присяге, судьи чинить справедливый суд, ну, а такие как ваш Чарли, будут сидеть в тюрьме.

– Твои бы слова, Генерал, да Богу в уши! Я и сам себя этим тешу..., хочу верить в то, что приличные люди нашего общества, к которым принадлежат не только граждане, но и духовное руководство, поймут наконец всю опасность происходящего у нас в обществе. Положат конец издевательствам над законом и погонят поганой метлой, все это жулье и ворье, начиная от городских управ и заканчивая самим сенатом.

* * *

Все безобразия, о которых с болью говорил Джон, были отчасти известны Орлову. Единственное чего он не предполагал, что они приобрели у американцев, такие чудовищные размеры и формы. И, что эти язвы, касались всех Соединенных Штатов Америки. Где не только города, но и целые штаты этой бурлящей, огромной страны, еще явно не созревшей до конца, варились, словно в гигантском котле, приправленные чудовищными пороками.

Американцам нужно было выстрадать свое очищение, пройти через кровавые годы беспредела, прежде чем общество отчетливо осознало, что оно катится в пропасть. Только после этого придет прозрение и понимание того, что идеал свободы для всех, может легко оборачиваться опасностью для каждого. Придет время и, прикрываясь свободой экономической и политической, в жизнь каждого американца ворвется уродливая гримаса уголовного гангстеризма, который заставит ужаснуться всех американцев.

– Пусть офицер, даст своему Ивану хлебнуть виски, – проговорил товарищ Джона. – Лежащий рядом с инженером. – Заболеет ведь человек! Вон как озноб его бьет.

– Эх, Тони, – проговорил Джон. – Пусть хлебнет, я ведь уже предлагал. Только у него Генерал уж больно серьезный.

– Послушай меня, Джон..., я не генерал, а всего лишь поручик. Если будешь называть меня генералом, то я буду называть тебя Америкой. Идет?

– Значит договорились! – хохотнув, выпалил Джон.

– Ну хорошо, пусть инженер хлебнет, – кивнув, буркнул поручик. Пытаясь в темноте рассмотреть, молчаливого товарища Джона. – А Тони не из Англии родом? Говорю у него, какой – то лондонский.

– Так и есть! – хохотнув, воскликнул американец. – Из самого Лондона.

– И чего же твоему товарищу не сидится в Англии? Как же он оказался с тобой, в столь опасном путешествии? И как он себя поведет, если нам окажут сопротивление его соотечественники?

– Не переживай, Генерал, – отозвался англичанин, со вздохом. – Я не подведу, если стрельба начнется. А здесь я по приглашению моего друга Джона.

– Послушай, Америка! Он, что же, самый лучший охотник за головами во всей Англии?

– Да чего ты разозлился, Генерал? Он работает в уголовном розыске у себя, а точнее в его научном отделе, при Скотланд-Ярде. У моего боса, есть идея – поставить сыск на научную основу. Тони как раз и занимается у себя этим. Вот его и пригласили.

– Твой босс считает, что преступников можно ловить с помощью ученых? – искренне, удивился Орлов.

– Именно так! И я, например согласен с Пинкертоном, потому и пригласил Тони, поучаствовать в захвате этого Чарли. Вот увидишь, что будущее полиции всех стран, будет покоится, на фундаменте множества научных направлений! Тони, между прочим, до этого, служил в Индии, где и познакомился с теорией, поиска преступника по отпечаткам пальцев.

– Это что же, гадание на кофейной гуще? – усмехнувшись, уточнил поручик.

– У каждого человека, на пальцах есть свой узор линий, – проговорил англичанин, задумавшего. – Именно это и позволяет обнаруживать человека, который оставляет свои отпечатки пальцев на месте преступлений.

– И как же прикажите, ловить преступников? Будете перед арестом, у каждого пальчики рассматривать? У бандитов, вроде вашего Чарли и оружие имеется, и дружки головорезы, и плевать они хотели на вашу систему.

– Ну, вот захватим Чарли, офицер, тогда я вам и покажу, как работает этот метод. Пока скажу лишь, что мы уже давно, научились с помощью паров йода, закреплять отпечаток руки и пальцев. Именно это и позволяет сохранять, папиллярные линии рисунка. Еще не так давно, такие как вы, поднимали на смех тех, кто пытался обнаружить яды в теле убиенных. А теперь мы уже знаем, как найти в теле свинец или сурьму, фосфор или ртуть, серу или мышьяк. Над трудягой Зертюнером, в свое время многие посмеивались, а он в своей аптеке выделил из опиума морфий, который теперь знает весь просвещенный мир.

Что же касается меня лично, то я далек от политики, если офицера волнует эта сторона, он может не волноваться на мой счет. Мое дело способствовать сыску, так что пусть вас не коробит мое происхождение, да и дело – то у нас общее. Мы ловим разбойников, а вы нарушителей своих рубежей и давайте отложим до лучших времен, все наши симпатии или пред-
рассудки.

– Хорошая мысль! – с яростью, прошипел Орлов. – Только как можно забыть про то, любезный, что еще вчера, на этой земле, английский офицер Артур Каноли, командовал нападением на наш форт? В ультимативной форме, требовал выдать ему нашего подданного! И это замете на нашей земле происходило, только вчера.

– Я не одобряю эту политику и эти нападки, – покачав головой, проговорил Тони. – Если вас конечно, интересует мое мнение. Здесь я на вашей стороне и я рад, что вами не выдан ваш подданный, а туземцев постиг такой бесславный конец.

– В Русской Америке, как и на Дону-батюшке, выдачи нет! – пьяно, выкрикнул инженер.

– Э, э, Иван Иванович, – взорвался поручик, отбирая бутылку. – Хватит пить! Еще неизвестно, как там на воде все обернется. А, что касается моего отношения к полицейскому Томи – лично я, не имею претензий к вам. У меня есть претензии к вашим соотечественникам, которым надобно вести себя скромнее, чай не в Англии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.